

Людмила Соколова
Невидимые миру слезы. Драматические судьбы русских
актрис.

Лаборатория
ТВОРЧЕСТВА

ЛЮДМИЛА СОКОЛОВА

НЕВИДИМЫЕ МИРУ СЛЕЗЫ

Драматические судьбы
русских актрис

«Невидимые миру слезы. Драматические судьбы русских актрис. / Соколова Л. А.»:
БХВ-Петербург; СПб; 2011
ISBN 978-5-9775-0685-4

Аннотация

В книге одиннадцать историй о замечательных актрисах — Нине Гребешковой, Наталье Гундаревой, Светлане Дружининой, Татьяне Конюховой, Алле Ларионовой, Ларисе Лужиной, Нинель Мышковой, Руфине Нифонтовой, Галине Сергеевой, Светлане Тома, Элеоноре Шашковой. Истории написаны в разной форме и манере, потому что и героини очень разные. У каждой свой жизненный путь и своя порой непростая судьба в искусстве. Книгу иллюстрируют уникальные фотографии, предоставленные героинями, а также их родственниками и друзьями. 2-е издание дополнено новыми фактами из жизни актрис с учетом прошедшего с выхода первого издания десятилетия.

Людмила Соколова Невидимые миру слезы Драматические судьбы русских актрис

*Моей маме,
Соколовой Татьяне Васильевне, —
с любовью и благодарностью*

К читателю

Перед вами книга, в которой одиннадцать историй о замечательных актрисах. Они написаны в разной форме и манере, потому что и героини мои очень разные. У каждой свой

жизненный путь и своя судьба в искусстве.

Одни — забытые имена, другие же известны и почитаемы по сей день. Но подчас и за фасадом успешности скрыто столько страданий, столько «невидимых миру слез»!..

Некоторые из них живы, — и дай им Бог долгих лет без болезней и горя! Других уже нет с нами, — так помянем их добрым словом... Потому что они этого достойны. Вне зависимости от «размера» их вклада в наш кинематограф.

Странно все же устроена жизнь: можно на протяжении десятилетий играть в эпизодах и считаться «популярным», «известным» артистом. Выступать перед зрителями с годами откатанными воспоминаниями о знаменитостях, с которыми довелось встречаться на съемочной площадке. Бывать на всех фестивалях и модных тусовках. Существовать как бы за счет лица, отдельно от своей творческой биографии. И находиться при этом в полном порядке.

А можно сыграть одну-две заметные роли, блеснуть истинным талантом, полюбить зрители и исчезнуть из поля зрения на долгие годы, если не навсегда.

Кто возьмется измерить, какой ценой душевных мук, разбитых надежд, сломанных судеб заплатили они за короткий миг успеха или за годы на вершине славы?..

Фильмы с их участием продолжают демонстрировать по телевидению и в кинотеатрах, но молодое поколение равнодушно пробегает глазами титры, не находя знакомых имен. А они все — конечно же, не только те, кто упомянут в этой книге, — заслужили и выстрадали право на то, *чтобы их помнили*. И не только после кончины.

В народе говорят: чтобы полюбить человека, надо его понять. Я люблю всех своих героинь. С одними — Аллой Ларионовой, Нинель Мышковой, Натальей Гундаревой, Ниной Гребешковой, Ларисой Лужиной, Светланой Тома, Светланой Дружининой, Татьяной Конюховой и Элеонорой Шашковой — судьба подарила мне незабываемую радость встреч. Других помогли понять и полюбить их близкие друзья и родные. Если вы, прочитав эту книгу, тоже полюбите их или хотя бы *поймете*, то я буду считать, что выполнила свою задачу.

Людмила Соколова

Благодарность

Автор выражает искреннюю признательность за помощь в подготовке книги:

— главному редактору журнала «Экран» Б. Пинскому, осуществившему информационную поддержку, выраженную в предоставлении уникальных фотографий;

— Петриченко К. К.

— Козловской А. И.

— Соловьевой Н. В.

— Сулоевой Р. П.,

предоставившим материалы из семейных архивов;

— работникам музея Малого театра;

— Панковой Т. П. и Торопову А. М.,

а также ныне здравствующим героиням книги, отнесшимся к автору доброжелательно и терпеливо.

Нина Гребешкова: главная роль ее жизни

С утра все небо было затянуто молочной снежной белизной, но к полудню, как по заказу, выглянуло солнышко. Никому из собравшихся тесной группой возле одной из могил на Кунцевском кладбище не увиделось в этом ничего особенного: в этот день всегда хорошая погода. Даже если мороз и снег. Потому что под черной каменной плитой,

напоминающей расколотую крышку вздыбленного рояля, покоится веселый человек, подаривший миру свои веселые фильмы — Леонид Гайдай. И приходят к нему ежегодно 19 ноября немного странные для этого места вечной грусти люди: они шутят, вспоминают веселые истории, смеются, говорят тосты, но пьют по местной традиции не чокаясь. А Нина Павловна, разложив заготовленные бутерброды, плеснет по православному обычаю на могильный холмик из своего стакана и выпьет... нет-нет, не за помин души, — это для тех, кто вспоминает Гайдая от случая к случаю. А она о чем бы ни думала, о чем бы ни говорила, все время возвращается к мужу: что бы он сказал, как бы поступил?.. Иной раз, по своему обыкновению, шутливо бранит своего Леню.

— Вот недавно с памятника отломали и украли бронзовый крест. Я говорю: «Леня, ну куда ж ты смотрел? Почему их не отогнал? Я уже подумываю, что скоро к тебе под бочок лягу, а тут опять получается, что некогда: надо памятник восстанавливать.

Вот теперь поставила черный крестик — даст Бог, не украдут. Так все время ты меня чем-то и держишь».

А потом доверительно зашептала на ухо: «А знаешь, почему памятник как бы из двух частей? Вот под той, что пониже, я для себя местечко приготовила!»

И довольно засмеялась. Уход из этого мира не видится ей большой трагедией, потому что она абсолютно точно знает, что ТАМ обязательно встретится со своим Леной.

Профессиональная актриса, обладательница яркого таланта большого диапазона от драмы до комедии, Нина Гребешкова всю жизнь не просто прожила в тени своего знаменитого мужа, — она посвятила себя служению ему и его таланту. Хотя сама не считала это подвигом. Просто когда приходилось выбирать между главной ролью на другой студии, в другом городе или эпизодом в фильме Гайдая, никогда не раздумывала. Кто-то, возможно, удивится: почему она с такой легкостью соглашалась на маленькие роли и эпизоды, задвигая себя «во второй эшелон»?.. Все просто: при деле находилась и деньги зарабатывала, да и дом надолго не оставляла.

Но, пожалуй, «роль» жены Леонида Гайдая стала самой главной в ее жизни.

Студенческий роман длиною в жизнь

А ведь до того, как они в 1949 году познакомились с Гайдаем во ВГИКе, Нина Гребешкова успела сняться в фильме «Смелые люди». Правда, это был эпизод, но поскольку фильмов тогда выходило мало, их смотрели несчетное число раз и каждый артист становился замечен. Все знакомые считали ее уже «кинозвездой». А она кокетливо смеялась.

Вообще, от природы Ниночка — человек веселый и легкий, несмотря на то, что жизнь ее не баловала. Росла она в большой семье и жила с родителями и двумя братьями в коммуналке. С детства мечтала быть учительницей начальных классов, но подруга, выполняя «наказ» отца, посоветовавшего Гребешковой поступать во ВГИК, настояла по-пробоваться «на артистку» и даже вместе с ней повезла документы на улицу Вильгельма Пика. И к удивлению самой Ниночки (ведь конкурс был 100 человек на место!) ее сразу взяли на свой курс Сергей Герасимов и Тамара Макарова.

Семнадцатилетней девчонкой она оказалась в окружении взрослых и много повидавших людей. Некоторые из них, как Лев Кулиджанов, Яков Сегель, Василий Ордынский прошли войну. Поэтому неудивительно, что она подружилась со сверстницей, хорошенькой хохотушкой Аллочкой Ларионовой.

С первого курса Гребешкова начала активно сниматься в кино. Герасимов не препятствовал. Но, как потом говорили изучившие характер Мастера, «измен» не прощал и таких студентов в своих фильмах не снимал. Вот и подружек ни разу в свои картины не пригласил. Из-за постоянных пропусков занятий по причине съемок Гребешковой пришлось в конце концов перевестись на курс ниже. И заканчивала она ВГИК в мастерской В. Белокурова и В. Ванина, где учился на режиссера Леня Гайдай.

Но на защите диплома играла и у себя, и на герасимовском курсе, с которого ушла,

княжну Буйносову в ставшем во ВГИКе легендарном «Петре I», который через тридцать лет Мастер перенесет на широкий экран. Правда, с другими, молодыми, исполнителями. А во вги-ковском спектакле царя Петра играл бывший сокурсник Гребешковой и друг по жизни Коля Рыбников. По воспоминаниям тех, кто видел его работу — играл потрясающе! Вообще, Нина Павловна считает, что Рыбников «так и не сыграл тех ролей, для которых был создан».

В институте от кавалеров у Ниночки не было отбоя, один лучше другого — только выбирай! А выбрала она высокого, худого и нескладного Леню Гайдая, который к тому же был старше ее на восемь лет.

— Когда Леня ухаживал за мной, то провожал пешком от Сельскохозяйственной выставки (где на улице Эйзенштейна находится ВГИК — прим. авт.) до Гагаринского переулка на Арбате, где я жила. Это и был тогда настоящий Шурик — в очках, с книжкой. Он мне что-то все время увлеченно рассказывал, читал стихи, как Шурик в новелле «Наваждение» из «Операции „Б“». Леня очень любил Ярослава Смелякова и стихотворение «Хорошая девочка Лида» читал на вступительных экзаменах во ВГИК. Провожал-провожал, а потом и говорит как-то: «Нинок, что мы все ходим, мерзнем? Давай поженимся». Я говорю: «Да ты что?! Ты такой длинный, я маленькая — мы будем с тобой, как Пат и Паташон». А он: «Ну, ты понимаешь, большую женщину я же не подниму, а маленькую буду на руках носить». Я говорю: «Ну, если на руках будешь носить, я согласна». Причем это было как бы не всерьез, ни к чему не обязывающе — пробный камешек. Он как бы оставлял мне возможность отступить. В этом его скрываема за шутливостью неуверенность в себе и уязвимость, понимание, что он не красавец. А на следующий день: «Ну, ты паспорт-то принесла?» Я говорю: «Зачем?» — «Ведь мы же решили пожениться!»

Так, как бы не всерьез, они и поженились 1 ноября 1953 года. И прожили потом на полном серьезе сорок лет. Ниночка привела мужа в родной дом, шестым в двадцатитрехметровую комнату. Там же у них появилась на свет единственная дочка Оксана.

Поначалу мать Нины Павловны была против их брака.

— Мама спросила, почему я выхожу за Гайдая, хотя за мной ухаживало много красивых ребят. Я сказала, что он мне нравится. Она спросила: «И ты не видишь у него никаких недостатков?» Леня был такой длинный, худой, на вид болезненный. Я отвечаю, что, конечно, у него есть недостатки, как у каждого человека. А мама мне и говорит: «Если ты сможешь всю жизнь мириться с его недостатками — выходи. Но если же собираешься его перевоспитывать — напрасно потеряешь время».

Леня обожал маму за ее мудрость, за ее юмор, доброту. Он даже шутил не раз: «И почему я на тебе женился? Надо было на Екатерине Иванне». Я делала вид, что обижаюсь, поджимала губу и уходила. Но для меня у Лени не было недостатков, мне он всю жизнь казался безумно красивым.

В картине «Лавина» режиссера Ивана Солового Гребешкова сыграла тещу главного героя, на которую обижается собственная дочь: ей кажется, что мать зятя больше любит. По мнению тех, кто хорошо знает семью Гребешковой и Гайдая, Нина Павловна сыграла отчасти себя, а во многом свою маму.

— Мама тоже Леню очень любила и всегда мне внушала, что всех денег не заработаешь (это когда я на съемки уезжала или много дубляжом занималась), а за здоровьем мужа надо следить.

Гайдай открывал таланты... чужие

В девятнадцать лет Леонид Гайдай из родного Иркутска, где играл на сцене драматического театра, ушел добровольцем на фронт. Служил в разведке, на своем худом горбу не раз притаскивал «языков», а однажды подорвался на mine. В госпитале ему собирались ампутировать ногу, он стал умолять врачей: «Как же я без ноги смогу быть артистом?» Ногу оставили, правда, за это он заплатил высокую цену: перенес пять операций, долго валялся в госпиталях, а потом всю жизнь страдал от боли в ноге. К фронтовым ранам

позже прибавилась язва желудка, которую режиссер заработал на нервной почве: нелегко быть комедиографом в Советском Союзе. Но никогда не жалел, что оставил актерскую профессию.

В Иркутском драмтеатре им. Охлопкова сохранились фотографии артиста Гайдая в разных ролях. Все признавали, что он был гениальным актером, хотя роль в кино сыграл всего одну: в фильме Бориса Барнета «Ляна». Став режиссером, он не просто подсказывал артистам рисунок роли, он их так проигрывал, что все приходили в восторг.

Те, кто видел Гайдая в дипломной работе — водевиле «Бархатная шляпка», где он играл главную роль, не могли этого забыть! Как и того, как заходились от хохота мэтры — члены госкомиссии. Говорят, Пырьев смеялся до икоты. Этот властный, авторитарный человек мог легко кому-то испортить жизнь, кого-то отлучить навсегда от любимой работы (как, к примеру, свою экс-супругу Марину Ладынину), а мог быть, как по отношению к Гаю, и добрым гением.

Странно переплетались в Гаю богатый яркий и праздничный внутренний мир, особое видение красоты и жесткие оценки мира реального, жестокости которых он порой просто не понимал.

— *В его картинах зашифрована его и наша жизнь! Вот героя «Операции „Ы“» он назвал Шуриком — это имя Лениного брата, но он дал ему свой характер и свое мироощущение. Помните, как в новелле «Наваждение» Шурик, увидев Лиду, спрашивает: «Кто это плывет?» Леня так воспринимал людей. Он был приподнят. У него был свой мир. Он мне рассказывал, что думал в юности, что в Москве все люди красивые. Это в Иркутске обыкновенные. Когда в 1942 году он ехал на фронт через Москву, их провезли с вокзала на вокзал на метро, и он так переживал, что не увидел ни одного москвича: «А я думал, что увижу красивых людей».*

Я могла сказать возмущенно о ком-то: «Это такая гадина! Он сказал о твоей картине...» А Леня поворачивался и уходил: «Я не хочу видеть тебя в таком качестве». Или вот, мы едем из Дома кино от Белорусской на метро. Леня тогда был еще не старым — лет шестидесяти. Он всегда очень любил и ценил красоту. Вот он говорит мне тихонько: «Нинок, там, у двери, стоит такая красивая женщина! Посмотри!» Я говорю: «Сейчас впереди выйдут, и я посмотрю». — «А вдруг и она выйдет?» — «Ну что теперь делать?» Он опускается до моего уровня и видит, что мне кроме подмышек впереди стоящих людей ничего не видно, и так удивленно-сострадательно смотрит на меня: «Нинок, да ты же ничего не видишь! Как же ты живешь?»

Я хочу сказать: не то, что он был нестандартный, — он видел гораздо глубже, четче и дальше. Своим нутром ощущал мир.

Гаю никогда не говорил ей возвышенных, громких слов. Зато мог ласково погладить высунувшуюся из-под одеяла ногу сонной жены и умилиться: «Какая у тебя маленькая ножка!»

— *Вот я у него спрашивала: «Леня, ты меня любишь?» А он удивлялся: «А разве об этом надо говорить?»*

Я его понимала. Вот как-то собираемся на Новый год в гости. Я сшила себе красное платье из тафты, открытое, с какими-то золотыми бантиками, прическу сделала. И так себе нравлюсь, кручусь перед зеркалом: «Лень, посмотри. Правда, я красивая?» А он в ответ: «Нинок, ты должна понять, что ты некрасивая». Я опешила: «Как некрасивая? Зачем же ты на мне женился?» — «Но у тебя много других достоинств». Ну что с ним поделаешь?!

Но тем не менее в студенческие годы в режиссерской постановке Гаю — отрывка из «Отца Горио» — Гребешкова играла роскошную г-жу де Несюнжен.

— *Видимо, он все же очень хорошо ко мне относился.*

Казалось бы, что может быть лучше для актрисы, чем муж-режиссер?

Но в первой самостоятельной работе Леонида Гаю, сатирической комедии «Жених с того света», места его жене не нашлось. На ее долю досталось выхаживать его после того,

как фильм нещадно изругали и заставили изрезать так, что он стал короткометражкой. Хотя поначалу фильм, который Гайдай назвал «Мертвое дело», худсовет принял. Но вернулся из отпуска министр культуры Михайлов, посмотрел фильм и назвал его «пасквилем на советскую действительность». Министр устроил молодому режиссеру настоящий разнос: «Вам придется положить на стол партийный билет. И кино снимать вы больше не будете».

У Гайдая открылась язва, настроение было такое, что он решил никогда больше комедии не снимать. Нина Павловна, бросив все дела, увезла его в Иркутск. Там, в родных стенах, Леонид Иович потихоньку приходил в себя. Там его посетила гениальная идея: снять фильм по стихотворному фельетону Степана Олейника о браконьерах, напечатанном в «Правде», который он обнаружил в залежах старых газет на чердаке в родительском доме.

Радостный, он прибежал к жене: «Послушай, Нинок! Бежит пес — 2 метра. Бежит Бывалый — 3 метра. Оглядывается — 1,5 метра. Общий план: бегут все — 3 метра. Трус падает — 2 метра... Правда, смешно?» Супруга, хотя равным счетом ничего смешного в этом не видела, согласно кивала головой, чтобы не расстраивать больного мужа.

С этой идеей Гайдай по возвращению в Москву отправился к директору «Мосфильма» Пырьеву. Но Иван Александрович сказал категорично: «Если хочешь остаться в обойме снимающих режиссеров, сделай фильм на героико-революционную тему». Так, для реабилитации по сценарию Александра Галича (которому тоже потребовалось доказать свою лояльность власти) Гайдай снял патриотический фильм «Трижды воскресший» (1959), в котором Нина Гребешкова сыграла роль Зои. А главную женскую роль сыграла ее подруга Алла Ларионова...

Фильм о героической команде маленького буксира остался незамеченным, а вот короткометражка «Пес Барбос и необычный кросс» сделала режиссера и придуманную им троицу — Труса, Балбеса и Бывалого — всемирно известными.

— *Картина была закончена перед Московским кинофестивалем, и ее показали на закрытии. Наутро раздается звонок в дверь: Сережа Бондарчук. У него в руках тарелка, на ней нарисован пес и надпись «Поздравляю!» «Это, — говорит, — твоя первая золотая медаль». Он рисовал великолепно.*

После этого триумфа Гайдаю станут доверять собственные постановки. Но и в прославивших его «Самогонщиках», «Деловых людях» и суперхите «Операции „Ы“» его жена не будет занята.

Что должна была чувствовать женщина и актриса, когда фильмы ее мужа делали знаменитыми других? В том числе и актрис. Ведь вскоре сняться у Леонида Гайдая станет равнозначным «стать звездой».

— *Лене нельзя было сказать: «Напиши для меня сценарий!» Это надо было бы расходиться, потому что он бы понял, что живет не с тем человеком. Бывало, знакомая актриса приносила ему сценарий, хотела, чтобы он его поставил, хотела у него сниматься... Он читал, но страдал, потому что был очень деликатным человеком и не мог сказать, что не хочет ее снимать, потому что она «не его актриса». Тут уже я шла на выручку: «У него дома сидит актриса. Но я рта не могу открыть, чтобы что-то ему навязать. Как можно подавлять его индивидуальность?»*

Ну, на этом наша дружба с гостьей обычно заканчивалась. А Леня всегда делал только то, что хотел.

Я понимала: чтобы играть в его картинах, надо быть актером таким, как Георгий Вицин, как Наташа Селезнева с ее фактурой, такой как Наташа Крачковская...

И жена Гайдая будет много работать на разных киностудиях, у других режиссеров.

Эпизоды, эпизоды...

— *Вот у Георгия Данелия в фильме «Слезы капали» я сыграла Зинаиду Галкину — «жену» Леонова. И я там, видимо, хорошо сыграла, потому что режиссер Игорь Таланкин, посмотрев рабочий материал, воскликнул: «Оказывается, у Гайдая такая талантливая*

жена!» Мне передали его слова, и я такая гордая ходила. А практически всю эту линию Гия вырезал. И по дороге на просмотр в Дом кино признался: «Нина, я тебя сильно порезал». Но я не могу на это обижаться: значит, режиссеру так надо. Ведь актер никогда не знает, что войдет в картину, а что — в корзину. Каждый раз загадка, что от тебя останется. Ты отдаешь себя полностью в руки режиссера: он может тебя поднять, а может и уничтожить. У меня никаких амбиций нет. Это Леня меня так воспитал. Я люблю людей таких, как Георгий Данелия, — талантливых, искренних, доброжелательных. Он тогда, как бы в компенсацию, пообещал мне, что в каждой своей новой картине будет давать работу, и слово держит.

Я вообще ни от чего не отказывалась, не выбирала: приглашают — надо работать. Надо все время быть в работе. Бывает так, что сегодня актер востребован, а потом начинает выбирать: теперь буду только у Райзмана сниматься. А Райзман не зовет! И тогда он выпадает из обоймы. Помню, снялась уже в «Бриллиантовой руке» — казалось бы, уже есть чем гордиться, иду по студии (у меня был дубляж индийского фильма), а навстречу Стасик Росточкий. Спрашивает, как, что. А я у него спрашиваю: есть что-нибудь для меня? Он говорит, что снимает молодежный фильм и предлагает учительницу без текста. Но в «солидной массовке». Я тут же соглашаюсь. И он в эпизоде посадил меня в учительской перед телефоном. Я уже придумываю: черт с ними с сочинениями — мне надо замуж выходить! Звонит ОН, и я начинаю щebetать-кокетничать, — и сразу сложился характер, получился образ. Можно сыграть главную роль, и непонятно будет, что за характер. А эпизод сыграть очень трудно.

Ее Аллочка из «Доживем до понедельника» запомнилась, как и вся «солидная массовка» любимого не только молодежью фильма.

Эпизоды Гребешковой были, можно сказать, основным заработком в семье, помогли за кооператив в доме «киношников» на улице Черняховского расплатиться. Как-то Нина с мужем, шутки ради, по партбилету Гайдая подсчитают, сколько он заработал за все время, и Леонид Иович опешит: «Нинок, а на что же мы жили?» За свой последний фильм «На Дерибасовской хорошая погода...», к примеру, Гайдай получил меньше, чем его супруга за эпизод в незавершенном фильме Леонида Филатова «Любовные похождения Толика Парамонова». Хотя известный и любимый народом кинорежиссер был одним из самых кассовых в стране и постоянно находился в работе: то снимал, то очередной сценарий писал... Не отдыхал никогда, оставляя все на потом.

— Он домой приходил и молчал. Я думаю, что он так расслаблялся. Ему было здесь хорошо. Во-первых, никто его здесь не трогал. Никто не заставлял ничего делать. Это было просто невозможно. Вот пример: когда было трудно с продуктами, я увидела, что возле дома с машины лук продают. Прошу: «Леня, возьми свою „инвалидную“ книжку и купи хоть килограмм лука». Муж берет авоську и уходит. Его нет часа четыре. Я спрашиваю по возвращению: «Ты что, в очереди стоял?» «Нет, — отвечает, — я очередь занял и подошел к продавцу. И когда инвалиды подходили, я показывал свою книжку и говорил, что тоже инвалид, но ведь стою же в очереди». Я говорю: «Тебе надо было в другую сторону показывать свою книжку!» — «Ну, понимаешь, Нинок, стоят старушки замерзшие, а подходят мужики здоровенные — все инвалиды». У него было обостренное чувство совестливости и справедливости... Он характеры для своих героев в таких ситуациях подмечал. Помните, Моргунов сыграл такого инвалида в «Операции „Ы“»: «Кто инвалид?» — «Я!» Леня ненавидел... нахрапистость! Спрашиваю, что ж купил всего килограмм лука? — «Ну, ты же сказала столько».

Это были времена «продуктовых наборов», Леня называл их «пайками». Как-то на студии давали пайки, и я знаю, что там должна была быть курица. Приходит Леня домой, спрашиваю: «А где же курица?» А он: «Нинок, ну как же я мог? Никому больше не положено, вот я и разделил паек в группе: все тянули жребий. Но я поставил условие, что икру беру себе!» И с гордостью протягивает мне баночку икры.

Вы понимаете, какой это был человек? Это же такое счастье прожить с этим

«идиотом»! Не любить его было нельзя.

По возрасту Гайдай был старше жены, но по жизни оказался сущим ребенком. Поначалу она периодически взрывалась, пыталась его «воспитывать», частенько сетуя, что надеяться ей не на кого. А он обескураживающе отвечал: «Нинок, ну что делать?»

— Я его считала просто глупым человеком. В бытовом смысле. Что ему ни поручи — он делал не как все, не вникал. А просто ему это было не интересно. А я всегда была настоящей домашней хозяйкой, все умею: прибить, ремонт сделать... Я люблю, чтобы все, что меня окружает, было идеально. Буду тереть, полировать...

Вот мы машину купили. Я не только на ней ездила, но и за ней ухаживала. Думала, что Леня это все даже не замечает, а он как-то сказал знакомой женщине: «Как вы можете ездить на такой машине? Вы посмотрите, в каком идеальном состоянии машина у Нины! У нее нет ни одной капли ржавчины. Вы пойдите, она вам расскажет, как это надо делать!»

Или вот: построила я дачу. Поставила печку. Своими руками все полировала, шкурила. А он подходил, гладил кладку и говорил: «Ты подумай, ведь это же ты все сама?!» Гордился.

Его невозможно было уговорить пойти в магазин купить новый костюм или обувь. «Нинок, сходи сама!» Я иду, выбираю, на себя мерю, смотрю, чтобы рукава были на «столько» длиннее... Покупаю и договариваюсь обменять, если не подойдет. Он надевает и радуется: «Слушай! Идеально!» Ботинки покупала, проверяла, чтобы подошва хорошо гнулась, чтобы были легкие — ведь нога-то раненая. Он обувает: «Вот здорово!» И все. Меня это раньше злило: ну, что бы самому не поехать, померить? Куплю новый костюм, и он будет висеть в шкафу, а Леня опять ходит в старом. Я ругаюсь, а он говорит: «Нинок, он счастливый. И потом, я там ложусь на пол...» Приходит какой-нибудь торжественный момент или день рождения, и он надевает новый костюм, рубашку — а обычно ходил в свитерах — и говорит: «Ну, что, похож я на колхозника?» Потом приходит счастливый и рассказывает: «Все мне говорили, какой я сегодня красивый! А если бы я каждый день так ходил, то никто бы этого не заметил».

Леня совершенно был неприспособлен в бытовом плане. Вот, вызывает его как-то Пырьев и спрашивает: «Что тебе: дать звание или категорию повысить?» Мой «практичный» муж отвечает: «Конечно, категорию». Потому что это означало прибавление в деньгах. Приходит домой и с гордостью мне об этом сообщает. А я говорю: «Если бы тебе дали звание, то тут же повысили бы категорию!» — «Да? Это я промахнулся».

Но званиям и всяким «цацкам» Гайдай никогда не придавал значения. Вот и свою жену регулярно вычеркивал из представления к званию, объясняя, что ему, как председателю тарификационной комиссии, как-то неудобно ее выдвигать. И ее приучил так же смотреть на эти вещи. Поэтому звание Заслуженной артистки России Нина Павловна получила только в конце 2001 года.

Когда им доводилось вместе участвовать в творческих встречах или еще каких-то мероприятиях, Леонид Иович просил, чтобы их объявляли просто: «Режиссер Леонид Гайдай и актриса Нина Гребешкова». У него всегда было обостренное чувство такта по отношению к окружающим. И болезненная скромность.

— Он никогда никого не обсуждал. Когда критиковали Леню и его фильмы, я закипала. Могла в запале сказать, что просто бы расстреляла этого человека. А у него в этот момент глаза становились большие очков, и он говорил: «Нинок, ну он такой! Не приглашай его в гости, не пей с ним чай. Но не убивать же его?»

Тем не менее, Нина Павловна подчас смело шла в рукопашную, чтобы защитить мужа. Как-то возвращались они затемно. А перед их домом был большой пустырь и котлованы под будущие стройки. И тут перед ними появляется парочка то ли грабителей, то ли хулиганов. Гребешкова с ужасом понимает, чем это может обернуться: будут грабить — Гайдай не стерпит. И уже в голове картинка: то муж раненый лежит, то его имя в связи с дракой в газетах ославлено... И с криком бросается на обидчиков, хлеща их сумочкой. Естественно, все ее содержимое рассыпается в пыли. С досады от потери любимой помады маленькая

женщина еще яростнее насккивает на верзил. Тут и милиция подроспела. Но на месте разбираться не стала, а всех забрала в отделение. Там все и выяснилось. Вот уж от души посмеялись милиционеры над незадачливыми грабителями! Супруги потом тоже хохотали, переживая это событие, ползая по земле в темноте в поисках ключей и нужных дамских штучек, разлетевшихся в разные стороны.

— *Я за него могла глотку перегрызть!*

Как-то предложили ей большую роль на студии им. Довженко. Спрашивает у мужа, соглашаться или нет. Он ей свое обычное: «Решай сама, Нинок». Но чувствовала жена, что настроение у супруга испортилось. Гайдай в это время работал над «Кавказской пленницей» и собирался в экспедицию. Ей там нашлась всего лишь эпизодическая роль врача психбольницы. Но все творческие мечты Нины Павловны перевешивали мысли: как муж со своей язвой будет там питаться, что он опять будет забывать о больной ноге... И она едет с ним на Кавказ. Не отдыхать, а работать, что для них естественно, и помогать ему. Мало кто обратил внимание на то, что свою героиню в этом фильме Гайдай назвал Ниной. Объясняться в любви супруге он не умел, но с той поры крылатая фраза «студентка, комсомолка, спортсменка, наконец, она просто красавица» навсегда соединится в народной памяти с дорогим для него именем.

Обычно Леонид Иович доверительно рассказывал жене обо всем, что происходило на съемочной площадке или в киногоруппе.

— *Первое, что я делала, когда он приходил домой, кормила его, а потом он мне рассказывал.*

Порой жаловался, когда подводили, плохо работали. Сильно уставал не столько от работы, сколько от непрофессионализма. Выкладываясь на все сто, он не понимал, как можно иначе относиться к делу. Жена утешала: «Да разгони всех к чертям! И набери новых». Сам Гайдай по складу характера не то что никогда голоса не повышал, но даже при необходимости распечь нерадивого сотрудника не мог. Единственное замечание, которое он себе позволял: «Вот Нина Павловна советовала мне вас всех поувольнять!» Но супруга не обижалась, что он делал ее «стрелочником».

Большой ребенок Гайдай

Леонид Иович был не прочь иногда выпить. Кстати, ничуть не больше нормальных людей. Но Гребешкова, очень переживавшая за его здоровье, этого не поощряла. Потому, когда находился повод для рюмочки-другой, он просил в группе: «Только не говорите Нине Павловне».

— *В детстве Леня не выговаривал «р» и «л». Но для того, чтобы стать актером — научился. А стоило ему выпить, у него заедало. Вот я и придумала для него тест на трезвость: «Скажи-ка параллелограмм».*

Создавалась видимость, которую он сознательно культивировал, будто он побаивался свою «грозную» жену. Хотя и на самом деле ее авторитет в бытовых вопросах был для него непререкаем. Было время, когда они с друзьями ночами просиживали за картами. Леонид Иович был страшно азартным человеком, а Гребешкова умела прекрасно владеть собой, что и позволяло ей с непроницаемым видом частенько блефовать. И выигрывать. Но как-то ей так жалко стало потраченного впустую времени, что раз и навсегда отрубил: «Все!» С той поры ни в гостях, ни дома в карты они не играли. Правда, свою страсть Гайдай нет-нет и выплескивал на стороне: в зале игральных автоматов.

— *В Америке, когда мы поехали в экспедицию «На Дерибасовской...», он вдруг предлагает мне деньги разделить. Я спрашиваю зачем? Объясняет, что хочет что-то для машины купить. Я прекрасно понимаю, что хитрит, но соглашаюсь. Приезжаем мы с Лас-Вегас, а там в аэропорту стоят «однорукие бандиты». Леня сразу к ним. Бросает — выигрывает, бросает — выигрывает!.. Все просто в изумлении. А потом проиграл все. Приходит скукоженный: «Нинок, дай мне доллар, а я тебе принесу десять». Ну, как ребенок.*

Я ему говорю: «Ты же сам предложил разделить деньги! Я рассчитываю на свои что-нибудь себе купить, Оксанке». А самой его так жалко, — я ведь его обожала! Понимала, что это как трехлетнего ребенка лишить игрушки. Даю. Уходит. Через пятнадцать минут возвращается, мнется. Спрашиваю: «Ну, и где деньги?» — «Я тебе в Москве отдам».

В этом он весь! Непостижимый. Про него можно рассказывать самые невероятные случаи.

И она охотно рассказывает. Не о себе, а все о нем, о своем Лене.

О том, к примеру, что Гайдай всю жизнь любил животных. И они отвечали ему взаимностью. Мог в ресторане огорошить сидящих за одним с ним столом, даже если это были иностранцы: «Вы это не будете доедать?» — и старательно все собирать с тарелок, чтобы накормить бездомных собак. О своей собаке мечтал долго.

— Лет пять мы все об этом говорили. Покупали книги, изучали породы. А тут дочкин одноклассник (впоследствии жених и муж — прим. авт.), предложил щенка фокстерьера. Ленья с Оксанкой сразу рванули и принесли на ладошке маленького щеночка. Назвали его Ричи. Я их строго предупредила, чтобы в комнатах собаки не было. Ночью просыпаюсь, а Лени рядом нет. На кухне горит свет. И вижу такую картину: сидит на полу мой Ленья и, привалившись к столу, спит. А на его вытянутой больной ноге спит щенок. Я как фурия: «Что происходит?» А он: «Нинок, она так плакала!» Ну, что тут скажешь? Так он три ночи с ней и просидел.

Ленья так любил Ричи! Он играл с ней, как маленький! Из своей тарелки приносил ей мозговую кость. Она начинала есть, а он становился на четвереньки, рычал и загонял ее в угол. Ричи, вероятно, это надоедало: она приносила ему кость, клала ему под ноги и уходила, высоко подняв голову. Обожал он ее безмерно.

Гайдай много возился с собакой и придумал потрясающий трюк, достойный того, чтобы вставить его в картину. У него в комнате в определенном порядке, который никому нарушать было нельзя, лежали газеты, которые семья во множестве выписывала.

— Ленья быстро уставал от занудливых гостей, а выгнать — не позволяло воспитание. Тогда он заводил разговор: «Ты читал статью о (следовала какая-то тема)?.. Да, я лучше тебе сейчас покажу». Звал Ричу и говорил: «Принеси-ка мне „Литературную газету“». Рича понимала слово «газета» и — цок-цок — приносила верхнюю газету из стопки. Ленья разворачивал: «Здесь нет, и здесь... Неужели я ошибся и это в „Вечерке“? Рича, принеси-ка мне газету „Вечерняя Москва“». И так повторялось пять-шесть раз. Гость совершенно обалдевал: «Она у вас что, читать умеет?» А Гайдай хитро посмеивался: ему уже не было скучно.

Когда Ричи внезапно умерла, он переживал безмерно, плакал. И хотел опять собаку завести. Но я наотрез отказала. Он попросил: «Ну, давай тогда кошку». Я говорю, что устала скрести ковер от шерсти. Он согласился. А когда его не стало, приехала внучка Ольга и сказала фразу, которую говорил Ленья: «Вот ты такая умная, все знаешь, но как ты можешь воспитывать ребенка без животных? Ты должна мне завести собачку или кошечку». Ну, я сказала: «Ладно, не для себя, не для тебя, а во искупление вины перед Ленией, возьму кошку. Но только условие — гладкошерстную».

Насколько последовательна Нина Павловна в своих категорических утверждениях, можно судить по неопишуемой красоты «дымчатому облаку» на лапках — супер-породистой кошке Глэдис, в просторечье Глашке. Она в последнее время ужасно устала от нашествия репортеров, ревниво относится к появлению чужаков, даже если они пристают к ней с нежностями, и несмотря на «голубые кровя» цапнуть может так, что мало не покажется. Хотя хозяйка считает: «Она такая деликатная. Это просто человек».

Видимо, Глашке просто надоели посторонние люди... Животному проще выразить свое недовольство происходящим, деликатному человеку приходится терпеть.

Гостеприимная хозяйка и чаем с вкуснейшим пирогом своего изготовления попотчует и будет терпеливо, «в сотый раз» отвечать на вопросы. Ей до сих пор кажется, будто все,

происходившее с ней вне понятия «Гайдай», не заслуживает внимания. Хотя кроме эпизодов были у нее и заметные роли: Рая в «Беспокойной весне» (1956); сестра героя из сказки «Звездный мальчик» (1956); Татьяна из «Муму» (1958), в которую был влюблен немой Герасим; Катя из «Жизни сначала» (1963); Лена из «Острова Ольховый» (1964); мама героя фильма «Приключения Толи Клюквина» (1965) и др.

Жена № 1 Советского Союза

С «Кавказской пленницы» Гайдай станет снимать супругу во всех своих фильмах. Но в основном в эпизодах. Как-то со словами: «Почитай: там есть для тебя роль», — даст ей сценарий «Бриллиантовой руки».

— *Он написал сценарий с постоянными соавторами Морисом Слободским и Яковом Костюковским. Я читаю. Ну, Анну Сергеевну играть не могу — я же некрасивая (как раз и навсегда внушил ей любящий супруг — прим. авт.), но домоуправшу Плющ ведь могу! Характер интересный. А он говорит: «Нет, ты будешь играть жену Горбункова». Поначалу я даже обиделась: «Леня, там же нечего играть: ничего не выписано. Какая-то она бледно-розовая!» А он категорически: «Вот такая и должна быть жена!» В общем-то, я такой женой и была.*

После этого фильма Нина Гребешкова стала «Идеальная жена № 1 Советского Союза». Которая все понимает, мужа отдыхать отправляет со словами «шуба подождет». И, обнаружив пистолет, сокрушается: «Он такой доверчивый!..» И напомним о нем мужу, достанет из банки и по-хозяйски оботрет фартуком, провожая своего Сеню на «здание». Просто мечта всех мужиков!

— *А какие мне письма писали после этого фильма!.. Особенно много почему-то из мест лишения свободы. «Хочу такую жену!» Причем мне — оригинал, а директору студии — копию.*

Даже после успеха актрисы Гребешковой в «Бриллиантовой руке» режиссер Гайдай в последующих фильмах будет занимать ее лишь в маленьких ролях и эпизодах. В «12 стульях» Нина Павловна сыграет Мусика Брунс и «царицу Тамару» из горячего бреда отца Федора.

И, наконец, в первой новелле фильма «Не может быть!» порадует заметной ролью Анны Васильевны. «Какая женщина! А как ногу прямо кладет: ать-два!» — будет рекламировать ее брат соседу.

В фильме «За спичками» Нина Гребешкова сыграет роль жены Хювяринена, а в «Спортлото-82» — колоритную тетю Клаву, в разгар курортного сезона умудряющуюся сдавать чуть не каждый метр своей жилой и нежилой площади. Появится она в фильмах супруга «Опасно для жизни» в роли Зинаиды Петровны, в «Частном детективе» — Анны Петровны. А в последнем фильме Гайдая «На Дерибасовской хорошая погода...» мелькнет на экране лишь на несколько секунд, объясняя дорогу на Брайтон-Бич отважному советскому разведчику Федору Соколову, герою Дмитрия Харатьяна.

А вот в самом своем любимом фильме Гайдая, «Иван Васильевич меняет профессию», для нее не найдется даже эпизодика.

Наверное, все-таки Леонид Иович сознавал, что поступал не совсем правильно по отношению к хорошей актрисе Гребешковой, потому что незадолго до смерти сказал жене: «Нинок, а я ведь перед тобой виноват: ни одной картины для тебя не сделал». И в своей привычной шутивно-ворчливой манере она ему ответит: «Да что ты! У тебя сколько фильмов? Восемнадцать? А у меня — шестьдесят».

Своих женщин Леонид Гайдай приучил к самостоятельности. Вот и у дочери Оксаны, которая после школы засобиралась замуж, спросил: «А где вы собираетесь жить? На что?» Оксана с мужем учились и работали и никогда ни о чем родителей не просили. Отец переживал молча, в себе. Иногда спрашивал жену: «Может, у них денег нет? Давай дадим!» Нина Павловна в воспитательных целях «держала лицо»: «Попросят — дадим». Но они не

просили. Даже когда появилась Оля. Долгое время дочь с зятем и внучкой жили и работали за тридевять земель: в нашем торгпредстве в Индонезии. На родине бывали наездами. Для родителей это был праздник! Дед внуку обожал. С многочисленных фотографий Леонид Иович смотрит задумчиво, если не сказать хмуро, а вот с любительского снимка, запечатлевшего его в цветущих кустах на даче с маленькой Оленькой на коленях, — счастливо улыбается.

Дачу он очень любил, с удовольствием что-то сажал. Мог прийти вечером с работы и заторопить жену: «Поехали на дачу: надо полить».

В ноябре 1993 года Гайдай попал в больницу с воспалением легких. Нина Павловна почти все время проводила с ним. Ему стало легче и, переживая, как жена будет добираться до дому, он стал ее гнать: «Иди, а то уже поздно». Она возразила: «Вот покормлю тебя и пойду». Леонид Иович, читая свою любимую газету «6 соток», спросил: «Нинок, а какая у нас на даче земля: кислая или слабокислая?» Она обстоятельно ответила, где какая. А потом: «Я за чеснок волнуюсь: снега все нет, как бы не вымерз». Супруга заметила: «Ну, и что переживать? Не будет „озимого“ — посадим „яровой“». Вдруг он закашлялся.

— *Я его приобняла, попросила: «Ты только не напрягайся!» У Лени была аритмия, и я очень боялась инфаркта. Вдруг он обмяк в моих руках... Я даже не сразу поняла, что случилось... Оказалось, оторвался тромб и закупорил легочную артерию...*

Это страшно, когда на твоих руках вдруг умирает любимый человек. Нина Павловна до сих пор не может говорить об этом без волнения, едва сдерживая подступающие слезы.

— *Но все-таки я рада, что это случилось на моих глазах, и я видела, что Леня не страдал...*

При жизни Леонид Иович не любил разговаривать с журналистами, всегда отправлял их к супруге: «Это вам Гребешкова лучше расскажет. Она это любит». Нина Павловна считает, что «он жил как дети, сегодняшним днем», не теоретизируя и не подводя преждевременно итогов.

После смерти Гайдая выяснится, что его любили очень многие. Даже если при жизни боялись переступить черту, которой он дистанцировался от окружающих. Люди, что с ним работали, актеры, что снимались в его фильмах, знакомые и незнакомые окружают вдову любимого режиссера теплом и заботой. В клубе «Кино», совладельцем которого является актер Дмитрий Харатьян, до сих пор трепетно относящийся к памяти любимого режиссера, устроят «зал» Гайдая с меняющейся экспозицией фотографий и картин. Регулярно на дни рождения Нины Павловны станет присылать роскошные торты владелец ресторана, названного именем любимого гайдаевского фильма — «Кавказская пленница»... Ее наперебой станут приглашать на фестивали и творческие встречи, осаждать просьбами об интервью...

Она всегда долго отказывается, но сломить ее сопротивление можно одним: просьбой рассказать о Гайдае. О себе она говорит мало и неохотно, — о нем часами.

При жизни режиссер Гайдай недополучил официального признания — комедию тогда считали «низким жанром», и проявлений всеобщей любви. После смерти кинематографисты назвали его «человеком года» и дали приз.

— *1993 год начинался, как счастливый: 30 января Лене исполнилось семьдесят лет. 20 марта мы отметили пятьдесят лет, как его ранило на фронте — он считал это вторым днем рождения. 1 ноября было сорокалетие нашей совместной жизни... А закончился страшно: 19 ноября его не стало...*

После кончины Гайдая лавина обожания «обрушилась» на его вдову. Она со смехом скажет:

— *Я прошла ОГОНЬ — сгорела наша дача, и мне пришлось строить ее заново, ВОДУ — прорвало трубу у соседей сверху, и у нас был настоящий потоп, И МЕДНЫЕ ТРУБЫ Лени Гайдая... (намекая на незаслуженный, по ее мнению, фимиам, которым сегодня щедро «окуривают» ее со страниц газет, журналов и с экрана телевизора).*

В 2000 году Нину Гребешкову пригласят на родину мужа в Иркутск, где бережно хранят память о выдающемся земляке. Блестяще отреставрированное старинное здание бывшего кинотеатра «Художественный» стало Киноцентром им. Гайдая. Вся в мраморе 42-я железнодорожная школа, где он учился, ставшая лицеем. Отреставрировано и старинное здание театра им. Охлопкова, на сцене которого играл артист Леонид Гайдай. В доме, где он родился, хотят сделать музей — да все как-то не складывается из-за племянницы Гайдая, которая со своей частью наследства расставаться не собирается, предпочитая дом сдавать...

А вообще Нину Павловну безмерно радует, когда где-нибудь возникает «местная инициатива» очередного увековечения памяти Гайдая, потому что она боится быть заподозренной в афишировании заслуг супруга, который всегда был до болезненности скромным и не терпел шумихи вокруг своего имени.

— *Я палец о палец не ударила, — радуется она своей непричастности к этим событиям, — и никто не может меня упрекнуть, что я сама что-то пробиваю.*

Раньше Леня культивировал, чтобы я сама все решала. Теперь я вспоминаю, что он оценивал, как он относился к людям, к вещам, ко всему, и понимаю, как он был прав, как мудр. Он любил говорить, что с собой ничего не возьмешь. Когда у него спрашивали: «Что для вас самое главное?» Он отвечал: «Искренность и доброжелательность». И я сейчас не устаю это повторять. Я даже не понимала, как он меня любил! Он мне все прощал.

Немногие могут сказать о себе:

— *Конечно, я очень счастливый человек! Это Леня меня воспитал. Если бы я вышла замуж за какого-то другого человека, я была бы другая. Был такой физиолог Ухтомский, он изучал понятие доминанты в отношениях и приводил пример с чеховской Душечкой. В школе мы проходили этот рассказ, и героиню было принято критиковать. А он считает, что человек, который может раствориться в другом, погасить свою доминанту, — способен на высшее проявление духа, что свойственно далеко не каждому. Вот мы ведь с Леной никогда не ругались. Самым обидным в его устах было: «Нинок, оказывается, у тебя нет чувства юмора!» Я не идеализирую, поверьте. Он был таким чистым, честным и интеллигентным человеком. Я сейчас все измеряю им: что бы он сказал, как поступил. Мне кажется, что он был бы мною доволен. Единственное, он бы осудил меня, что я много говорю. (Смеется.) Он не любил интервью, говорил: «Я все сказал в своих картинах».*

Гребешкова Нина Павловна

Родилась в Москве 29 ноября 1930.

Закончила ВГИК (1954 год, мастерская В. Белокурова и В. Ванина).

Заслуженная артистка России (2001 год).

Снялась в фильмах:

1949 — Смелые люди

1950 — Спортивная честь

1953 — Честь товарища

1954 — Сеанс гипноза

1955 — Испытание верности

1956 — Беспокойная весна

— Звездный мальчик

1957 — Для вас, граждане

— Батагоз

— Девочка ищет отца

1958 — Муму

1960 — Нормандия — Неман

— Трижды воскресший

1961 — Жизнь сначала

— Чужой бумажник

1964 — Слепая птица
— Остров Ольховый
— Сказка о потерянном времени
— Приключения Толи Клюквина
1965 — Вызываем огонь на себя
1966 — Кавказская пленница
1967 — Доживем до понедельника
1968 — Бриллиантовая рука 1970 — 12 стульев
1975 — Не может быть!
— Шире шаг, маэстро
1976 — Дни хирурга Мишкина
— Поединок
— Защитник
1977 — Гармония
— Расмус-бродяга
1980 — За спичками
1981 — Спортлото-82
1982 — Слезы капали
1984 — Предел возможного
— Любочка
— Опасно для жизни
1985 — Дайте нам мужчин
1986 — Страницы жизни
1987 — Цвет корриды
— Француз
1989 — Частный детектив,
или Операция «Кооперация»
— Овраги
1992 — Свобода или смерть
— Настя
1994 — Орел и решка
1998 — Дар божий
— Поклонник
— Мышка и БТР
— У бога мертвых нет
— Сыщики (ТВ-сериал)
— Лавина
— Медики (ТВ-сериал)
2001 — Нина. Расплата за любовь (ТВ-сериал)
— Сыщики-1 (ТВ-сериал)
2002 — Каменская-2 (ТВ-сериал)
— Железнодорожный романс
2004 — Странствия и невероятные приключения одной любви (ТВ-сериал)
— Опера. Хроники убойного отдела.
Фильм «Стрелка»
— Москва смеется (ТВ-сериал)
— Даша Васильева. Любительница частного сыска-2 ТВ-сериал)
— Виола Тараканова. В мире преступных страстей-1 (ТВ-сериал)
2005 — Звезда эпохи (ТВ-сериал)
2006 — Сыщики-5 (ТВ-сериал)
2007 — Фото моей девушки (Россия, Украина)
— Первый дома

— Агентство «Мечта»
2009 — Фонограмма страсти
— Победитель (Россия, Украина)

Нина Гребешкова. Кадр из фильма
«Звездный мальчик» (1957 г.)

Кадр из фильма «12 стульев»
(1971 г.)

Нина Гребешкова и Леонид Гайдай,
рабочий момент на съемках фильма
«Опасно для жизни» (1985 г.)

Наталья Гундарева: всегда в настоящем времени

Ее уже пять лет нет с нами...

Лучшие всегда уходят так некстати, так не вовремя. И мы так и не научились говорить о ней в прошедшем времени.

Сказать, что я люблю Наталью Гундареву, — это не сказать ничего. Ее, как актрису, любят практически все. О ней столько сказано и столько написано!.. Но в том, на мой взгляд, и притягательная загадка Таланта, что все продолжают пытаться его разгадать. Каждый через свое видение. Что складывается из калейдоскопических осколков в яркую и многообразную, все время меняющуюся целостную картину.

Неудавшееся интервью

Сначала пришлось долго ехать на метро, потом приличное расстояние до какого-то дома культуры шлепать по лужам. Моросил дождь, было не по-весеннему холодно. Но никто из нашей журналистской компании не сетовал, потому как в конце этого нелегкого пути маячил вожделенный приз — спектакль с участием Натальи Гундаревой и Сергея Шакурова. Режиссер Валерий Саркисов назвал его «Игрушечный рай», — его дело. Вернее, делото как раз и не в названии и даже не совсем в драматургии, и — да не обидятся на меня создатели, — не столько в режиссуре и прочем. Потому что эти два звездных актерских имени — вот тот магнит, что притягивает, отталкивая все остальное.

Я впервые видела Наталью Георгиевну так близко. И сразу оказалась в плену завораживающей магии ее блестящих глаз и чудного с хрипотцой голоса. Она еще раз доказала, что за короткий отрезок сценического действия способна выразить широчайший диапазон чувств: от мягкой лиричности и ироничности до гротеска на грани фола, от восторженной готовности к чуду до трагической опустошенности. По поводу этого спектакля она потом скажет:

— Мы с Шакуровым давно партнерствуем в кино, в творческих программах, но была мечта что-то сыграть на сцене. Вот режиссер Валерий Саркисов и поставил для нас этот спектакль из трех разных пьес. Поначалу мне казалось, что их ничто не объединяет, — а ведь спектакль предполагает единство какой-то мысли. Но потом, когда мы стали разбираться, я поняла, что они связаны чем-то единым: моделями жизни, самой ли жизнью, любовью...

В работе над ролью я всегда стараюсь найти для себя ключевое, основополагающее слово. В этом спектакле я выделила слово «путь»: каждому человеку предназначен свой Путь, и он его должен пройти. Под этим даже есть философская подоплека: надо довольствоваться тем, что есть, и за это благодарить Судьбу. Наша жизнь такая, какой мы ее видим: можно ныть, что жара, а можно радоваться, что солнце светит, жизнь кипит, дождя нет...

Спектакли таких Мастеров — это не просто действие определенной протяженности, а рождение некой энергетической субстанции, которая заряжает зрителей, вовлекая их в сопереживание происходящему. По окончании спектакля мы, вероятно, пребывали примерно на одном градусе эмоционального кипения: Наталья Георгиевна — от собственного сценического накала, я — от переполнявших меня восторженных эмоций. Только этим и могу объяснить тот факт, что она сравнительно легко согласилась на интервью. Я пребывала на седьмом небе: всем известно, что Гундарева редко идет на контакт с журналистами. Вот и стала регулярно звонить по продиктованному номеру, натываясь либо на стену автоответчика, либо на объяснения, что уезжает или только что с самолета...

Но наша встреча все-таки состоялась. Я для себя назвала эту работу «Неудавшееся интервью». Потому что как-то все с самого начала пошло наперекосяк: журнал экстренно заменил фотографа, потом они с девочкой-визажисткой опоздали, вконец испортив настроение требовательной в вопросах пунктуальности звезде.

Меня Наталья Георгиевна сразу честно предупредила, что есть всего двое-трое

журналистов, которым она доверяет (я, естественно, в их число не входила), и категорически оказалась отвечать на вопросы личного характера.

Наэлектризованная атмосфера то и дело искрила невидимыми энергетическими разрядами. Естественно, о спокойной, доверительной беседе нечего было и мечтать. Мы какое-то время поговорили, потом она позировала фотографу, потом пришел супруг хозяйки, и нам намекнули, что пора и честь знать, поскольку у Михаила Ивановича совсем немного времени на обед, а потом опять съемка.

Мы поспешно покинули квартиру, на ходу обмениваясь впечатлениями. Как оказалось, они были примерно одинаковы: все чувствовали себя в положении двоечников перед грозными очами учителя.

Для работы над материалом мне был дан жестко короткий срок, поскольку Гундарева опять уезжала. Я уложились, но ждать ее «оценки» пришлось достаточно долго. Оно и понятно: у Натальи Георгиевны намечалась круглая дата, и ее «рвали на части».

Из интервью, что появились на телевидении накануне и в день юбилея, стало ясно, что актриса переживает сложный период: с такой убийственной самоуничтожительностью она «подводила итоги», что, думаю, не только у меня просто надрывалось сердце.

Когда же наша следующая встреча все-таки состоялась, досталось и мне: Гундарева камня на камне не оставила от интервью. Я пыталась слабо возражать, как-то оправдаться — все же это есть на пленке, и из песни слов не выбросишь, — но вдруг ясно поняла, что прошло около двух месяцев, и многое изменилось. Ее настроение в том числе. Поэтому ей так и не нравится то, что я тогда спрашивала, и что она мне отвечала. Она возмущенно сказала что-то вроде: «Здесь нет меня. Заменя мою фамилию на любую другую, ничего в содержании не изменится».

Я была вынуждена признать, что резон в этом есть. Но мой гляцевый женский журнал категорически настроил меня не на разговоры о «всяком там» творчестве, а о доме, муже, пристрастиях в моде... Хорошо бы и рецептик любимого блюда «от Гундаревой»... Я поняла, что надо уходить, и поднялась со словами: «Не хочу больше вас задерживать: материал не получился». Такая неудача, первая за все годы работы в профессии... Наталья Георгиевна, вероятно, поняла мое состояние, потому как, провожая меня к двери, неожиданно предложила: «Бог с ним, с интервью! Напишите материал сами. Что хотите...» Потом подумала и добавила: «Могу себе представить, что вы напишете!»

А я в этот момент подумала: она имеет право на то, чтобы о ней писали так, чтобы невозможно было «подставить чужое имя». И написала, как поняла ее в тот момент разлада с собой. Естественно, моему журналу это было неинтересно, «не в теме». Но, как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло: статьей заинтересовался серьезный журнал. И оказалась она там вовремя, как ложка к обеду: Гундареву номинировали на «Кумира», а меня отправили на награждение в Театр им. Моссовета.

Среди веселого и блистающего вечерними туалетами столичного бомонда, демонстрирующего их по поводу вручения «Кумиров», меня просто трясло от волнения. Я не вертела головой, громким шепотом произнося имена знаменитостей, как это делали соседи справа и слева, а вся превратилась в напряженный вопрос: «кто?»

И вот открыт конверт, прозвучала заветная фамилия, и под овации вставшего в знак приветствия зала она поднялась на сцену. Яркая, сильная, искрящаяся улыбкой, и, принимая награду, сказала: «Чем дольше живешь, тем больше появляется людей, которых есть за что благодарить»... И поблагодарила не только родных и друзей, но и врагов, «которые заставляли меня быть лучше». Что ж, Наталья Гундарева никогда не была «как все», и по собственному признанию «выстрадала право самой выбрать тех, кому нравится».

Она унесла свой очередной трофей к сияющим мужу и друзьям. Но я-то отчего ликовала, словно это меня назвали «Кумиром года» за лучшую женскую роль?.. Или кого-то очень мне близкого.

Мысленно я по-репортерски лихо дописала «врезку» к статье:

«ГУНДАРЕВА В БРИЛЛИАНТАХ!»

В 10 000 долларов оценили специалисты золотую звезду, неправильные лучи которой образуют слово „Кумир“, украшенную 5 крупными и 150 мелкими бриллиантами — символ одноименной Премии российских деловых кругов».

Но потом не стала этого делать: зачем ей лишние фанфары? Тем более что сама она шумихи не переносит. Но, тем не менее, «Кумир» — награда заметная даже на фоне ее дважды лауреатства: Госпремии СССР (в 1984 — за театральные работы) и Госпремии РСФСР им. братьев Васильевых (в 1981 — за фильм «Осенний марафон»), премии Ленинского комсомола (1978). И звания Народной артистки РСФСР (1986). Хорошее дополнение к главному призу Всесоюзного кинофестиваля «Созвездие» в 1991 году (за роль Жанны в фильме «Собачий пир»), к призу «Ника-90» — за нее же. И к званию Народной артистки СССР, в конце концов.

Только в 1998 году, кроме «Кумира», Наталья Гундарева получила орден «За заслуги перед Отечеством» IV степени, приз ежегодного Всероссийского кинофестиваля «Женщины кино» имени Веры Холодной. (Забегая по времени вперед, напомним, что потом будут и другие награды, в частности, в 2000 году в Баку — Премия МКФ «Восток-Запад» в номинации «За лучший женский образ».)

После завершения торжественной церемонии я махнула рукой на банкет, куда ринулся весь бомонд с братьями-журналистами в придачу, поспешила в гардероб и нос к носу столкнулась с Натальей Георгиевной. Я была так счастлива в этот момент за нее, и, хотя на всю жизнь запомнила ее слова-барьер, что *«человек, однажды пожавший тебе руку, считает, что он уже с тобой знаком, и так идет дальше цепочка»*, — не удержалась и после поздравления сказала, что все-таки написала о ней статью и ее берут. Она улыбнулась, поздравила меня (!) и попросила прислать ей статью, как только она выйдет.

Когда статья вышла, я с удивлением обнаружила в ней не только сокращения (о чем у нас не принято ставить авторов в известность), измененный заголовок, но порой и смещенные акценты. Но делать нечего: раз обещала... Тогда я вложила распечатку своей статьи-оригинала в журнал (отвечать, так уж за свое!), отнесла в театр и почти забыла об этом.

Вот она, эта статья.

Наталья Гундарева, которую знают все и не знает никто

Твердо уверена в одном: ни за что не хотела бы оказаться на месте членов Общественного жюри, решавшего, кому из актрис вручить Премию российских деловых кругов «Кумир» по итогам 1998 года. Выбирать из Алисы Фрейндлих, Натальи Гундаревой, Марины Нееловой, Зинаиды Шарко и Елены Сафоновой?! Задача посложнее, чем была в свое время у Париса с его всего лишь тремя претендентками.

Зал Театра им. Моссовета, где происходило награждение победителей конкурса, штормило от переполнявших эмоций. И вот долгожданный момент: представитель жюри называет имя победительницы... Под гром аплодисментов она поднимается на сцену и, нарушая прижившуюся у нас голливудскую традицию сладких прочувственных слов в адрес папы-мамы, жены-мужа и спонсоров, произносит совершенно неожиданное, что кроме родителей и друзей благодарна врагам, которые подстегивали ее и заставляли лучше работать. Так сказать могла только НАТАЛЬЯ ГУНДАРЕВА, которая при всех своих талантах обладает необыкновенной способностью вызывать к себе любовь и поклонение и наживать недоброжелателей.

Как определить степень популярности или «звездности» актера? Числом сыгранных ролей или все-таки явных актерских удач? Может быть, количеством интервью, данным газетам и журналам, частотой появлений на тусовках и в телепрограммах?

Есть все же рейтинг, в который попасть сложно, поскольку он составляется из оценок

профессионалов такого класса, чье суждение, как приговор без права обжалования, да еще из мнений собратьев по актерскому цеху — самых строгих и безжалостных судей. В этом рейтинге Наталья Гундарева уже много лет стойко удерживает место в первом десятке выдающихся актеров нашего театра и кино.

Ее имя в титрах фильма или на афише спектакля — гарантия того, что зритель на них пойдет. Потому что кого бы она ни играла: разбитную деревенскую бабеху, умницу-интеллигентку с незадавшейся судьбой, нелепое и жалкое существо социального «дна» или даму что ни на есть «голубых кровей» (а хоть бы даже и императрицу!), — везде она такая разная, но одинаково любимая большинством россиян, истинно Народная артистка.

Она нечасто дает интервью, скупо говорит о своей личной жизни — это запретная зона, тщательно оберегаемая от чужого любопытствующего взгляда, куда, как и в ее дом, посторонним вход воспрещен. И вообще, считает, что дело актера не отвечать многократно, в принципе, на одни и те же вопросы, а заниматься творчеством. Порой возникает крамольная мысль, что она не просто устала от наших слащавых восторгов и умильных улыбок, а, кажется, отдала бы все на свете, лишь бы ее не воспринимали в ореоле имени «Наталья Гундарева». Может быть, потому что ей как профессионалу нужны беспристрастные оценки своих работ и (кто знает?) немаловажно мнение «врагов», без внимания к которому убаюканный похвалами талант рискует превратиться в мастеровитость.

Мы живем стереотипами: так проще и понятнее. Поэтому нам привычны утверждения, что Гундарева — пример необыкновенно удачной и реализованной творческой личности (еще бы! — в театр «на нее» идут, чтобы ни играла; в кино заметными становятся даже роли второго плана и эпизоды; почетные звания и награды — все есть), счастливо сложившейся личной жизни (квартира на Тверской; многолетний брак с талантливым актером и обаятельнейшим человеком Михаилом Филипповым), постоянной человеческой востребованности (и депутатом была, и всегда желанный гость на официальных приемах и творческих мероприятиях)... Кажется, кому еще завидовать, как не ей?

И вдруг накануне своего юбилея перед нами предстала совершенно незнакомая Гундарева, которая говорила неожиданные вещи. Что «праздник — это отдых от работы», «жизнь не наступает», «на жизнь не хватает сил», что «пугается каждого дня»... Разве это не вступает в противоречие с той Гундаревой, к которой мы привыкли: яркой, сильной, волевой, победительной, которая всегда знает, чего хочет, «не умеет ходить в ногу», загружает себя работой так, что очень сложно застать ее дома?

Не претендуя на истину в последней инстанции и ни в коем случае не пытаюсь делать глобальные выводы, давайте попробуем через шелуху стереотипов — того, что мы знали, а вернее, напридумывали себе о ней, понять, какая же она на самом деле, Наталья Гундарева?

Стереотип первый : актрисами становятся потому, что не мыслят для себя другой профессии.

Наталья Гундарева родилась и выросла в Москве, на Таганке, в семье, как сама называет, «инженерно-технического состава». И хотя с детства увлеченно занималась сначала в школьном драмкружке, а потом в районном Доме пионеров и Дворце пионеров на Ленинских горах, все это считала делом интересным и для души, а профессию выбрала серьезную и жизненно важную — строителя. Поэтому, проработав после школы два года в конструкторском бюро, и подала документы в строительный институт им. Куйбышева. Успешно сдав два профилирующих экзамена: математику и физику, Гундарева уже успокоилась, что практически поступила, и решила, что теперь может осуществить свою давнюю мечту: узнать о себе мнение профессионалов. В любительском театре ее хвалили, и порывать с ним она не собиралась, а друг детства актер Виктор Павлов настоятельно советовал попробовать поступить в театральное. Вот и устроила себе тест: пошла на экзамены в Щукинское училище.

Так, вроде бы не всерьез, и прошла все три тура, но потом в числе нескольких «сомнительных» была отправлена на этюды. Но с детства в ней было заложено упорство и

стремление все, за что ни берется, делать отлично, доказывая всем и, прежде всего, себе, что может. Ах, сомневаетесь? Ну, я тогда!.. Значит, было в ее Приемщице из предложенной темы «Фотоателье» такое, что заставило комиссию признать, что она попала по адресу, и убедило саму Гундареву, где ее настоящее место. (Хотя, возможно, если бы она все-таки стала строителем, то и там добилась бы успеха, потому что ненавидит дилетантство и несерьезное отношение к любому делу. Вот и квартиру свою перепланировала и оформила — любой дизайнер позавидует!)

Стереотип второй : у Гундаревой самая завидная и удачная творческая судьба.

После окончания Щукинского училища, где ее педагогом был замечательный актер Юрий Катин-Ярцев, вот уже двадцать семь лет работает в Театре им. Маяковского. Она — прима, «козырная карта» в колоде Гончарова. Но оказалась она в театре «после унизительного мероприятия», которое вынуждены проходить многие актеры, тем более вчерашние студенты, — показа.

— *Это было мое первое столкновение с реальной действительностью, серьезное испытание после тепличных условий театрального училища, где нам педагоги внушали, что мы все талантливы, гениальны... А тут никто тебя не щадит, непривычный зал, чужая мебель, стены не берегут...*

Они показывали сцену из дипломного спектакля «Зерно риса». Гундаревой досталась роль главной героини: итальянская драматургия, страсти в клочья, слезы и море отчаяния брошенной женщины, — казалось бы, куда всем было устоять от ее выплесков эмоций! А Гончаров посмотрел и сказал: «На допоказ». Значительно позднее Гундарева с беспощадностью к себе признает, что ее внешность больше подходила для характерных ролей: «Трудно в матрешке предположить могучую трагическую натуру... Тут было несоответствие».

Но, признается Гундарева, на нее в трудные моменты жизни *«нападает какая-то отчаянность, которая и выручает»*. Для второго показа была выбрана сцена из водевиля «Беда от нежного сердца», поставленного Александром Ширвиндтом, где Наталья Гундарева играла роль Маменьки. Здесь ее «фактура» пригодилась как нельзя лучше.

— *Хотя затягивали меня в бархатное платье из костюмерной Театра им. Вахтангова всем курсом, чтобы я казалась похудее, — со смехом вспоминает она.*

Видимо, в характерной роли она и «показалась» Гончарову, так что в свою труппу он ее взял.

Почти за три десятка лет ею сыграно большое количество ролей, и не странно ли слышать из ее уст, что *«после 26 лет работы серьезно можно говорить лишь о трехчетырех... По большому счету получается, что ничего и не сделано...»?*

Удачными она считает свою первую большую роль — Липочку из «Банкрота» Островского, в которой, что называется, сразу «попала в яблочко», а также роли в спектаклях «Леди Макбет Мценского уезда» по Лескову, «Я стою у ресторана...» Э. Радзинского. И, подытоживая, совершенно неожиданное, ошеломляющее признание:

— *Вот, пожалуй, и все.*

Но критики и журналисты взахлеб пишут о каждой новой работе; зрители любят — залы полны даже на старых спектаклях с ее участием, не говоря уже о премьерях; недавний юбилей телевидение отметило большой ретроспективой ее киноработ. Признание? — Да! Всеобщая любовь? — Еще бы! Тогда откуда же такая безжалостная самооценка? В конце концов, есть еще звание Народной артистки, две Госпремии... Только в 1998 году к ним прибавился «Кумир»!..

Но мне кажется, что ее даже раздражает наша слепая «всенародная» любовь. Вот и о критике нелюбезно говорит потому же:

— *Когда я начинала работать в театре, критика была задавлена. Что бы не выходило в те годы, в особенности «датские» спектакли (к определенным датам: будь то годовщина Октября или День независимости Африки. — Прим. авт.Д это тут же объявлялось «последним достижением советского театрального искусства», все это было*

выше критики. А сейчас критика объявлена свободной и демократической, но она нисколько не лучше.

За двадцать шесть лет работы в театре я имею право об этом профессионально судить, что критика во многом купленная, что критики «задруживают» с театром, ходят на банкеты, а потом поднимают на щиты незаслуженное. Вот я и думаю, а когда же критика была более свободной? К профессиональной и беспристрастной я с удовольствием прислушаюсь.

Некоторые режиссеры просто эксплуатируют ее талант и Имя, все привыкли, что Гундарева будет хороша в любой роли. Но ведь ей-то надо предлагать такие, чтоб под ее «калибр», какие сможет сыграть только она и никто другой. Не отсюда ли горькое признание в одном из интервью, что ее мама, посмотрев какой-то спектакль, спросила, зачем она там играла? Ведь то, что там нужно было делать, смогла бы любая актриса.

Эта вечная неудовлетворенность собой и неумемная жажда работы делают ее для себя и строгим судьей, и палачом. Она так высоко подняла свою планку, что все, что оказалось ниже ее, воспринимает как провал.

— *На сердце остаются такие рубцы после неудачи, что, может быть, лучше сразу умереть?*

Потому что ей не просто надо быть занятой в репертуаре и «играть», ей надо ощущать при этом «свою сопричастность с чем-то большим и высоким».

— *Это чувство вообще может возникнуть несколько раз в жизни, а может и всего однажды, когда ты осязаешь эту невидимую связь со всем, что было до тебя раньше и будет после тебя. Это торжество Вечности в себе. Это как раз тот случай, когда душа с Богом разговаривает.*

Подобное незабываемое чувство она испытала в «Банкроте», премьера которого состоялась 6 мая 1974 года. Это был ее первый триумф, но никто даже представить не мог, что это был ввод, и роль она разучила всего за десять дней!

— *Шел спектакль. Я сидела за столом на сцене, и вдруг замкнулось пространство зрительного зала, и полное ощущение, что я попала в другое измерение, в ТО Замоскворечье Островского!*

Даже запах появился особенный, как пахнет в очень старых домах: деревом, жучком, временем... Это было как обморок, длилось какие-то секунды, потом я очнулась и поняла, где я... Это были секунды, но ради них стоит жить! Вообще, театр измучивает, истязает, но взамен и бесконечно много дает!

Вот и вспомнишь тут невольно великую Раневскую, которая как-то на вопрос, почему не снимается в кино, ответила в свойственной ей манере: «Не умею плавать брассом в унитазах». И поймешь боль актрисы, которой мелко и «не по росту» во многих ролях.

В последнее время Наталья Георгиевна мало занята в репертуаре театра, хотя всем ясно, что спектакли надо ставить «на нее». Отсюда и грустное в свой юбилей:

— *Теряю «товарный вид»... Жалко: время убегает...*

С сомнением она говорит о своей работе в «Любовном напитке» (хотя именно за нее и была удостоена «Кумира»), с оживлением — о «Жертве века». Островский — любимый драматург, и ей еще в молодости стало ясно, что со временем она сможет «переиграть» всех его свях.

О ее Свахе в «Жертве века» разговор особый, потому что это тот случай, когда далеко не главный персонаж благодаря Актрисе становится стержнем спектакля. Первый же ее выход на сцену — и у зрителя дух захватывает: так хороша! За ее спиной девочки молоденькие кордебалет изображают, ножки красивые поднимают, а она появляется — и на них уже никто не обращает внимания.

Наталья Гундарева излучает какой-то животный магнетизм, в один момент в сферу своего притяжения захватив весь зал. Я видела, как загорались глаза мужчин, как они ей аплодировали, и испытала какую-то необыкновенную гордость за тех, кому уже далеко не двадцать, фигурой не похвастаешься, да и ножки не очень-то покажешь, — она как будто

взяла реванш за нас, доказала, что не это в женщине главное!

— *Это не столько я, сколько Гончаров. Мне всегда интересно с ним работать. Я за ним, как за каменной стеной, и ничего не боюсь... Да, он и на меня кричит и сто пятьдесят раз повторять заставляет, но это Ра-бо-та. Творчество.*

Чтобы утолить неумный творческий голод, она снимается в кино (хотя по собственному признанию «стала сниматься мало») и играет «на стороне» — в антрепризах. Режиссер Валерий Саркисов для нее с А. Джигарханяном и В. Гаркалиным поставил в Международном агентстве «Арт-Партнер XXI» комедию Руссена «Какая идиотская жизнь», а в частной компании «Media park» — спектакль «Игрушечный рай», где она играет с С. Шакуровым.

Все это профессионально, и она везде «по-гундаревски» хороша, но...

Мне почему-то все время приходят на ум грустные сравнения ее реальной творческой судьбы с придуманной историей Джулии Ламберт, героини «Театра» Моэма. На мой взгляд, нет лучше пьесы о Театре и Актрисе, которая им живет и верит, что «счастье — на сцене, там жизнь».

Жаль, что роли подобного масштаба нет сегодня в ее репертуаре, потому что большая Актриса достойна большой Роли.

Стереотип третий : актеры лукавят, когда утверждают, что устали от славы или она им не нужна.

Несмотря на то, что Гундарева считает себя прежде всего театральной актрисой, широкую известность и любовь зрителей ей принесли, прежде всего, кино и телевидение. Она не знает точного числа фильмов, в которых снялась, говорит: *«Когда перестаешь их считать, то это означает, что много».*

В выборе роли у нее один критерий: есть ли там какой-то новый тип, новый характер, который было бы интересно сыграть. Правда, иногда соглашается играть и в качестве, уже знакомом зрителю, как это было у Аллы Суриковой в фильме «Хочу в тюрьму». Но это когда понравится сценарий, режиссер и собранная им команда.

Мне всегда казалось, что женщине, особенно актрисе, а тем более известной актрисе, должно быть свойственно желание выглядеть красивой и всем нравиться (еще один стереотип). Гундарева же не боится быть некрасивой и жалкой, как в «Собачем пиру»; не считает для себя зазорным сниматься и в эпизодах, как, к примеру, у Э. Рязанова в «Небесах обетованных»...

— *Мне все равно, какая я. Мне бы такие мысли только мешали. Когда человек думает только о том, чтобы всегда выглядеть красиво, он становится смешным и уродливым, он теряет природную живость, а для актера это смерть.*

Наталья Георгиевна смотрит свои фильмы гораздо «реже, чем они демонстрируются» на телеэкранах, «как-то отстраненно, как на что-то милое, неповторимое, безвозвратно ушедшее, как детство. Они вызывают у меня какие-то ностальгические теплые чувства, на уровне гастрономических воспоминаний. Как запомнившийся с детства запах мандаринов на Новый год».

Но зритель фильма ее любит по-настоящему и, сколько бы раз ни показывали «Здравствуй и прощай», «Сладкую женщину», «Вас ожидает гражданка Никанорова», «Осенний марафон», «Личное дело судьи Ивановой», «Дульсинею Тобосскую» — да практически все из длинного списка ее работ, — будет смотреть их снова и снова.

Недаром на основании зрительского опроса журнала «Советский экран» Гундарева была признана Лучшей актрисой 1977, 1981, 1984 годов.

Вместе с известностью к актеру приходит Слава. Что же она для нее: удовольствие или тяжкое бремя?

— *Слава не может быть тяжким бременем, если ею распорядиться правильно, сообразно нормальному человеческому существованию.*

Если кинуться в Славу, как в омут — с головой и безраздельно, то можно бесславно закончить свое существование. Слава для меня страшна тем, что тебя начинают

«растаскивать», ты становишься общественной собственностью. Телефонные звонки, просьбы об интервью, приглашения на какие-то встречи, предложения поучаствовать в каком-то очередном фонде... Все начинают иметь на тебя право, потому что это они своей любовью создали тебе эту Славу, они выбрали тебя...

Казалось бы, разве не слава является показателем, добился актер чего-то в своей профессии или нет? Разве не от ее отсутствия страдают так, что жизнь не мила?

Чего-чего, а славы у Гундаревой предостаточно: мы из самых добрых побуждений, из своей безмерной любви воздвигли огромный пьедестал, куда и определили Актрису, заставив ее играть роль памятника самой себе. А она — живая. Она страдает, протестует, иногда просто ненавидит нас, придумавших себе ее, упростивших, «причесавших», «разложивших на составляющие» ее слова и поступки... А может, она просто боится потерять свою индивидуальность в обертках из ярких ярлыков, которыми мы ее по доброте душевной щедро украсили? Мы взвалили на нее груз своей любви и удивляемся, бывает, негодуем, когда она пытается от него освободиться.

Стереотип четвертый : актеры любят быть в центре внимания и всем нравиться.

Наталья Георгиевна не любит вопросов на личную тему, считая, что актер должен раскрываться только на сцене и только с этой точки зрения всех интересоваться. Поэтому о супруге Михаиле Филиппове, с которым совместная работа в Театре им. Маяковского (и в кино: в «Петербургских тайнах», где Филиппов — колоритный негодяй Морденко, и у Э. Рязанова в «Небесах обетованных», где они сыграли небольшие роли «сожителей»-алкашей — до чего же ярко и колоритно!), говорит лишь в плане творческом: что актер хороший, что иногда режиссеры до конца не используют его потенциал... А вот в части семейных отношений бросает лишь скупое: *«Нас спасает абсолютная несхожесть во всем... Думаю, что если люди во всем похожи, то очень скоро им станет скучно друг с другом».*

Она не любит рассказывать и о себе.

— Мне так неинтересно мое прошлое. Лично мне пока интересно, что там впереди.

И поводы для пересудов дает в основном потому, что, не желая лгать и притворяться, бывает противоречивой, раздражительной, несдержанной, безжалостной в оценках. О ней говорят, что два раза делает замечания партнеру, а на третий — требует снять его с роли. Конечно, с ней трудно: она не допускает мысли, что человеку может быть спокойно и уютно без душевных мук, творческого поиска, без таланта, в конце концов, потому что сама — максималистка и так же безжалостна к себе.

Но если разобраться, то и ей с нами — ой, как нелегко! Ведь живет сердцем, и сколько на нем рубцов оставляют наши слова и поступки, знает только она.

Гундарева не умеет долго быть растерянной, сомневающейся, мятущейся и страдающей (во всяком случае, позволить нам видеть это). Поэтому проходит немного времени, и она снова предстает в привычном для нас образе сильной, уверенной в себе женщины, которая знает, чего хочет — и обязательно этого добивается.

Но, оказывается, для нее очень принципиально — *«не любой ценой»!*

Сейчас, когда безнравственность стала нормой поведения, удивляет и обескураживает ее главное правило: не жить за счет других.

— Если, чтобы заработать, надо у кого-то отобрать, то предпочитаю не зарабатывать. Никогда не захочу, чтобы роль у кого-то отняли, а мне отдали.

Гундарева умеет говорить решительное «нет», порой не заботясь о том, какое впечатление это производит.

— Во-первых, надо заставить себя не бояться потерять «славу», если кому-то отказываешь. Иногда надо дать время, чтобы по тебе соскучились, не надо во все бросаться и позволять вертеть собой. Конечно, всегда есть страх, что завтра никто не позвонит, но опыт показывает, что обязательно позвонят. Во-вторых, актер должен показывать себя на сцене, а не на разных тусовках. Если ты своей работой не можешь привлечь к себе внимание, то не подумай ли тебе о смене профессии? А все эти тусовки — такая бездумная трата времени! Если у меня выпадает свободное время, я лучше к маме

съезжу или к друзьям. Пройдусь по улицам своего города, понюхаю его запахи... Я ведь с детства с закрытыми глазами по запаху узнавала, когда мы въезжали в Москву...

И что же в итоге?

Мы и так знали, Наталья Гундарева может быть такой разной: то открытой и сердечной, на какое-то время позволяющей заглянуть в глубину своей души, — то резкой, ошетиливавшейся «иголками» и жалящей словами... То уставшей, разочарованной и страдающей, признающей, что *«боится, что будет не нужна...»*, которую хочется поддержать и обогреть добрым словом, — то закрытой и надменной, перед которой робеешь и теряешь дар речи... То жить в полумраке коричневых тонов, называть себя «женщиной сумеречной», то решительно перекроить пространство квартиры, сделать его сияющим бело-сине-золотистым... Какая же она на самом деле?

Сумеет ли мы ее понять? Захотим ли? Да и нужно ли это делать? Потому что она хочет, чтобы мы воспринимали ее, прежде всего, как актрису. Вот и давайте начнем с того, что будем внимательно смотреть на нее и слушать из темноты зрительного зала. И все, что нам надо знать, она расскажет о себе сама, как умеет делать только она — замечательная Актриса и неординарная Женщина Наталья Гундарева, которая, перефразируя известное выражение, считает себя хорошо осведомленным пессимистом, что дает ей возможность несмотря ни на что быть оптимистом и черпать в сегодняшнем дне радость бытия.

— Все надо принимать таким, как есть. Надо уметь черпать в сегодняшнем дне радость бытия, а не ныть, иначе не проживешь. Если ты только надеешься на будущее или вечно вспоминаешь прошлое, то не живешь сегодняшним днем, воруешь у себя сиюминутность. Жалко же, — все это для нас не вечно!

Напоследок я задала ей несколько вопросов. Они, в общем-то, банальны и встречаются в любом интервью, а вот под ответами «любое имя» не поставишь.

— Хорошо это или плохо, но я никогда не вру: либо просто ничего не скажу, либо только правду. В этом смысле со мной может быть очень трудно.

— Чего вы не можете простить людям? — Наверное, предательства.

— На что у вас остается время от творчества? — Его так мало, но я стараюсь читать. Сейчас появляется столько интересных, непохожих ни на кого молодых авторов. Кроме того, есть классика, в которой со временем открываешь что-то новое. А еще люблю свой дом, в котором все перестроено по моему проекту, и люблю заниматься домашней работой: готовить, убирать квартиру, — словом, обыкновенные женские дела.

Она ушла... в бессмертие

... По тому, как через некоторое время изменился тон интервью, которые давала Гундарева, я поняла, что кризис прошел. Прочитала в другом женском журнале очень теплый материал, где она раскрылась, сбросила колючки, и искренне порадовалась за автора и за Гундареву, которая предстала перед читателями в новом ракурсе. Оказывается, она заядлая автомобилистка, несмотря на то, что как-то попала в тяжелейшую аварию. И смелая до лихости: на пляже прыгала с парашютом. И совсем как и мы, простые смертные, может заплакать от душевной боли, и чашкой об пол!.. На вопрос, чем заплатила за успех, ответила неожиданное: «Наверное, детьми». И рядом, на фотографиях — вновь ослепительная, привычно победительная. Словом, позавидовала я белой завистью чужой удаче, и думать об этом забыла в круговерти дней.

Через некоторое время у меня дома раздается звонок, и голос, который не спутаешь ни с каким другим, говорит:

— Это Наташа Гундарева.

Сказать, что у меня мгновенно пересохло в голосе, банально, но, тем не менее, это факт.

— Я прочитала вашу статью. В редакции мне дали ваш телефон...

Я напряженно слушала, как оглашение приговора.

— Спасибо! Я рада, что вы меня поняли. Значит, все это было не напрасно...

Я долго не могла поверить в счастье помилования. Никто ни до Гундаревой, ни после (тьфу-тьфу, чтоб не сглазить!) не говорил мне таких обидных слов, какие она произнесла во время нашей встречи. Но с другой стороны, — и всего-то несколько человек (хотя все они — такие ИМЕНА!) позвонили после выхода статей о них, чтобы сказать что-то приятное и теплое. Да у меня и раньше не было на Наталью Георгиевну никаких обид, а уж после ее добрых слов любви и признательности во сто крат прибавилось!

Каждую нашу новую встречу — на сцене или экране — я пе-ре-жи-ва-ла! Гордилась творческими удачами, радовалась похудевшей, похорошевшей фигуре, полемизировала с критиканами: сделала пластику? — ну и молодец! Огорчалась, что сериал «Любовь. ги», собравший такой замечательный актерский ансамбль, оказался провальным, что Гундаревой там было нечего играть, что «камера» к ней безжалостна, а порой и вовсе словно ненавидит...

Как и все, я с нетерпением ждала премьеру антрепризного спектакля Татьяны Догилевой «Не отрекаются, любя...», нового фильма исторической эпопеи Светланы Дружининой «Тайны дворцовых переворотов», где Наталья Георгиевна играла императрицу Елизавету.

Она много работала — к этому все привыкли и думали, что так будет всегда. Поэтому 17 июля 2001 года совершенно неожиданно и больно, как молотом по голове, стукнуло страшное: «инсульт», клиника Склифосовского, «кома»... Можно назвать нездоровым любопытством пристальное внимание к скупым, как сводки с фронта, сообщениям о ходе ее болезни. И назойливостью — выражения сочувствия, от которых, говорят, у них дома «раскалялся» автоответчик. А можно увидеть в этом проявление искреннего участия, когда чужая боль, как собственная, когда так важно выучить это мудреное «острое нарушение мозгового кровообращения» («инфаркт мозга»), словно в разгадке этих слов может быть ключ к ее спасению. И горькое: «все еще не пришла в сознание»... И радостное: «вышла из комы», «открыла глаза», «убрали аппарат для искусственной вентиляции легких», «узнала мужа», «сказала ему: „Привет!“» А потом долгожданное: «уже понемногу ходит!»

Конечно же, прежде всего это была победа врачей и Михаила Ивановича, ее супруга, но все-таки и общая, — это материализовавшееся чудо нашей любви, молебнов о здравии, безмолвного крика и отчаянного шепота перед зажженной у иконы свечи: «Помоги! Дай ей силы!» Миллионы невидимых рук протянулись к ее больничной койке, отгоняя беду.

И отвращение к желтым газеткам, стремящимся правдами-неправдами пролезть в больницу — не для того, чтобы узнать о здоровье, а чтобы «щелкнуть» пациентку в болезненной беспомощности. А потом снова — надежда на предстоящую операцию в НИИ нейрохирургии им. Бурденко: «эндоваскулярное клепирование сосудов», что должен был делать знаменитый профессор Филатов... И ее переносе «в связи с депрессией и нервным срывом знаменитой пациентки».

Она удивительно быстро (с точки зрения врачей) шла на поправку. Заново училась говорить и ходить. Ее выписали домой, — и все вздохнули с облегчением. Она подолгу говорила по телефону с друзьями и коллегами, строила планы...

Потом опять была госпитализация. В больницу Святого Алексия Московской Патриархии. Из которой ей уже не суждено было выйти.

Тем воскресным утром актриса проснулась как обычно, встала с постели и вдруг упала. Оторвавшийся тромб из вены на ноге полностью перекрыл легочную артерию. Смерть наступила практически мгновенно. Все это, по словам врачей, могло произойти в любой момент.

И все-таки вдруг — так некстати и не вовремя — взбесившийся Интернет, слова дикторов на экране:

«Сегодня, утром 15 мая 2005 года на 57-м году жизни в Москве скончалась Наталья Гундарева.»

18 мая прошло отпевание в храме Воскресения Словущего на Успенском Вражке, что в

Брюсовом переулке. Там собрались только самые близкие. А потом — затянувшаяся гражданская панихида в здании Театра им. Маяковского, куда народ все шел и шел, не желая смириться с ограничением времени прощания с любимой актрисой, буквально перекрыв все подступы к театру на Большой Никитской.

Когда-то, на похоронах Ивана Козловского, услышав звучавшую свиридовскую «Метель», Наталья Гундарева вдруг сказала: «Меня похороните под эту музыку». Родные выполнили ее желание.

Похоронили великую актрису 18 мая на 6-м участке Троекуровского кладбища.

Гундарева Наталья Георгиевна

Родилась 28 августа 1948 года в Москве.

Скончалась 15 мая 2005 года.

Окончила Театральное училище им. Б. Щукина (1971).

Актриса Московского театра им. В. Маяковского. По результатам опросов журнала «Советский экран» признана лучшей актрисой 1977, 1981, 1984 годов и по результатам опросов «Гэллап Медиа» — лучшая актриса 2001 года.

Лауреат Госпремии СССР (1984 — за театральные работы).

Лауреат Госпремии РСФСР им. братьев Васильевых (1980 — за участие в фильме «Осенний марафон»).

Народная артистка РСФСР (1986).

Премия «НИКА» в номинации «Актриса» (1990).

Орден «За заслуги перед Отечеством» IV степени (1998).

Премия «Кумир» (1998).

Премия МКФ «Восток-Запад» в номинации «За лучший женский образ» (2000, Баку).

Снялась в фильмах:

1970 — В Москве проездом

1972 — Здравствуй и прощай

1973 — Ищу человека

— Назначение

1974 — Осень

1976 — Подранки

— Сладкая женщина

1977 — Гарантирую жизнь

— Обратная связь

— Смешные люди!

— Труффальдино из Бергамо

1978 — Вас ожидает гражданка Никанорова

— След на земле

— Уходя — уходи

— Мнимый больной

1979 — Осенний марафон

— Отпуск в сентябре

1980 — Белый снег России

— Дульсинея Тобосская

— О бедном гусаре замолвите слово

— Однажды двадцать лет спустя

— Следствие ведут ЗНАТОКИ. Дело 15. Ушел и не вернулся (ТВ-сериал)

1981 — Незванный друг

— Проданный смех

1982 — Детский мир

1983 — Одиноким предоставляется общежитие

- Подросток
 - Срок давности
 - 1984 — И жизнь, и слезы, и любовь...
 - 1985 — Дети Солнца
 - Зимний вечер в Гаграх
 - Личное дело судьи Ивановой
 - Подвиг Одессы
 - «Прощание славянки»
 - 1987 — Жизнь Клима Самгина (ТВ-сериал)
 - 1988 — Аэлита, не приставай к мужчинам
 - 1989 — Две стрелы. Детектив каменного века
 - Оно
 - Сердце не камень
 - 1990 — Искушение Б.
 - Паспорт
 - Собачий пир
 - 1991–1000 долларов в одну сторону
 - Виват, гардемаринки! (ТВ-сериал)
 - Затерянный в Сибири
 - Курица
 - Небеса обетованные
 - Чокнутые
 - 1992 — Гардемарины-III (ТВ-сериал)
 - Осколок «Челенджера»
 - 1993 — Альфонс
 - Заложники «Дьявола»
 - Личная жизнь королевы
 - 1994–1995
 - Петербургские тайны (ТВ-сериал)
 - 1995 — Московские каникулы
 - 1996 — Милый друг давно забытых лет...
 - 1998 — Хочу в тюрьму
 - Райское яблочко
 - 2000 — Любовь. Ru (ТВ-сериал)
 - 2001 — Саломея (ТВ-сериал)
 - (в производстве) Убей меня, голубчик...
 - (в производстве) Тайны дворцовых переворотов. Россия. 1725-1801
- О жизни и творчестве актрисы создан документальный фильм «Наталья Гундарева. Наша Наташа» (2008, производство «ЗИМА продакшн»).

Наталья Гундарева в роли Ани
из фильма «Сладкая женщина» (1976 г.)

Кадр из телефильма
«Петербургские тайны» (1994 г.)

Светлана Дружинина: исполнение желаний

Можно ли узнать человека до знакомства с ним? Ну, хотя бы в общих чертах представить себе его характер? Считаю: да!

Для этого совершенно не обязательно идти к прорицателям или вглядываться в

магический шар. Можно просто заглянуть в книгу по астрологии — откроются удивительные вещи!.. Даже если это ироничная книга Линды Гудмен «Знаки Зодиака, или Астрология с улыбкой»:

Глаза Стрельцов — яркие, живые, лукавые. Стрельцы бывают очень высокого роста <...> Рослые Стрельцы чем-то неуловимо похожи на породистых лошадей. У многих на лоб спадает непослушная прядь, похожая на лошадиную челку, и у них остается на всю жизнь привычка встряхивать головой, как бы откидывая волосы назад.

Будучи страстными натурами, Стрельцы полностью отдаются делу, которому посвятили жизнь. Жизнь для Стрельца — это театр, даже скорее цирк...

Что это, скажите, если не портрет Светланы Сергеевны Дружининой? О таких, как она, хочется сказать «породиста», потому что есть все: особая стать, ум, независимость в поступках и мыслях, говорит только то, во что свято верит, даже если ее слова расходятся с громогласным «хором» большинства (и такое как-то было в «Гласе народа» у Сорокиной на «старом» НТВ). Ее фигуре позавидует иная модель: сказывается балетное и цирковое прошлое. Она красива, поэтому совсем не удивительно, что стала известной актрисой. Вспоминается ее Анфиска из «Девчат», неподражаемо сдувающая с глаз непослушную «стрелецкую» прядь! Кроме того, способна на неожиданные поступки, потому что относится к категории тех, кто легко оставляет позади победы и не боится начинать с нуля.

Да к тому же личность неординарная и талантливая, что и привлекает к ней людей, многие из которых навсегда становятся «спутниками» в притяжении ее «планеты» и двигаются по близким ее «орбитам».

Ее скорее представишь себе в платье до пят, в цветах, комплиментах и восторженных улыбках, чем под дождем и снегом сорванным голосом командующей: «Мотор!» А вот поди ж ты, — уже почти тридцать лет назад взвалила на свои плечи тяжелую режиссерскую ношу и, как бы трудно за эти годы не было, не сбросила, тащит. Черпая силы, наверное, в своей природе, полученной от предков и от небесных светил своего созвездия Стрельца.

Как Дружинина стала «англичанкой»?..

Наверное, подобные мысли в тот момент посещали многие головы, потому что, как только зажегся свет, зал взорвался громом оваций. Так, отнюдь не чопорными английскими полуулыбками, а вполне российским кипением эмоций члены Английского клуба встретили появление на сцене Светланы Дружининой. Светские «львы» и «львицы» собрались на не совсем обычное заседание в Киноцентре «Ролан». Да и не могло быть иначе, потому что речь шла о приеме в свои ряды кинорежиссера. «Вступительным взносом» новоявленной «англичанки» стал премьерный показ первых двух фильмов из задуманного 25-серийного исторического проекта «Тайны дворцовых переворотов». Хотя если серьезно, то никаких «вступительных взносов» вносить ей и не требовалось: кто же не знает Светлану Сергеевну? Если не ее экранные роли Сони «За витриной универмага», Ларисы в «Дело было в Пенькове», Анфиски в «Девчатах» (а всего их ни много ни мало — семнадцать), то уж поставленные ею фильмы — «Сватовство гусара», «Принцессу цирка» и, конечно же, культовый сериал о гардемаринах (а список ее режиссерских работ значительно длиннее), смотрели все.

Когда Юрий Саульский вручал ей статуэтку Золотого Льва — символ клуба, она невольно посмотрела направо, где на сцене среди членов ее киногруппы, пришедших разделить с ней радость торжественного дня, стоял главный Лев ее жизни — Анатолий Мукасей, с которым сорок лет вместе и дома и на съемочной площадке. Может быть, в эту минуту Дружинина подумала, что со стороны может показаться, как легко все у нее складывается. Просто-таки по названию ее режиссерского дебюта — «Исполнение желаний»...

Атаманша из Марьиной Роши

В режиссерской профессии, несомненно, есть что-то шаманское: душой и талантом разжечь костер идеи, собрать вокруг единомышленников, увлечь их слышным пока только тебе и рвущимся наружу ритмом, подчинить своей воле, добиться единого дыхания и слаженных действий, повести за собой в одному тебе ведомые дали, к маячащему вдали финишу — фильму на экране. Ради этого многое ставится на карту, приходится порой работать, как укротителю: где кнутом, а где пряником. И характер у режиссера должен быть особенный: бойца и лидера, потому что каждый съемочный день — это передовая, где у полководца маленькой армии нет права на ошибку.

Дружинина шла к своему «командному пункту» непростой дорогой. Как человек страстный и увлекающийся, она перепробовала немало занятий. Неизменным оставалось одно: она всегда сама принимала решения и сама их исполняла. А задатки лидера проявились в ней рано, когда была заводилой своего двора в Марьиной Роще.

— Без меня во дворе ничего не происходило. Родители были в ужасе. Но в моих затеях не было ничего дурного. Я могла построить всех и повести на экскурсию в Третьяковку, а контролерше так убедительно соврать, что билеты у отставшей учительницы, что нас пропускали. Как-то увела всех в цирк на Цветном бульваре. Для того чтобы просто постоять возле, потому что денег на билеты не было. Там и увидела объявление о приеме в цирковую школу. В нем требовалось: «При себе иметь майки, трусы, носки и... чистые ноги». Подбила всех поступать, но взяли только меня. Мне было тогда десять лет.

После каждого занятия в цирковой студии она собирала дворовых приятелей и терпеливо отработывала с ними все, чему научилась на уроке. И хотя для общего физического развития ее «педагогические» действия, возможно, и были полезны, явных успехов у ее воспитанников так и не наметилось. Зато у нее самой за год занятий появился собственный номер в программе — «девочка-каучук». Но когда цирк должен был поехать на гастроли, мама стала насмерть и заперла дочь на ключ, положив тем самым конец ее цирковой карьере. Позже Дружинина признается, что цирк был ее первой любовью. И снимет о нем фильм «Принцесса цирка» — яркий, веселый, полный нежной любви к людям, которые своим незаметным для всех каждодневным каторжным трудом создают для нас праздник.

А тем же далеким летом в пионерском лагере она познакомилась с девочкой, которая училась в хореографическом училище. Та была вся такая тоненькая, с большими грустными глазами, и ходила не как все остальные, а какой-то особенной летящей походкой. А когда кружилась на пуантах, от восторга у Светланы замирало сердце. Она сразу же примерила ее необычные балетные туфли и в мечтах уже видела себя в белой пачке танцующей в луче света.

«Атаманша» перешла в пятый класс и считала себя совсем взрослой. А поскольку привыкла не откладывать в долгий ящик намеченное, то по возвращению в Москву решительно отправилась в училище при Большом театре. Но там ее ждало разочарование: выяснилось, что она опоздала по возрасту на целый год. Увидев, как огорчилась девочка, ей посоветовали попробовать в училище при театре Станиславского и Немировича-Данченко, где прием продолжался. Туда Светлана и поступила.

Балетные дети — это особая, «недетская» категория маленьких людей, взваливших на свои слабые плечи тяжелый физический труд до седьмого пота, да еще общеобразовательные предметы, и это при постоянном ограничении в еде!.. Это суровая жизненная школа, в которой каждый день становится проверкой не только таланта, но и силы воли. Так что дворцовая команда заскучала без своей предводительницы, которую видела теперь очень редко. А та все время куда-то неслась вприпрыжку, догоняя мечту.

И смогла-таки открыть для себя заветные двери, перейдя по конкурсу в училище при Большом театре. Занималась истово, педагоги хвалили, партнером был Марис Лиєпа... Но, в общем-то, каждый день — проза.

— Лет до пятнадцати мы всяких блошек-мошек-таракашек в спектаклях Большого

изображали. А последние три года мы с моими одноклассниками танцевали в операх дивертисменты. В каком-то спектакле увидела меня руководитель ансамбля «Березка» Надежда Надеждина и принялась активно сватать в свой коллектив. Но тут я на репетиции «Щелкунчика» разбила локоть о металлическое крепление станка, и рука у меня повисла — образовалась гематома.

Из-за чего пришлось Дружининой взять академический отпуск. Но чтобы быть рядом с подругами и продолжать выходить на сцену, Светлана стала вести концерты училища, которые часто транслировались по телевидению. И даже в этой роли сумела обратить на себя внимание: ее пригласили на телевидение работать диктором детских передач. Кстати, вместе с еще одним юным дарованием — Михаилом Державиным, с которым они впоследствии станут самыми первыми ведущими «новорожденного» КВНа.

Новые лица на телевидении пятидесятых были очень заметны, и все малочисленные счастливые обладатели телевизоров относились к узкой «касте» дикторов чуть ли не как к членам семьи: обсуждали прическу Валечки, новую кофточку Анечки и покррой пиджаков Володи и Игоря. Вскоре для многих и Дружинина стала по-приятельски «Светочкой».

Прямые эфиры, в режиме которых только и работало тогда телевидение, стали хорошей профессиональной школой и своеобразными «кинопробами» молодой ведущей. Именно благодаря голубому экрану ее увидел и пригласил на одну из главных ролей в свою комедию «За витриной универмага» режиссер Самсон Самсонов. Она оказалась на съемочной площадке рядом с такими мастерами, как Борис Тенин, Иван Дмитриев и молодыми талантами — Анатолием Кузнецовым, Микаэлой Дроздовской, Олегом Анофриевым и др. Но Соня Божко в исполнении молоденькой дебютантки не затерялась на их фоне.

Фильм вышел в 1956 году и был тепло принят зрителями, что круто изменило жизнь Дружининой. Ее заметили и стали наперебой приглашать другие режиссеры. Тем не менее, первый успех не вскружил юную хорошенькую голову. Светлана приняла его скорее в качестве аванса, поскольку человеком всегда была самокритичным и требовательным к себе до тиранства. К тому же привыкла все, чем занимается, делать профессионально. Поэтому она устояла перед соблазном тиражирования внешних данных и обаяния, отпущенных природой, и поступила на актерский факультет ВГИКа, в мастерскую Б. В. Бибикова и О. И. Пыжовой.

В институте она тоже ходила в лидерах, и не потому что уже была восходящей «кинозвездой» (как со свойственной самоиронией шутила), а потому что любила спорт и стала капитаном волейбольной женской сборной института.

Два капитана

— Однажды в спортзале наблюдала за тренировкой мужской волейбольной команды. К моим ногам подкатился мяч. Я не успела его поднять, как подбежал высокий парень и протянул руку. Мы встретились глазами, и эта минута перевернула все в наших жизнях.

Правда, версия об их первой «встрече» в изложении ее супруга звучит иначе. Как-то на юге, где Анатолий Мукасей отдыхал с матерью и сестрой, они пошли в кинотеатр на новую кинокартину «За витриной универмага». После сеанса сын спросил: «Мам, тебе понравилась девушка, что играла главную роль?» И, не дожидаясь ответа, огорошил: «Я на ней женюсь!» Мудрая мама ответила: «Я не возражаю».

Но об этом одностороннем «знакомстве» Светлана, конечно же, не подозревала. Их настоящая встреча состоялась только через год во ВГИКе. Анатолий Мукасей учился на операторском факультете и тоже возглавлял волейбольную команду. Так их объединил спорт и, как ни странно, лидерство каждого. В институте их стали называть «два капитана» — прямо как в известном романе. Вообще, с писателем Кавериним ее жизнь удивительным образом не раз пересечется.

Может быть, именно поэтому в память о «двух капитанах» для своего режиссерского дебюта она выберет роман любимого писателя «Исполнение желаний». Но это будет потом,

когда ее судьба в очередной раз сделает крутой вираж. Через год они с Анатолием поженятся. И она будет наслаждаться студенческим семейным счастьем, успевая при этом учиться на «отлично», много сниматься и одного за другим родить двух сыновей.

— *Между прочим, мы даже в любви друг другу не объяснялись. Случилось так, что я сказала ему о своей любви: на госэкзамене на режиссерском факультете ВГИКа. У нас тогда уже дети были. Борис Андреевич Бабочкин дал мне задание объяснить в любви ко всему человечеству. Попыталась отвертеться: «Да я мужу своему ни разу в любви не объяснялась. Могу сейчас ему об этом сказать». — «Что, прилюдно? Ну, пожалуйста». Я и говорю: «Толя, я тебя люблю». А Толя встал, поклонился и сказал: «Я тебя тоже». Вообще, любовь для меня — это не слова, а дела. У нас в семье никто не претендует на первенство, иначе мы бы не прожили вместе столько лет. Семья для меня, может быть, самое важное в жизни.*

Конечно, родные помогали молодым. Правда, как выяснилось позже, длительные заграничные командировки родителей Мукасея были связаны с их работой в разведке. Так что молодая актриса сразу стала невыездной. Но если и сожалела об этом, то лишь иногда, да и то про себя, потому что изменить что-либо в своей судьбе не хотела ни за что на свете.

Через много лет, когда родители «отошли от дел», сын спросил отца: «Сейчас так много говорят о людях вашей профессии. Почему же ваши имена никому не известны?» На что тот отреагировал спокойно: «Видишь ли, известными становятся только те разведчики, кто провалились. А мы не провалились».

(Михаил Мукасей прожил долгую и интересную жизнь и скончался в 2008 на 102-м году жизни. Его супруга пережила любимого мужа на год.)

— *Свекровь у меня была женщина мудрая и помогала тем, что не вмешивалась в наши отношения. В этом я стараюсь подражать ей и своей маме. Одно ее огорчало: что у всех Мукасеев рождаются только мальчишки. И она даже в шутку установила приз за первую девочку в роду — дорогой кулон с профилем царицы Нифертити. Пока он не востребован, потому что и у меня два внука.*

Между тем актерская карьера складывалась у Дружининой на редкость удачно. В 1957 году она сыграла у Станислава Росточкого в фильме «Дело было в Пенькове». Нехитрая история Сергея Антонова из деревенской жизни о любви, ревности, людской подлости запомнилась благодаря талантливой режиссуре и ярким характерам, созданным актерами Вячеславом Тихоновым, Майей Менглет и Светланой Дружининой. Ее Лариса — человек гордый, жестоко страдающий от измены любимого. Она способна на отчаянную бабью выходку в виде прилюдных частушек про соперницу, но не на убийство. В этом треугольнике все любят и все несчастны, в нем нет виноватых и каждый по-своему прав. А главное, характеры настолько правдивы и жизненны, что фильм до сих пор смотрится с интересом.

А потом была красавица Анфиса из «Девчат» Юрия Чулюкина. Вроде как отрицательный персонаж: «индивидуалистка» (по мнению Тоськи), эдакая «попрыгунья-стрекоза» с коммутатора, меняющая мужчин, как перчатки, картинно сдувающая с глаз непослушную прядь и без страха заявляющая приезжему начальству: «А вы знаете: не стыдно!»... Но Дружинина показала, что за фасадом бесчувственной оболъстительницы скрывается страдающая женщина, тайно оплакивающая несложившуюся судьбу.

Роли следовали одна за другой, и, казалось бы, дальнейшая жизнь была предопределена, как вдруг Светлана Сергеевна опять крепко всех удивила, оставив успешную актерскую карьеру и уйдя в режиссуру. Ей не просто пришлось начинать все с нуля, как и снова ВГИК — с первого курса, но и все время доказывать, что режиссер может быть женщиной и достоин уважительного отношения, а не снисходительных скидок на половую принадлежность. И изначально фильмы она ставила такие, что интересны всем, а не ожидаемое многими «женское кино». Но это будет потом, вначале же, как выяснилось, абитуриент режиссерского факультета должен был иметь опубликованные печатные работы.

Крутой вираж

— *Как ни странно, я оказалась пишущей актрисой. Мой рассказ в журнале «Советский экран» получил первую премию и великолепный отзыв незабвенного Виктора Борисовича Шкловского. Мне предлагали поступать на режиссерские курсы, но я решила во ВГИК. И это были экзамены скорее для меня, чем для приемной комиссии.*

Тем не менее — опять все на «отлично». Может быть, именно сидевшая с детства в Дружининой тяга к лидерству искала выход наружу, а поскольку актеры, как известно, — люди профессии зависимой, то и обратилась она к профессии режиссера.

Ее дипломной короткометражке «Зинка» была уготована печальная судьба: она сняла в главной роли актрису Викторину Федорову, вскоре покинувшую Советский Союз, и о картине сразу постарались забыть.

Для своей первой самостоятельной полнометражной работы Светлана Сергеевна выбирает роман Вениамина Каверина с символическим названием «Исполнение желаний». Сначала писатель весьма настороженно отнесся к тому, что его произведение будет экранизировать молодая, ни в чем еще не проявившая себя женщина-режиссер. Но когда она, робея, показала мэтру написанный сценарий фильма, тот его похвалил, а ей посоветовал серьезно заниматься прозой. Ей было лестно это слышать, а еще сознавать, что «открылись способности, о которых я даже не подозревала». Каверин даже предложил красивой дебютантке в режиссуре сыграть в своем фильме главную женскую роль. Однако Светлана Сергеевна отказалась и пригласила на эту роль актрису Ларису Лужину.

Так Дружинина без оглядки ринулась в мучительно сложный и ответственный кинопроцесс, в котором все, от начала и до конца, — на ней, и в случае победы — слава, в случае неудачи — персональная ответственность, потому что теперь нет спины, за которую можно спрятаться.

— *Тогда из актеров в профессиональную режиссуру я, пожалуй, ушла первая. В профессию, самую сложную в мире кино, которая не только требует постоянного напряжения душевных сил, но и значительной физической выносливости.*

— *Юлия Ипполитовна Солнцева — наш известный режиссер, в прошлом, кстати, тоже актриса, пригласила меня вторым режиссером на свою картину об Александре Довженко «Золотые ворота». Она говорила, что он у меня есть «режиссерский» характер. Характер крепкий нужен, но одним волевым стуком по столу ничего не сделаешь.*

Режиссура, как кто-то точно сказал, — это не просто профессия, а скорее образ и способ жизни. Я обязана держать тонус на съемочной площадке, скрывать свои проблемы, настроение, потому что без этого не состоится работа. А вообще, я как Суворов, все время со своей «армией»: ем в экспедициях то же, что и все, живу в тех же походных условиях, без «люксов», езжу на «Москвиче», что подарили спонсоры, даже на приемы в Кремль. А что? Пусть видят, как мы (конечно, имеет в виду свою съемочную группу. — Прим. авт.) живем.

Рецепт счастья от Дружининой

Для Дружининой все осложнялось еще и тем, что, занимаясь по мнению многих «неженским» делом, являясь руководителем большого коллектива, она становилась «начальницей» и для оператора Анатолия Мукасея, снявшего все ее фильмы.

— *Это сложно: муж в номинальном подчинении. А если он к тому еще и обаятельный мужчина, женщины его любят, и ему нравится им нравится?.. Да еще по гороскопу — Лев!.. Но мы всегда обо всем договариваемся дома, поэтому всем видны только наши слаженные действия на площадке.*

У многих, кто не знает хорошо эту семью, складывается мнение, что заводила из Марьиной Рощи, естественно, верховодит и дома. Но оно ошибочно. Как-то так удивительно сложилось, что два лидера, «два капитана», мирно уживаются под одной крышей, избежав

искренний самолюбий, стремления самоутвердиться за счет другого.

— Обычно думают, что лидер в семье — я, потому что у меня голос громче (смеется). Но часто муж своим тихим голосом высказывает окончательное решение. Я соглашаюсь, хоть и не всегда в душе согласна. Но для меня самое главное — покой в семье. Брак — это умение быть терпеливыми и достойно переживать испытания.

Вместе они сумели найти тот баланс, что помогает удерживать равновесие на качающейся жердочке семейных отношений. Им до сих пор хорошо вместе, и не возникает потребности отдохнуть друг от друга. Они привыкли все дела делать вместе: будь то работа или ведение домашнего хозяйства. И не ради соблюдения каких-то принципов, а просто от уверенности, что раз это нужно всем в общем и каждому в частности, то и подходить к этому надо с точки зрения рациональности действий: у кого есть время, тот первым и включается в работу.

— Приезжаем домой после съемочного дня, готовим ужин в четыре руки, садимся есть и начинаем обсуждать рабочие планы на завтра. А как-то, когда вся отснятая пленка постановочно сложной сцены оказалась браком, мы с мужем сидели за бутылкой водки и плакали...

Вот такая на первый взгляд нехитрая схема семейного счастья, но насколько для многих недостижимая!..

Если кому-то может показаться, что скучные будни, напряженная работа и неизбежные семейные проблемы, которые бывают у всех нормальных людей, ради красного словца в этом рассказе залиты толстым слоем патоки, то он ошибается. И эту семью не обходили стороной беды. Несколько лет назад трагически погиб их старший сын Анатолий. И неутихаемую боль потери эта сильная женщина спрячет глубоко в сердце, огородит флажками от постороннего вторжения... Она до сих пор ни с кем не говорит о своей невосполнимой утрате. Только один раз, поддавшись минутной слабости, она не выдержит и скажет, что он мог бы стать хорошим актером — талант был, и должен был в «Гардемаринах» играть одну из главных ролей. Но оказалось — не судьба. И тему эту для журналистов закроем.

С самого детства рядом с ними Данила, сын Анатолия. Он практически вырос на съемочной площадке, но отнюдь не в тепличных условиях внука знаменитостей, потому что чаще всего ему доставалась «роль» подсобного рабочего: и съемочную площадку подметал, и тяжеленную аппаратуру таскал, и в ограждении от любопытных частенько стоял. Правда, в два с половиной года он впервые появился на экране крупным планом в фильме «Виват, гардемарины!». Но сделано было это не от желания «увекочить» любимого внука, а из-за банальной необходимости: во-первых, немного найдется мам, которые с легкостью отдадут свое чадо для изнурительной киношной работы, а во-вторых, мало кто из маленьких детей сможет выдержать несколько дублей под яркими софитами в компании незнакомых людей. А вот Данила Мукасей смог. Поэтому в новом проекте бабушки с дедом — «Тайнах дворцовых переворотов» ему доверили уже роль побольше: он танцует на балу с юной наследницей престола Анной Леопольдовной (ее играет Аня Штукатурова), болтая с ней по-немецки. Сам Данила в гуманитарном колледже изучает английский, а вот мелодику немецкой речи уловил мгновенно и заговорил так, что поразил консультанта.

Эта природная способность к подражанию пригодилась, когда для озвучания роли юного императора Петра II срочно потребовалась замена, потому как Дима Веркеенко, сыгравший эту роль, за годы простоя киногруппы успел вырасти, и голос его приобрел басовитость. Был устроен конкурс, приглашено несколько претендентов. И Данила с первого дубля попал в синхрон, чем привел издававших виды профессионалов в изумление. Хотя объективности ради был созван Худсовет из членов киногруппы, рассмотревший все пять проб, но единодушно утвердил Данилу. Так что параллельно с учебой в колледже и занятиями любимым теннисом и компьютером Данила Мукасей в качестве полноправного члена съемочной группы участвовал в создании грандиозного семейного кинопроекта.

Совершенно неудивительно, что кино, как наследственная болезнь, как неизлечимая

бацилла, «поразило» и второго их сына Михаила: он стал, как отец, оператором и одним из первых в нашей стране клипмейкеров. И зарабатывал не в пример родителям. Поэтому и смог подарить им «крайслер», поскольку их «зеленая кобылка» — старенький «жигуль», частенько подводил. Светлана Сергеевна призналась, что обожает дорогу и скорость:

— *В это время у меня рождаются мысли и приходят ответы.*

У нее есть права, но машину она никогда не водила, потому что Анатолий Михайлович как-то сказал: «Я умоляю: не садись за руль! Или ты хочешь, чтобы каждый раз, когда ты уезжала, я умирал? Я лучше сам буду возить тебя, куда скажешь». Вот Дружинина и ездит только рядом с супругом или со штатным водителем киногруппы. А Михаил между тем в который раз опроверг банальное высказывание про детей выдающихся родителей, что на них «природа отдыхает», совместив таланты отца и матери: он снял несколько фильмов, пишет сценарии и снимает свой режиссерский дебют.

С невестками Светлана Сергеевна всегда ладила, руководствуясь мудрым принципом своей свекрови: не вмешиваться в отношения с сыновьями.

Есть в этой семье еще один полноправный член — сиамская красавица Дуня. Ее подарила хозяйке Ирина По-наровская, у которой обнаружилась аллергия на кошек. И когда однажды Дуня на несколько дней пропала, был страшный переполох и бессонные ночи всего семейства и ближайших друзей. Когда же нашлась, все «устаканилось», и жизнь вернулась в привычную колею.

История «болезни» историей

Мировую славу и восторженную любовь зрителей принесла Дружининой трилогия о гардемаринах. А начиналось все весьма прозаично: как-то в руки Светланы Сергеевны попала объемная папка с листочками, исписанными убористым почерком. Никому не известная Нина Соротокина написала авантюрный роман об увлекательных и опасных похождениях учащихся навигацкой школы — гардемаринах. Дружинина за приключениями юных храбрецов увидела возможность показать, что и отечественная история может быть интересной, что забытые понятия «честь», «служение отчизне», «дружба» и «верность» понятны и актуальны сегодня.

В 1987 году на экраны телевидения вышел фильм «Гардемарины, вперед!», который сразу окрестили «культовым». Зритель раз и навсегда полюбил трех друзей: Алешку Корсака, Никиту Оленева и Сашу Белова, а их исполнители Дмитрий Харатьян, Владимир Шевельков и Дмитрий Жигунов мгновенно взлетели на самый гребень зрительского успеха. Все молодые актеры, кто пройдет «школу гардемарин», вытянут свой «звездный билет». Это Александр Домогаров, Михаил Мамаев, Татьяна Лютаева... «Мать российских гардемарин», как будут шутливо называть Светлану Сергеевну, станет их крестной в кинематографе.

После сериала о гардемаринах Дружинину назовут последним романтиком советского кино. Но скоро и Советского Союза не станет, и кино практически закончится. И тогда появится на свет Киностудия «Сагиттариус» (латинское название созвездия Стрельца), которую Дружинина создала с супругом Анатолием Михайловичем, «чтобы не разворовали жалкие крохи», выделяемые государством сначала на последнюю часть «Гардемаринов», а потом на новый проект «Тайны дворцовых переворотов». Супруги станут фанатично экономить каждую копейку, «открывать» закрытые двери личным обаянием Дружининой или ее дружескими связями.

Идея создания масштабного исторического кинополотна возникла у Дружининой давно. Так получилось, что в один из первых съемочных дней фильма «Виват, гардемарин!» Светлана Сергеевна сломала ногу. Для ее деятельной натуры оказаться в полной неподвижности на долгое время — пытка страшнее, чем физическая боль. И она находила забвение в чтении. А поскольку действие ее фильма проходило на фоне исторических реалий XVIII века, то и читала она только документы той эпохи, мемуарную

литературу, исторические романы Мережковского и т. п. Будучи человеком эмоциональным, умеющим зажигать идеями окружающих, она заразила всех своих родных и близких, членов киногруппы, в том числе и актеров, своей «болезнью» историей. А те, в свою очередь, — своих знакомых и родственников, и так цепочка все росла и росла.

Каждый был счастлив раскопать какой-нибудь неизвестный доселе широким кругам документ или книгу, и поделиться этим с Дружининой. Вот и получилось, что когда сериал о гардемаринах был закончен, Светлана Сергеевна поняла, что со всей этой многопластовой исторической основой надо что-то делать. Так родился фантастический и несколько авантюрный (вспомним проблемы переломного времени!) план создания 25-серийного кинопроекта об исторических событиях в России от момента смерти Петра I до воцарения Екатерины Великой. Ведь не только наша реальная история старательно вымарывалась из учебников и трансформировалась порой до неузнаваемости, но и насколько извращенными советскими историками предстали перед потомками личности правителей России и их сподвижников! Рассказать правду о пяти правительницах, личностях неординарных и неоднозначных и решила Дружинина в своем проекте, каждая серия которого представляет собой законченный фильм об определенном историческом эпизоде.

— К сожалению, мы совершенно не знаем своего прошлого. Американцы, у которых история насчитывает немногим более двух столетий, бережно ее сохраняют, полностью ее экранизировали с привлечением лучших режиссеров и звезд кино, и создали увлекательное и познавательное зрелище. Вот и мы этим фильмом хотим привлечь внимание к нашей подлинной истории, которая переписывалась бесчисленное количество раз в угоду личностям и режимам. И хотя абсолютной истории, как и абсолютной правды, не существует, и мы снимаем не документальное кино и имеем право на свою версию происходившего, все персонажи, коллизии и расстановка политических сил у нас абсолютно достоверны. Но, — повторяю еще раз, — мы имеем право быть небеспристрастными.

Лично для меня, к примеру, император Петр II — этот мальчик, рано все испытавший и безвременно ушедший, одна из самых трагических личностей на российском престоле, в котором, как в капле воды, отразились все пороки того времени. И государственные и социальные.

Когда в 1995 году Дружинина, по ее выражению, «ввязалась в драку» с «Тайнами», о ней и ее новом проекте вздох писали чуть ли не все СМИ. Но простой из-за отсутствия финансирования, составившие в общей сложности два (!) года, унижительный факт, что известный режиссер вынуждена обивать пороги различных инстанций в поисках поддержки, проявлять чудеса изобретательности для того, чтобы не просто выживать, но потихоньку все же двигать дело вперед, никого не возмутили и не заставили выступить в поддержку киногруппы и всего проекта. Хотя о том, как на фоне чудовищного разграбления страны эта маленькая киностудия «Сагиттариус» умудрилась скорректировать смету Госкино в сторону уменьшения (?!), можно было бы написать, — был повод! Вместо утвержденной Госкино проектной стоимости в размере 7,2 миллионов долларов при озвучании в системе «Моно» они сделали его фактически за 6 миллионов в системе «Долби-стерео».

Так что не то чтобы хоть слегка нагреть руки на бюджетных средствах, но и просто как следует заработать на этом, речь здесь не идет! Все знают, что в наше время гораздо проще и дешевле снять какой-нибудь криминальный фильм с джентльменским набором из убийств, погонь и любовно-постельных сцен и двумя-тремя медийными лицами. А вот Дружинина принципиально не стала зарабатывать таким образом: делать не кино, а деньги. Ходила по кабинетам, доказывала, уговаривала, с маниакальной настойчивостью пытаясь раскрутить неповоротливый маховик общественного сознания и убедить не только чиновников, но и всех нас, что историю свою следует как минимум знать. И как максимум — ею гордиться.

И Светлана Сергеевна добила своего и вопреки всему сняла материал на шесть первых серий: а это 9 часов экранного времени и 15 тысяч метров пленки! Конечно же, без поддержки и помощи это было бы невозможно. Помогали и Фонд Ролана Быкова, и мэры

Москвы и Санкт-Петербурга, и Академия наук и Министерство обороны. Даже бывший президент Ельцин, давший разрешение на бесплатную съемку в Кремле. А кроме того — просто знакомые и незнакомые люди. Так, бывшие сокурсники по ВГИКу прислали из Монголии мешок буйволиных волос для париков, кто-то выделил «Москвич» для киногруппы, на котором она будет демонстративно ездить даже на приемы в Кремль. И хотя старый «москвичок» смотрелся среди роскошных лимузинов инородным телом, ее демарш не был замечен и понят. На массовку нет денег? Тогда царскими гвардейцами станут курсанты Петербургского военно-морского училища — и бесплатно! А московские конные милиционеры в исторических костюмах будут гарцевать на красавцах-конях в сцене коронации юного Петра II. И жители небольшого городка Кстово Нижегородской губернии, где проходили натурные съемки, станут бесплатно сниматься в эпизодах царской охоты.

— *Бывало нелегко... Вот, к примеру, директор Петергофа поставил условие: «Буду говорить с вами только у себя». И я поехала в Питер. И в шесть утра уже стояла у метро на морозе, чтобы меня забрал их автобус. А потом просидела несколько часов в приемной... Ничего, стерпела. В результате мы все-таки нашли общий язык.*

Вообще, низкий поклон нашим музейщикам! Мы снимали в подлинных дворцовых интерьерах. Работать там очень трудно, но мы стремились сделать все, чтобы на экране история выглядела достойно. Я им все время повторяла: «Мы все это оставим на пленке и покажем людям».

Работников музеев тоже можно понять: они привыкли дистанцироваться от зрителя — «Руками не трогать!», «За ограждения не заходить!». А тут на царские кровати с размаху валятся, по драгоценному паркету не в мягких тапочках, а в сапогах, да еще со шпорами! И свечи — настоящие! — в дворцовых покоях так и норовят зажечь. Впору кричать «караул»! Да к тому же и денег за это не платят. А иностранцы валютой соблазняют. Но пускают они в музейные святая святых не их с тугим кошельком, а Дружинину с ее беспокойным хозяйством.

Но, конечно же, приходилось Дружининой к каждому директору музея и дворцового комплекса искать индивидуальный подход: на кого-то своим обаянием давить, на кого-то, в запале, и словом. Так, в одном из музеев-заповедников категорически и наотрез ей сказали «нет!» Но стоило администрации музейного комплекса услышать, что в одной из главных ролей будет сниматься Сергей Шакуров, — мгновенное преображение: улыбки, признания «он наш любимый актер!», — и готово, оттаяли женские сердца, теперь стало «можно».

Так постепенно в «созвездие» Стрельца притягивались все новые и новые талантливые и одержимые люди, такие же, как она сама. Это прежде всего актеры — тоже сплошь звезды первой величины: Сергей Шакуров, Нина Русланова, Людмила Зайцева, Наталья Фатева, Наталья Егорова, Николай Караченцов, Лариса Лужина, Дмитрий Харатьян — и многие-многие другие, которые станут играть в этом кинопроекте практически бесплатно. Потому что их объединит нечто более важное, чем материальная заинтересованность: желание показать нам нашу неизвестную историю.

Собственно, в этом, если разобраться, и есть национальная идея: возрождение самоуважения и гордости за свой народ. И это дело актеры вслед за режиссером назовут своим гражданским и моральным долгом. В тяжелейших условиях и без лишнего шума они работают на эту идею уже больше десяти лет. Денег это не приносит. Но, как сказал Сергей Шакуров, сыгравший в сериале святейшего князя Меншикова: «Этот фильм не для денег, а для души».

Первые два фильма исторической эпопеи Дружинина показала в 2000 году на кинофестивале в Выборге. Критики сделали вид, что их не заметили. Хотя там есть несомненные актерские удачи и есть о чем профессионально поговорить.

Но режиссер не обижается:

— *У них всегда на Дружинину табу. Уж лучше пусть «никак»... Время для меня самый главный судья.*

А вот зрители принимали фильмы восторженно! Правда, сама режиссер на премьерном

показе в «Мире Кинотавра» сказала с горечью, что видит, как «на экране нищета из всех щелей лезет...»

Но зал, стоя, встретил ее овациями. Потому что многие из зрителей знали то, что осталось «по ту сторону» экрана: столько лет неимоверного напряжения сил талантливых, одержимых людей. Дойдут ли ее новые фильмы до зрителя, решают другие люди, в чьих руках прокат. А им выгоднее и проще работать с раскрученными американскими лентами. Но кое-кто уже смекнул, что на Дружининой можно неплохо заработать: на видеорынке появились пиратские копии ее фильмов, что, несомненно, является определенным показателем зрительского интереса. Увидим ли мы когда-нибудь все задуманные «Гайны дворцовых переворотов»? Остается только надеяться.

И хотя Дружинина была очень заинтересована в «раскрутке» сериала, третий фильм «Я — император» сняла с конкурсного показа в Выборге-2001 и сама фестиваль покинула, потому как считала для себя невозможным участвовать в празднике, омраченном смертью бессменного председателя жюри этого кинофестиваля Станислава Ростоцкого, случившейся накануне. И уехала в Москву, чтобы проводить учителя, друга и коллегу в последний путь.

— У меня часто спрашивают, почему Дружинина-режиссер никогда не снимает в своих фильмах Дружинину-актрису? Это принципиальное разделение профессий или просто Дружининой-актрисы уже не существует?.. У кого-то получается совмещать эти профессии, а у меня — нет. Всякий раз в сценарии пишу для себя небольшие, выигрышные роли. Репетирую, на меня шьют костюмы, но потом отказываюсь от этой идеи. Вот, к примеру, роль Анны Бестужевой в фильме «Гардемарины, вперед!» я писала для себя. Но за неделю съемок в Юсуповском дворце надоело в длинном платье и гриме бегать из кадра и смотреть в объектив, цепляясь приклеенными ресницами. Вот и отдала свою роль без проб Нелли Пшенной, которая подошла картине идеально, как ей — шитые на меня костюмы. Это был последний опыт в желании «по-сниматься». А просто «брешь» собой заткнуть где-нибудь в эпизоде я себе не позволяю. Но у хорошего режиссера я бы снялась. Да чтоб драматургия хорошая...

Юбилей в Английском клубе

Для души и для редких минут отдыха у семьи Дружининой-Мукасея есть небольшой домик в Пахре, который она считает счастливым подарком небес. Даже не собственно домик, а лишь часть его с участком в две с половиной сотки. Правда, и на этой небольшой площади традиционно вся ее киногруппа в первый день съемок собирается на знаменитые шашлыки.

Зная широкую душу и хлебосольность Дружининой, члены Московского Английского клуба, устроив празднование ее юбилея, подарили нечто огромное, завернутое в блестящую бумагу, туманно намекнув, что это «для кухни». И растроганная Светлана Сергеевна тут же пригласила всех присутствующих — человек сто, не меньше — к себе на шашлыки. При этом сразу же возникли затруднения: как это сделать в январе месяце и как разместить на ее мини-участке такое количество людей? Решение пришло мгновенно: во-первых, отложить мероприятие до теплых деньков, а во-вторых, выручил друг и любимый артист Сергей Шакуров, громогласно провозгласивший, что дарит ей участок в 25 соток в Домодедовском районе.

К многочисленным поздравлениям и подаркам юбилярше как нельзя кстати пришлось присвоение ей звания Народной артистки России и почетного звания Кавалера Фонда «Общественное признание».

С чистым сердцем Светлана Сергеевна может процитировать: «Мои года — мое богатство», — потому что никто в трезвом уме не даст этой красивой стройной рыжеволосой и удивительно молодой женщине ее лет. Поэтому она их и «не берет».

Несмотря на все пережитое Светлана Сергеевна говорит:

— Я ничего бы не стала менять в своей жизни, — значит все, что со мной случилось, было Богу угодно...

Мне интересно ТАК жить и ТАК работать.

Видимо, все же название ее первого фильма — «Исполнение желаний» — оказалось пророческим. Многие из задуманного уже сбылось, но, «слава Богу, желаний еще предостаточно», а, значит, исполнение их еще впереди.

Дружинина Светлана Сергеевна

Родилась в Москве 16 декабря 1936 г.

В 1955 г. окончила хореографическое училище ГАБТа. В 1960 г. — актерский факультет (мастерская О. И. Пыжовой и Б. В. Бибикова). В 1968 г. — режиссерский факультет ВГИК (мастерская С. И. Таланкина).

Заслуженный деятель искусств РСФСР (1989).

Народная артистка России (2002).

Снималась в фильмах:

1955 — За витриной универмага

1957 — Дело было в Пенькове

1960 — Мост перейти нельзя

1961 — Орлиный остров

— Девчата

1962 — На семи ветрах

1963 — Где-то есть сын

1964 — Какое оно, море?

1965 — Зеленый огонек

— Одиночество

— Любимая

Поставила фильмы:

1973 — Исполнение желаний

1976 — Солнце, снова солнце

1979 — Сватовство гусара

1980 — Дульсинея Тобосская

1982 — Принцесса цирка

1987 — Гардемарины, вперед!

1991 — Виват, гардемарины!

1992 — Гардемарины-III

2001 — Тайны дворцовых переворотов. Россия.

Век XVIII. Фильм 1-й: Завещание императора.

2001 — Тайны дворцовых переворотов.

Фильм 2-й: Завещание императрицы.

2001 — Тайны дворцовых переворотов.

Фильм 3-й: Я — император

2001 — Тайны дворцовых переворотов.

Фильм 4-й: Падение Голиафа

2003 — Тайны дворцовых переворотов.

Фильм 5-й: Вторая невеста императора

2003 — Тайны дворцовых переворотов.

Фильм 6-й: Смерть юного императора

2008 — Тайны дворцовых переворотов.

Фильм 7—8-й: Виват, Анна Иоанновна!

2011 — Тайны дворцовых переворотов.

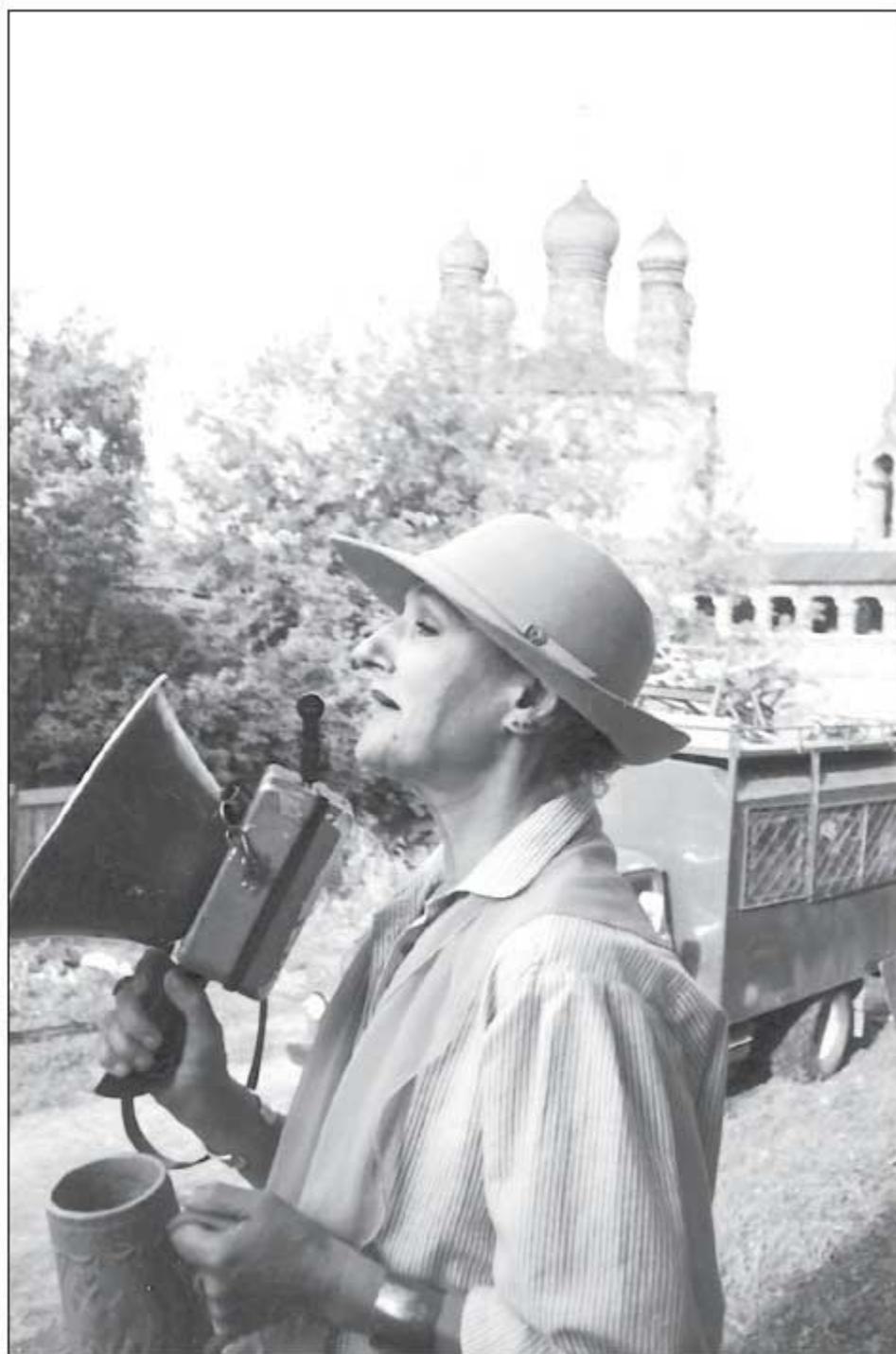
Фильм 9-й: Два рыцаря, или охота за принцессой (в производстве)

Написала сценарии к фильмам:

Солнце, снова солнце Сватовство гусара Принцесса цирка Гардемарины, вперед!

Виват, гардемарины!

Тайны дворцовых переворотов. Россия. 1725—1801

Светлана Дружинина на съемках фильма
«Гардемарины, вперед!» (1987 г.)

Светлана Дружинина
на съемочной площадке

Татьяна Конюхова принцесса из коммуналки

— Ой, смотрите: Конюхова! Конюхова!.. Обожаю!

Этими словами встречают героини оscarоносного фильма «Москва слезам не верит» появление любимых артистов. Татьяна Конюхова — стройная, с белым палантином на плечах, вызвав гул аплодисментов, легко взбегаёт по лестнице в лучах прожекторов, под восторженными взглядами поклонников.

Татьяна Георгиевна досадует:

— У нас все так: «О, Конюхова!», «Москва слезам не верит»! А что я там сыграла? Вышла из машины и прошла по лестнице...

Символ времени

Нет, она там СЫГРАЛА. Сыграла один из символов 50-х годов нашего кинематографа, знаковую фигуру времени — актрису Татьяну Конюхову. Потому что с первого появления на экране в 1952 году в фильме «Майская ночь, или Утопленница» белокурую красавицу с голубыми глазами полюбили зрители. И верность своей любви сохранили до сих пор, хотя она очень редко появляется на экране в новых ролях. Но поклонники узнают ее даже в эпизодах.

Во время показа в Госкино фильма Владимира Меньшова «Москва слезам не верит» произошел весьма показательный случай.

— Одна чиновница заглянула в зал именно в момент этого эпизода и разнесла известие: «Как здорово они смонтировали в художественный фильм кадры из хроники с

Конюховой, когда она идет вся в мехах!..» Именно такой меня когда-то видели на фестивале. Муж за рождение сына подарил мне четыре шкурки песца, — тогда они стоили копейки. Половину, естественно, украли, но все равно получился роскошный палантин...

И многие вместе с той чиновницей были уверены, что это какой-то трюк или чудеса техники. Трудно поверить, что спустя почти четверть века можно выглядеть так, чтобы сыграть себя в молодости.

Тем не менее, Татьяна Георгиевна не скрывает свой возраст, прилюдно отметила семидесятилетний юбилей, но этот факт ее биографии вызывает скорее недоумение... легкую зависть... восхищение! Она не делала пластических операций, не изнуряет себя до одури физическими упражнениями или диетами, просто с детства приучила свое тело подчиняться собственной воле и держать «форму».

Однажды на фестивале «Созвездие» в Архангельске всех удивила: устала мерзнуть на холодном ветру (в нарядном длинном шелковом платье при +6 градусах!..) и, когда цыганский хор запел, вышла в круг, дробно постукивая высокими каблучками. И так отплясывала зажигательную «цыганочку», что привела в полный восторг не только многочисленных зрителей и собратьев-актеров, но и профессионалов из цыганского ансамбля.

Свой «рецепт» молодости у Татьяны Конюховой, конечно же, есть. И он прост:

— Я ни одного дня не сидела без работы. Если не снималась — играла в театре. (К сожалению, Театра-студии киноактера, которому она отдала почти сорок лет жизни, уже не существует. Здание его по-прежнему на Поварской, а вот штатных актеров — цвет и «звездность» отечественного кино выбросили из него на улицу. Вернее, на нищенскую пенсию. — Прим. авт.). Я сотни встреч провела со зрителями. Сделала поэтическую программу: читаю любимых Цветаеву, Пастернака.

Я полностью согласна с Борисом Пастернаком: «Цель творчества — самоотдача», а не шумиха. Это мой девиз.

Готовя юбилей, за Конюхову подсчитали количество кинофильмов с ее участием. Список оказался весьма внушительным: более 50 названий. А ведь кроме этого она много работала на радио и телевидении, в театре, занималась дубляжом. Это ее голосом говорит очаровательная Милен Демонжо в фильмах о Фантомасе, как и множество других известных актрис.

Сама идея с юбилеем возникла неожиданно: 12 ноября

2001 года ее просто завалили телеграммами. Были среди них и несколько на простых бланках, но с красной полосой наверху «ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ». Теплые, нестандартные выражения любви и признательности от президента, известных политиков и членов правительства.

— Я так растерялась... Не знала, что с этим делать... Как поблагодарить всех за внимание и теплые слова? Я никогда свои даты сама не отмечала. После смерти мужа тем более. А тут учредители фестиваля «Киношок» предупредили, что собираются отметить мой юбилей...

Он состоялся 6 декабря 2001 года. Большой зал Дома кино был забит до отказа.

— Все думают, что юбилей — это такая радость, праздник... А я вышла на сцену и сказала: «Ужас! Катастрофа!» Я ощутила себя попавшей в Ниагарский водопад: ухнула с огромной высоты вниз, а потом меня понесло по течению. Я нигде это не прочитала, просто у меня на сцене вдруг родилось это ощущение. Другие относятся к этому иначе. Вот Лидя Смирнова вышла и сказала: «А я люблю юбилей: комплименты, подарки, тебя все любят!..»

Наверное, это правильно... Однажды Иракий Андронников сказал поразившие меня слова: «Я счастлив, что живу в эпоху Галины Улановой!» И я тогда подумала: «Боже мой! А ведь она жива!.. Как прекрасно при жизни услышать в свой адрес такие великие слова!» Действительно, как сказал Пастернак: «...О человеке надо говорить, пока он слышит!»

Но Татьяна Георгиевна не была бы сама собой, если бы просто благосклонно принимала устные и «овеществленные» выражения любви.

— *Я выплеснула такой водопад своих чувств и ощущений по отношению к залу, который пришел ко мне... Меня любит... Когда закончился вечер, мне сказали: «Ну, ты так носилась на своем юбилее, что тебе можно дать от силы 37!»*

Никто не знал, что «носились» она практически на «автопилоте»: всю ночь просидела над стендом, который назвала в свойственной ей шуточной манере «Мужчины в ее жизни». А это почти два десятка партнеров по кино и театру: Георгий Юматов, Валентин Зубков, Виктор Коршунов, Борис Новиков, Юрий Яковлев, Георгий Визин, Сергей Филиппов, Лев Свердлин, Владимир Трошин, Владимир Ивашов... самые главные мужчины в ее жизни — муж Володя и сын Сережка. А еще... пудель Лорик соседки по дому и подруги по жизни актрисы Ларисы Лужиной, обожающий Конюхову и от избытка чувств каждый раз при встрече вылизывающий ей лицо. Все надо было продумать, снабдить подписями. И даже кнопками.

— *У меня голова трещала, я сходила с ума.*

Потому что в самый день юбилея с 2-х часов пришлось и репетировать на сцене, и даже, самой мебель расставлять...

— *Когда я услышала раз, другой «красавица-красавица», не выдержала: «Бывает, утром подхожу к зеркалу, и вспоминаются чудные слова Владимира Вишневецкого: „Мадам, по телефону смотрите вы лучше!“»*

Так было смолоду: чрезмерные по ее мнению восторги принимала в штыки или с иронией. Но все же юбилейные торжества, растянутые почти на месяц, не могли слегка не поколебать ее принципы. Сначала праздник устроил сын, как она назвала — «историю». Потом в Боровом ее юбилей отметил Международный детектив-клуб, членом которого Конюхова является. Она просто онемела, увидев свой огромный портрет. Он был сделан с одного из лучших снимков в ее жизни: она в белой шубке широко улыбается и словно раскрывает объятия миру. Он запечатлел счастливейший момент жизни, когда Татьяна Георгиевна могла сказать: «Жизнь удалась: у меня любимый муж и я родила сына!»

Юбилей — время не только цветов, подарков и поздравлений, но и грустных итогов.

— *Все было на протяжении этих лет: полвека творческой жизни, любовь и расставания, замужества и разводы... Даже клиническая смерть.*

Сама решала за судьбу

Успешная и востребованная актриса, она решилась на серьезный шаг: в тридцать лет родить ребенка. Потому что очень сильного этого захотела. Потому что от любимого мужчины, ставшего главным в ее жизни. Но как же трудно было совместить ожидание желанного материнства с профессией!

В «Карьере Димы Горина» она начала сниматься, будучи на пятом месяце беременности.

— *Там есть такая сцена: мы приехали на грузовике на встречу Нового года. Моя Галя Березка не могла находиться в кабине — я ведь делала ее по характеру Тани Конюховой — только с бригадой в кузове, под ледяным ветром... А потом борт открывают, и я со всеми вместе «горохом» сыплюсь почти с двухметровой высоты!.. Аж ассистентки взвизгнули: «Она же беременная!» Тут Сергея Аполлинариевича Герасимова, который, как худрук объединения, присутствовал на съемках, чуть кондрашка не хватила!..*

Бесполезно было ей советовать побережиться: «надо значит надо». В работе она никогда условий не диктовала. В жизни же свой крутой характер проявляла, от чего нередко страдала сама, да и близким доставалось.

— *У меня такой характер: что не понравится — буду стоять насмерть, как камень. Сказала, будет сын, — и утром и вечером повторяла: «Каждую минуту он все больше становится мальчиком» — это я вычитала в «Саге о Форсайтах». И родила сына! Когда я*

лежала в роддоме, все бегали на меня смотреть, хотя я была изуродована до неузнаваемости: вся в черных пятнах, губы распухли, нос картошкой... Такую жуть представить было невозможно! Когда сестра меня увидела, то закричала от ужаса. А мне все было нипочем!

Театральные гримеры перед каждым спектаклем старательно замазывали пигментные пятна светлым гримом, от чего ее лицо становилось похожим на маску.

Но природу не обманешь: сказывался возраст, и роды были тяжелыми. Тем более что в Ригу к родным, где Конюхова решила рожать, они с мужем приехали на автомобиле, причем она провела за рулем несколько часов. Ноги опухли так, что актрису вытаскивали из машины несколько человек. Она еле добрела до постели, с трудом передвигая негнущиеся ноги.

— *Ребенок шел попой. Мне три дня его не показывали. Я сходила с ума и однажды так разоралась, что все испугались и отвели меня его посмотреть. Я в роддоме месяц пролежала.*

Врач после родов меня спросил: «Что вы там кричали?» А это было в 1961 году, тогда еще не было никаких публикаций на тему «жизнь после смерти». И я ему стала рассказывать, как поэтапно следила за своим переходом «туда». У меня уже однажды было подобное. Делали мне операцию, и, вероятно, от новокаина у меня был шок. Оказывается, это и есть клиническая смерть. Я чувствовала, что куда-то поплыла по комнате, заглянула на кухню — там мама с мужем сидят. Мама что-то уронила, и оно блякнуло об пол... Я все помню: как на меня что-то надвигалось, как мое лицо превратилось в каменную маску... Появился какой-то далекий свистящий звук «у-у-у». От глаз как будто протянулись проволочки, которые стали меня куда-то тянуть. Появилась острая боль, и я стала опрокидываться во что-то черное...

А потом я ощутила полет в узком пространстве. И подумала: «Надо же — лечу, как ракета! И куда это меня несет? И как мне приземлиться?» И когда я вдруг вылетела в серебристое пространство, меня охватила такая бешеная радость! Я еще подумала: «Странно: свет яркий, но не режет мне глаза»...

Надо сказать, что как-то во время съемок в Средней Азии мне сожгли роговицу: пленка тогда была малочувствительной, и ставили по двенадцать огромных прожекторов на маленькую площадку. В конце смены у меня была чернота перед глазами, полная потеря светочувствительности. Потом я долго вымывала «песок» из глаз. До сих пор на натуре с подсветкой сниматься не могу.

Так вот, когда я вылетела туда, то подумала, как здорово: глазки-то не болят. Было потрясающее ощущение, не передаваемое словами!.. А потом вдруг как будто отключили свет, — темнота... Мне стало тесно и больно. Я глаз еще не открывала, но ощутила, что чмокаю губами. Оказывается, перед началом операции врач попросил коньяк и лимон. Думаю, у него уже были подобные случаи. Он ножом разжал мне зубы и выжал туда лимон. Кислота что-то делает в организме, и я пришла в себя. У ассистентки было такое лицо!.. Она шепчет: «У вас был шок»... Я поняла, что шок — это смерть...

Нет, в эти минуты перед ней не «промелькнула вся жизнь», это просто литературный штамп. Скулы сводило от лимонного сока, и она судорожно сглатывала, отстраненно фиксируя разливающуюся волнами по телу боль. Но разум уже выходил из оцепенения, а с ним возвращалась и вечная привычка быть хозяйкой себя и обстоятельств. Вернее, противостоять им, парировать удары судьбы. Как Скорпион, к знаку которого принадлежит, каждый раз возрождаться из пепла.

— *Я себя ловила на том, что первая эмоция, когда я кого-то слушаю, — удивление: «Да?» А потом во мне происходит молниеносный процесс, и я в следующую минуту говорю: «Нет!» Первым, кто подметил и вытащил эту мою сущность, был Леонид Луков (режиссер фильма «Разные судьбы». — Прим. авт.).*

В те времена о «лженауке» астрологии практически ничего не было известно. Но Татьяна Георгиевна волей случая много об этом узнала.

— *Однажды в Театре киноактера я встретила свою любимую актрису Валентину*

Караваяву (незабываемую Машеньку из одноименного фильма Юлия Райзмана. — Прим. авт.) и пригласила отобедать. Выпили мы с ней коньячка, и она спрашивает: «Танечка, вы — Скорпион?» Я обиделась: «Почему это скорпион?» Уж я-то их повидала...

Девочка из узбекской деревни

Чего-чего, а этих опасных тварей она насмотрелась с самого детства, ведь родилась Татьяна Георгиевна в Узбекистане. Ее отец, Георгий Степанович Конюхов, был выходцем из крестьянской семьи. Но семьи образованной и имеющей особый общественный статус.

— Мой дед был агрономом в имении известного сахарозаводчика Терещенко. У него было много собственных трудов по выращиванию сахарной свеклы. А бабушка была красавица-раскрасавица — полька, Елена Александровна Высоцкая. У них было четыре сына и любимица дочь Танечка, которая в шестнадцать лет сгорела в три дня. Братья чуть не убили француза-доктора, — ему пришлось даже спешно бежать из имения. Отец в 30-х отслужил в армии, где вступил в ВКП(б), за меткую стрельбу получил именные серебряные карманные часы. Потом его направили на партийную работу в Казахстан, где он и встретился с мамой.

Мать Татьяны Конюховой звали Анастасия. Она была девушкой решительной и волевой, что не раз пригодилось ей в жизни. Как все «хохлушки», статной, темноволосой красавицей и певуньей. Возможно, ей казалось, что она сделает неплохую партию, связав судьбу с крупным управленцем, но, как известно, «человек предполагает, а Бог располагает». В 1934 году директора Ферганского хлопкоочистительного завода Г. С. Конюхова арестовали. Под нелепым предлогом: за травму работницы в результате несоблюдения техники безопасности. Хотя всем было ясно, что пострадал он за то, что не дал гепеушникам в обиду главного бухгалтера завода — своего друга детства. Когда за тем пришли, Конюхов без лишних разговоров выбросил уполномоченного из окна кабинета. Хоть клумба с петуниями и смягчила падение со второго этажа, но обида у того осталась. И «загрел» Конюхов в тюрьму, а потом в лагерь. А спас его, как ни странно, расстрел Ежова, объявленного в свою очередь врагом народа, и приход Берия. Может быть, сыграли роль и хлопоты родственника, лично знакомого с Всесоюзным старостой М. И. Калининым.

— Когда мы в 37 году «получили» чуть живого отца, он был от макушки до пят покрыт мокрой экземой. С тех пор я не выношу запаха мази Вишневского. И траурный марш Шопена, так как мимо нашего дома, что был рядом с кладбищем, чуть не каждый день шли похоронные процессии.

От отца дочь унаследовала цельность натуры, внутреннюю силу и способность к самообразованию. Танечке не было и пяти, когда перед ней как-то разбросали кубики с буквами. Она сразу уловила связь между звучащей буквой и ее графическим символом, и через несколько минут стала спрашивать, а как составить слова «корова», «коза»?.. А спустя несколько дней уже читала книжки.

— Я начала читать «Муму». Но получалось медленно, а мне хотелось побыстрее узнать, что там в конце. Бабушка мне читала, а я сидела у ее ног и рыдала. Вскоре так увлеклась чтением, что готова была укунить маму за то, что она не давала читать, все время отвлекая домашней работой.

Анастасия Денисовна была помешана на чистоте, целыми днями крутилась по хозяйству, стараясь и дочь приобщить к делу. Но иногда она бунтовала и, заломив руки за голову, непедagogично голосила в отчаянье: «Не будь рабой, как я!» Ее пример поначалу сослужил дочери плохую службу: она фанатично боролась «за равенство» в доме, отчего ее первый брак по молодости и неопытности оказался суперскоротечным.

— В детстве мама беспощадно лупила меня за то, что я бегала по глиняным крышам, пробивая в них пятками дыры. Ей всегда на меня жаловались соседи, потому что я была заводилой у окрестной ребятни. И мама в наказание не выпускала меня на улицу. Я сидела, как птица в клетке, за дувалом. Но когда кто-то к нам приходил, дверь отпиралась, и я в

момент, как ящерица, выскальзывала, — и нет меня! И вот уже лечу, пыль столбом, как Чапаев на коне, несусь впереди ватаги ребят... Меня нельзя было ни «перескакать», ни переиграть в ланту и другие игры. Честолюбивая была, всегда хотела быть лучшей, причем дома меня всегда ругали, никогда не хвалили, мама порола, как сидорову козу. Но и в действительности я, как потом выяснилось по восточному гороскопу, — Коза.

Я была такая подвижная!.. Папа играл на гитаре, а я могла часами плясать, до посинения. Это мне пригодилось потом в институте: я могла часами отрабатывать какое-то упражнение, с упоением занималась акробатикой, танцами. Поэтому в 40 лет мне ничего не стоило сыграть в мюзикле Дурочку.

Она там не только танцевала и без перехода сразу пела, что под силу не всем артистам оперетты, но даже совершала головокружительное переднее сальто.

— Когда я в первый раз это сделала, весь оркестр вскочил в ужасе: музыканты думали, что я на них лечу, на их пюпитры и скрипочки. А я остановилась на самом кончике помоста. И это происходило на каждом спектакле. Потом они привыкли, но все равно, наверное, каждый раз вздрагивали.

Наш театр всегда был пасынком на фоне театральной жизни столицы, и, к сожалению, ничего из его репертуара не записывалось на пленку. Как-то на спектакль пришел мэтр кино, выдающийся режиссер Юткевич с супругой. Сергей Иосифович сказал: «Вы — чудо! Вы — актриса Мейерхольда! Он бы гордился вами». А его жена, профессиональная балерина, солистка Большого театра, спросила: «Деточка, какое хореографическое училище вы кончали?»

И вот однажды в маленьком уютном ресторанчике странная женщина, актриса загадочной и очень драматичной судьбы Валентина Караваева, стала вдруг рассказывать Конюховой такие вещи о ней самой, что та не переставала поражаться.

— Она сказала: «Танечка, я за вами давно наблюдаю. Вы мне нравитесь. Я очень хочу с вами работать». Она долго-долго пробивала «Чайку», в которой когда-то потрясла всех в роли Нины Заречной. Это была сенсация! Говорили, когда на сцене на нее находило вдохновение, то равной ей не было. И кому посчастливилось увидеть ее в звездные минуты творчества, тот не забудет никогда. Она мне сказала: «Что вы делаете с собой? Ваша интуиция родилась на десять лет раньше вас, а вы ее все время обижаете, спорите с ней и поступаете ей наперекор. Вы очень за это поплатитесь».

Но я тогда не придала ее словам никакого значения: я была в фаворе, у меня все получалось. Я играла на телевидении, на радио, в Малый театр пригласили, и сын у меня родился, как я этого хотела, и муж у меня был замечательный, красавец невозможный и умница к тому же. Мне было с ним безумно интересно, страшно и весело. Это была не жизнь, а какой-то полет. Как сказал один человек, который увидел нас вдвоем с Володей: «Вот теперь я понял: что такое влюбленная Конюхова. У вас так сверкали глаза! Я сказал, посмотрите на Конюхову, и вам станет ясно, что такое счастье».

И какое ей было дело тогда до «каких-то Скорпионов», до предостережений!.. Ей казалось, что это она, без влияния далеких планет, управляет своей жизнью. Правда, замечала за собой:

— Если что-то у меня должно пойти одним путем, то я своим умишком разворачиваю в обратную сторону.

Потом она узнает, что это свойственно всем Скорпионам, впрочем, так же как и пронизательность и интуиция, которыми наделены все знаки водного тригона.

И если уж продолжить эту «зыбкую» тему, стоящую на грани науки и мистики, можно сказать и о том, что спустя годы она узнала, что по 32-летнему гороскопу она — Белый медведь. И поняла, почему с первого взгляда, как увидела занесенные снегом леса и домишки из окна поезда, в 1946 году увозившего ее семью из жаркого Узбекистана в Прибалтику, так и «влюбилась на всю жизнь в „белые снега“».

Мать мечтала видеть дочь в белом халате — степенным человеком нужной и уважаемой профессии врача. Но у Татьяны были свои планы. С раннего детства она то перед

игрушками, то перед бабушкой или дворовыми приятелями устраивала представления: пела, читала стихи, что-то изображала. И едва видимая пунктирная линия ее жизни уже нацелилась в самое сердце страны.

Только на артистку!

Семья много кочевала по СССР. Отец пошел на фронт в 1942-м и закончил войну в Кенигсберге. Когда Георгия Степановича перевели и назначили начальником «какого-то интендантского заведения в бывшей Восточной Пруссии», семья засобиралась из Прибалтики, где тогда жила, на новое место его службы. А вот дочь проявила семейный характер:

— Я сказала: «Все, никуда не поеду!» И это притом, что родители всегда командовали мной жутко! К примеру, идет школьный вечер, танцы в разгаре. А ровно в десять часов папа появляется в дверях зала и делает «кхе-кхе». И я безропотно семеню на выход.

В 1949 году после окончания школы Татьяна Конюхова приехала в Москву и подала документы во ВГИК, чтобы учиться «на артистку». Ее зачислили на курс В. В. Ванина.

Училась она самозабвенно, играла в спектаклях по сценической практике.

— Я поступила туда, куда хотела поступить.

Она не просто оказалась в самом большом и самом красивом городе страны, в котором всегда жизнь была легче и сытнее, и прилавки магазинов, с точки зрения бедной провинциалки, ломились от товаров. Это был совершенно другой мир, в котором звучала божественная музыка...

— Когда я впервые оказалась в Зале Чайковского и стала слушать симфонический оркестр, — влюбилась в Мравинского, как сумасшедшая... Меня подхватила волна неведомых чувств, не сравнимых с теми, которые я испытывала раньше, слушая пластинки.

А вечерами ее манил полумрак театров. До Москвы она всего два раза видела спектакли профессиональных актеров.

— В первый раз это было в 1943 году, когда в заводском клубе Джамбула или гастроли не помню какого театра. Играли «Вассу Железнову». Мне так стало жалко Вассу с ее девчонками, что я сначала всхлипывала, а потом зарыдала в голос. Все смотрели не на сцену, а на меня. В конце концов меня за шкирку выбросили из зала.

В Москве Татьяна жадно стремилась наверстать упущенное и утолить культурный голод, умудряясь совмещать учебу «на отлично» с посещением концертов практически всех мировых знаменитостей, удостоивших своим визитом столицу, и театральных премьер. Когда она училась на втором курсе, известный режиссер-сказочник Александр Роу пригласил ее на главную роль в экранизации «Майской ночи» Гоголя. Через год вышел фильм «Судьба Марины». У критиков были к нему большие претензии по части надуманности сюжета. Как и к двум последующим — «Запасной игрок» (1954) и «Доброе утро» (1955).

Известный советский кинокритик Андрей Зоркий в творческом портрете Конюховой (V выпуск «Актеров советского кино», 1968) напишет прямо: «Что можно сказать о героинях Конюховой в названных картинах? Они — положительные персонажи, и их индивидуальность не идет дальше такого определения. В образах-схемах, заданных слабыми киносценариями, „программировались“ две-три эмоциональные краски...» Правда, это мнение человека, оценивающего ее работы через добрый десяток лет.

Названия этих кинолент практически ничего не говорят современному зрителю, но в период отечественного малокартинья каждый новый фильм встречался с радостью, и смотрели его по несколько раз. Рядовым посетителям кинотеатров неведомы были строгие оценки профессионалов, — советские зрители просто с удовольствием вновь и вновь переживали незамысловатые приключения полубившихся героев. Так «Судьба Марины» в 1954 году заняла в прокате 2-е место.

В этих фильмах кроме схематичных, надуманных сюжетов была какая-то добрая энергетика, обаяние времени и человеческая притягательность героев. Тем более что артисты, снимавшиеся в них, были талантливыми и заслуженно причисленными к звездам советского кино: Николай Хвыля, Георгий Милляр, Николай Гриценко, Марк Бернес, Борис Андреев, Леонид Быков, Георгий Вицин, Николай Рыбников и многие другие. И, бесспорно, среди них блистала Татьяна Конюхова, играя роли лирических героинь. Ее лицо смотрело с многометровых афиш возле кинотеатров, ее стали узнавать на улице и кидаться с просьбами дать автограф. Но Татьяна в ответ резко бросала: «Вы ошиблись. Я только похожа на нее», — поднимала воротник пальто и ускоряла шаг.

Несколько особняком в перечне ее первых работ стоит фильм «Вольница» (1955 год). В нем Григорий Рошаль снял почти целиком блистательный курс ВГИКа, на котором Конюхова оказалась после весьма характерного для нее случая.

— Я много снималась, и хотя теоретические предметы всегда сдавала на «отлично», но ощущала пробелы в важнейшем практическом — мастерстве актера. Пошла в деканат и честно попросила оставить меня еще на год. Был шок: «Такого у нас никогда не было».

Случай небывалый и (правда, не берусь утверждать наверняка) вряд ли кем из вгиковцев повторенный. Обычно студенты правдами-неправдами стремятся перейти на следующий курс, но прямолинейная комсомолка Конюхова самокритично решила, что из-за частых пропусков в ее образовании возникли пробелы. А поскольку учеба доставляла ей удовольствие, и занималась она старательно, ради этого отринув соблазны шепутной студенческой жизни и уйдя на съемную квартиру, то пробелы решила ликвидировать.

Деканат пошел ей навстречу, и Татьяна снова оказалась на третьем курсе, попав в мастерскую О. И. Пыжовой и Б. В. Бибикова.

— Это был гениальный курс: Руфа Нифонтова, Изольда Извицкая, Надя Румянцева, Юрочка Белов, Мая Булгакова, Валя Владимировна, Рита Криницина, Алеша Пархоменко... — и я туда влилась.

В фильме «Вольница» Татьяна Конюхова сыграла Анфису — беглую жену, смело бросающую вызов законам и общепринятой морали. Параллельно с этой картиной она снималась еще в двух, но на съемочной площадке у Рошалья всегда умудрялась оказаться вовремя. Однажды что-то не сложилось, и она прямо из аэропорта примчалась к самому началу съемок. Во время грима ей в двух словах объяснили «диспозицию»: расталкиваешь всех, кричишь, бежишь вон оттуда — туда... Мало что соображая от усталости и волнения, Конюхова вошла в кадр. Снимали сцену проводов заключенных, среди которых был ее любимый. Массовые сцены — это всегда опасно: что-то не сложилось, споткнулся, зацепился за провода аппаратуры, толпа сбила с ног, и без травм вряд ли удастся обойтись...

По сигналу «мотор» Конюхова с заднего плана начинает энергично пробираться вперед, потом бежит, розовая шаль, вырывающаяся из рук от потока ветра работающего ветродуя, парит за спиной, как парус. У нее перехватывает горло и откуда-то изнутри рвется низкий крик, переходящий в вой: «Ха-ри-то-ша!» И замирает прямо возле камеры. Она была уверена, что съемку провалила, но режиссер был в восторге, а потом многие вспоминали этот эпизод, как один из самых сильных в фильме.

Задумав экранизацию трилогии Алексея Толстого «Хождение по мукам», Рошаль без колебаний пригласил в будущую картину двух героинь из «Вольницы»: Руфину Нифонтову на роль Кати и Татьяну Конюхову на роль Даши.

— На пробе мы играли сцену, когда приходит Телегин — весь из себя в радости и революции, а Даша потеряла ребенка, оцепенела от горя... Я сыграла так, что с лесов кубарем скатились рабочие и стали аплодировать, а мать Георгия Данелия Мэричка (сестра великой грузинской актрисы Верико Анджaparидзе. — Прим. авт.) со своим неповторимым акцентом сказала: «Никогда не думала, что Таня Конюхова — трагическая актриса!»

А я до этого все играла девочек-девушек, которые на стройку поехали, там влюбились, потом «разлюбились». И все у них хорошо: вколотили колышек у переднего колеса машины и

стали передовиком труда — хэппи-энд! А здесь такие характеры, такой материал — можно только мечтать!.. Но тут Рошаль надолго заболел. Так уж случилось, что его жена — царствие ей небесное! — Вера Строева, тоже режиссер, невзлюбила меня. Ну, не нравилась я ей, что подделаешь?.. И кап-кап жена с подружками ему на мозги... Кап-кап... А меня приглашает Калатозов, собирающийся снимать «Летят журавли», то бишь пьесу Виктора Розова «В поисках радости». Я большая поклонница этого драматурга, видела его пьесы на сцене. И с радостью бы... — но отказываюсь. Потому что для меня дружба и долг превыше всего на свете, даже собственных интересов и счастья. Я могу поступиться всем самым мне дорогим во имя этого «идиотизма».

Вот все жду и жду... И вдруг где-то через полгода узнаю, что Катю, как и было объявлено, играет Нифонтова, а Дашу — Ниночка Веселовская. Я разрыдалась, порвала газетенку с заметкой, и на полтора месяца провалилась в депрессию, чуть не подохла... Вот так ушла от меня роль. А я в это время отказалась еще и от «Карнавальная ночи», от «Дела № 306»...

В 1956-ом, к моменту окончания института, Конюхова имела за плечами четыре полнометражных фильма.

— Фильм «Доброе утро», который мне засчитали как дипломную работу, стал «добрым утром» моей творческой жизни.

Поиски своего пути

В том же году, словно компенсация и утешение за ускользнувшую роль Даши, судьба в лице режиссера Владимира Басова послала Конюховой главную роль в фильме с символическим названием «Первые радости», а затем и во второй части кинодилогии — «Необыкновенное лето». Это тоже была экранизация. Героиня Константина Федина купеческая дочь Лиза Мешкова, сыгранная Конюховой, выгодно отличалась от всего, что она делала раньше. Это была сложная драматическая судьба, показанная в развитии. И молодая актриса доказала, что ее талант далеко выходит за рамки амплуа, в прокрустово ложе которого ее втискивали до этого режиссеры, критики, да и зрители, полюбившие «розовых» героинь Конюховой и нетерпеливо требовавшие продолжения.

— *А я так устроена: вперед — вперед! Меня все время тащило куда-то.*

Кино — вещь коварная: экран сохраняет и тиражирует и успехи, и провалы. Тем же, кому фимиами зрительской любви не застилает глаз, во сто крат виднее и обиднее собственные промахи. Татьяна Георгиевна — человек требовательный к себе до мазохизма. Вот и превращаются ее просчеты в растянутые на годы душевные и физические пытки.

— *Актер, как охотник: промахнулся, — не убил утку! Хоть и жаль, а ничего исправить нельзя. Тогда рублю с плеча: все! Точка! Не буду больше играть такие роли!*

Я и от «Разных судеб» отказывалась. А зачем? В «Доброе утро» я сыграла точно такую роль. Что еще нового можно сделать в таких же обстоятельствах, в этой психофизике?

Это потом она будет благодарна судьбе, что та свела ее с талантливым режиссером и интереснейшим человеком Леонидом Луковым, а тогда все решил случай.

Открылась дверь павильона, где режиссер уламывал строптивную молодую артистку, и вошел Георгий Юматов, который уже был утвержден на одну из главных ролей.

— *Жора с порога воскликнул: «О, Соня!» А мы с ним тогда не были знакомы, и я растерялась. Так вопрос сам собой и решился. Проб не было: сегодня утвердили, а на завтра мы уже снимались. А что пробовать? У Леонида Давыдовича все «гениальные»!..*

Позже, когда Луков просматривал начальные титры, Татьяна заглянула ему через плечо и увидела две колонки фамилий: Татьяна Пилецкая — Юлий Панич и Татьяна Конюхова — Георгий Юматов. И, шутя, заметила:

— *Жорик, если бы я взяла мамину фамилию, представляешь, было бы Юманова — Юматов! Тот тут же скаламбурил: «Что ж ты не взяла матернюю фамилию?!»*

Фильм «Разные судьбы» до сих пор показывают по телевидению, что лишний раз доказывает, что он не устарел и не утратил своей прелести. Все в той картине сложилось счастливо, создав единое целое: талантливая режиссура, прекрасный актерский ансамбль, добротная драматургия и незабываемая музыка Никиты Богословского. А романс Рощина (на стихи Николая Доризо) «Видно, встреч нам не праздновать: У нас судьбы разные...», — ставший визитной карточкой фильма, и сегодня включают в свой репертуар молодые исполнители.

Вышедший на экраны в 1956 году фильм «Разные судьбы» посмотрели 30,69 миллионов зрителей, что вывело картину на восьмое место среди лидеров проката. Тем не менее, судьба самого фильма через какое-то время оказалась под угрозой: после отъезда за границу актера Юлия Панича, его, как было принято в те времена, не только ошельмовали в прессе, но и положили на полку все картины с его участием. Только перестройка вернула эти фильмы на экраны, дала возможность Паничу приезжать в родную страну и даже заниматься гуманитарными программами.

Фильм «Разные судьбы» добавил яркости в «звездное сияние» Конюховой. Ее любовно стали звать «Соней».

— «Звезда», «звезда»!.. А «звезда» ходила ногами по земле: у меня не было ни машины, ни квартиры. Снимаясь в трех картинах одновременно, я ежемесячно посылала хозяйке по пятьсот рублей, чтоб она, — не дай Бог! — не сдала мою комнатенку.

После «Разных судеб» Татьяна Конюхова продолжает активно сниматься. Но о фильме «Косолапый друг» надо поговорить особо. И не потому, что история о цирке и дрессировщице собак такая уж выдающаяся в творческом плане, — просто он разделит жизнь Татьяны Георгиевны на части: на жизнь до встречи с мужчиной, о котором говорят «единственный и неповторимый», на жизнь в мощном накале любви, а потом и на жизнь с памятью об этом...

Единственный и неповторимый

Их встрече предшествует интересная история.

Однажды Татьяна Конюхова снималась в Киеве, а тогда в гостиницы селили с одним условием: по требованию администрации надо было сразу же освободить номер. Никого не волновало, что ты, к примеру, Конюхова — звезда кино. Да хоть бы и сам Александр Вертинский! Который однажды по возвращении с концерта нашел свои вещи в закутке бельевой. Там его, сидящего на чемодане, случайно увидели Татьяна с подругой. И та на правах давней знакомой закричала: «Сашенька! Что ты там делаешь?» Тот растерянно пожал плечами. Они пригласила гордость нашего искусства к себе в номер, напоили чаем, обогрели словом, помогли всем, что было в их силах: ходили к администрации, требовали, просили, добились... А через несколько дней и их ошаршили: срочно требуется освободить номер, потому что приехали на соревнования спортсмены. Так что, товарищи артисты, быстренько вытряхивайтесь!

Кое-как собрав чемодан и обвешавшись вещами, Татьяна направилась к новому месту обитания (естественно, худшему). Как вдруг из полумрака коридора со словами: «Чем я могу вам помочь?» на нее надвинулась высокая фигура с копной черных волос Тут Конюхова, по собственному образному выражению, как кобра, встала в боевую стойку: «Да отстаньте вы от меня!» «Фигура» в ответ лишь пожала плечами, уступая дорогу.

Так ведь могли и разойтись на всю оставшуюся жизнь, даже не поняв, чего лишились! Но судьба к Татьяне Георгиевне, несмотря ни на что, была благосклонна и терпелива. Хоть и будет та (по своему Скорпионьему обычаю) изо всех сил сопротивляться, все равно предоставит ей второй шанс.

Стоял теплый октябрь — «золотой» сезон в Сочи. Там проходили съемки фильма «Косолапый друг». По набережной шла актриса Конюхова с тренером — дрессировщицей Ириной Польди и ее любимым карликовым тойтерьером Тортиком — две «дамы с

собачкой», как они себя шутливо называли, и пытались поддерживать вялый разговор ни о чем после длинной репетиции. Как вдруг впереди Татьяна увидела ожившую статую микеланджеловского Давида. Рост, пропорции, даже посадка головы были настолько похожи, что холодок пробежал между лопаток: она вдруг чего-то испугалась. Рядом с ним шел ее хороший знакомый и весело махал руками в знак приветствия. Тут же какая-то неведомая сила мгновенно развернула ее голову в сторону. Сделав вид, что ничего не видит, она равнодушно прошествовала мимо.

— *Хотя затылком чувствовала, что «Давид» не сводил с меня глаз. Несмотря на то, что рядом с ним была симпатичная девушка в бикини.*

Вечером в дверь ее номера постучали. На пороге стояли приятель с тем самым «Давидом». Они пригласили ее в ресторан. То ли потому, что в волосах «живописно» красовались бигуди, то ли из вьевшейся привычки делать все наперекор, она отказалась, несмотря на настойчивые просьбы.

На следующий день съемок не было. Татьяна стояла возле шатра цирка шапито и вполуха слушала Николая Эрдмана, по привычке галантно ухаживающего за молодой дамой. Не успел кавалер куда-то отлучиться, как из-под земли выросли вчерашние приятели. Один, на правах друга, ее расцеловал и познакомил со спутником: «Прошу любить и жаловать!», — и исчез, сославшись на какие-то дела. Едва «Давид», отрекомендованный как Владимир Кузнецов, попытался завести разговор, как наткнулся на неприязненный взгляд вернувшегося мэтра (Николай Робертович Эрдман — известный драматург, написавший сценарии ко многим фильмам, в том числе — «Веселые ребята», «Волга-Волга», «Смелые люди», «Город мастеров» и др. — *Прим. авт.*).

В шутливой пикировке с остроумцем Эрдманом Кузнецов, вряд ли знавший в тот момент, с кем имеет дело, оказался на высоте: «В Испании есть обычай. Если мужчина оставляет даму более чем на пять минут, его место занимает другой». Конюхова рассмеялась. Она не знала тогда, что новый знакомый готов был за это «место» чуть ли не сражаться. Потому что еще задолго до их встречи на вопрос приятеля, какие женщины ему нравятся, ответил: «Ну, такие как аристочка одна — Конюхова». И, встретив, наконец, материализовавшуюся мечту, был полон решимости своего шанса не упустить. Ради организации знакомства даже посулил их общему приятелю ту самую «девушку в бикини». Получилось, что не зря судьба забросила его в Сочи по пути с одних соревнований в Нальчике на другие — в Тбилиси.

Началась планомерная осада «крепости».

— *Я сказала ему: «Зачем я вам такая нужна?» Я казалась себе старой, уставшей от жизни. (Обоим в момент встречи было по тридцать лет. — Прим. авт.) Я замужем и со студенческих времен живу в коммуналке. Мне шипят в уши: «Что ж ты ничего получше не выбрала? Муж — микрофонищик...» Они считали, что он таскает кабель, а гений, оператор Урусевский, не мог снимать без Венгеровского. Это сейчас экономят на всем и «левой пяткой» пишут «черный» звук, который потом сопровождает фильм. А тогда в двенадцать ночи за Венгеровским приезжали, потому что многие не могли без него работать. Вот у меня «Ники» нет, а он имеет. Боречка очень хороший человек, замечательный, умница, из интеллигентной семьи, но я его разлюбила...*

Я параллельно снималась в нескольких картинах, зарабатывала по полторы-две тысячи... Тогда это были приличные деньги. Ремонт сделала, мебель купила, книги, — словом, дизайн, как в лучших по тем временам домах: «торшер, тахта, Ремарк»... Как-то от напряжения потеряла сознание на съемочной площадке. Вызвали врача. Он пришел в ужас от низкого давления. Привозят меня домой на «скорой», а мой муженек лежит, в руках томик Евтушенко, рядом тарелка с чашечкой — это мамочка ему завтрак в постельку подавала... Что-то во мне сломалось...

Так что по части «брака» у нее был довольно печальный опыт. И Татьяне казалось, что на личной жизни надо поставить крест, иначе — новая боль, новые разочарования.

А Владимир ответил ей неожиданное: «Думаю, вы должны выйти за меня замуж. Знаю,

что это не первый ваш брак, но, надеюсь, он будет последним». В тот момент он показался ей самонадеянным нахалом. Но очень симпатичным. И несколько таинственным, потому что на все вопросы о профессии отвечал весьма туманно «физкультурник». Вскоре выяснилось, что ему пора ехать в Тбилиси. В день его отъезда раздался стук в дверь, и посыльный втолкнул в номер Конюховой целую тележку с белыми хризантемами. Положа руку на сердце, Конюхова не могла не признать, что так красиво за ней еще никто не ухаживал. Но опять сработал дух противоречия: *«Немедленно уезжайте! Я не хочу пересудов. Ничего не хочу!..»*

Он уехал. А она почувствовала, что вокруг образовалась пустота... Татьяна никогда раньше не читала газету «Советский спорт», а тут неожиданно для себя купила свежий номер. И узнала, что краса и надежда отечественного спорта копьеметатель Владимир Кузнецов на соревнованиях сильно оплошал. Правда, выражения там были порезче, но Татьяна расстроилась не поэтому, а потому что поняла, что это произошло отчасти и по ее вине.

По дороге в родной Ленинград Владимир опять завернул в Сочи и вновь услышал «нет». Когда затих стук колес уносившего его поезда, Татьяна подумала: «Это все...» И ей так отчаянно НЕ захотелось жить дальше, потому что она поняла: с этим человеком из ее жизни исчезло что-то светлое, яркое и праздничное. Черными монашескими одеяниями окутали Татьяну безысходность и безразличие. Казалось, жизнь кончена...

Но плохо же она знала Владимира Кузнецова! Он не привык отступать от намеченного, видимо, в силу характера, проявившегося еще в детстве. Ему было десять лет, когда началась война. В это время он отдыхал в пионерлагере. Его, как и остальных детей, погрузили на баржи и, не заходя в Ленинград, отправили в эвакуацию. По дороге баржи сильно бомбили, и из трех отправившихся в путь уцелела только одна, на которой, по счастью, был Володя. Их увезли за Урал. Но он не захотел жить вдали от семьи и самостоятельно вернулся в блокадный Ленинград. По дороге мальчишка буквально прошел все круги ада: замерзал в буксовых ящиках под вагонами (дело было лютой зимой), обманывал бдительность военных патрулей и спустя месяц постучался в знакомую дверь. Мать, не сразу признавшая сына в закопченном, покрытом струпьями «скелете», потеряла сознание. Так он для всех воскрес, пережил блокаду, а потом учился, работал, занимался спортом и в двадцать один год стал Заслуженным мастером спорта.

Он был одним из сильнейших копьеметателей в мире, его отмечали все, но голову это ему не кружило. Он скромно называл себя «гладиатор спорта».

— Володя был участником четырех олимпиад. Но ни одной не выиграл, потому что был очень эмоциональным человеком: на тренировках и соревнованиях показывал высокие результаты, приближающиеся к мировым рекордам, а на олимпиадах значительно отставал от собственных достижений. А поскольку кроме спорта серьезно занимался наукой, то заинтересовался проблемой резервных возможностей человеческого организма. Изучал ее на собственном примере и на друзьях-спортсменах. Так стал родоначальником нового направления в науке — «антропомаксимологии».

Кузнецов вскоре опять приехал в Москву и позвонил ей с вокзала. Сердце кричало «да!», а разум повторял «нет!» В тот момент ей казалось, что чувство ответственности важнее всех остальных. Возможно, она даже упивалась своей мазохистской стойкостью... Но, положив трубку, почувствовала, как внутри будто что-то взорвалось, огненным смерчем сметая остатки благоразумия. Она помчалась на Ленинградский вокзал, изо всех сил надеясь, что он еще не уехал... И ведь он действительно не уехал. Они долго стояли на платформе, не в силах расцепить объятия. Обоим стало ясно, что начинается новая страница жизни. Татьяна позвонила домой и сказала мужу, что больше не придет.

Сначала их приютила подруга, потом они сняли комнату. Естественно, в коммуналке. У Татьяны Георгиевны даже стали периодически возникать «крамольные» мысли, что она словно по чьему-то приговору до самого конца будет отбывать «коммунальный срок». А ведь, сказать по правде, были случаи в ее жизни, когда все могло измениться волшебным

образом — только пожелай. Но

— *Я никогда ничего не просила...*

Даже если удобный случай подворачивался.

Однажды Конюхова получила приглашение в Кремль на какое-то комсомольское торжество. Но задержалась на съемках и пришла, когда черные лимузины уже один за другим развозили высокопоставленных гостей. Но ей так хотелось посмотреть на Георгиевский зал, что она под недоуменными взглядами охраны, предупредившей, что «все уже заканчивается», и под аккомпанемент звона бокалов и перестука вилок, доносящихся сверху, где был банкет, стала подниматься по лестнице. Вдруг ей навстречу «покатился» весьма известный партийно-комсомольский функционер в сопровождении высокого, с замкнутым лицом субъекта. Функционер восторженно завопил: «А вот и наша любимая актриса! Знакомся, — повернулся к спутнику, — Танечка Конюхова». Татьяна церемонно протянула ладошку «дощечкой»: «Здрасьте!»

«Сопровождающий» оказался первым секретарем ЦК комсомола одной из Прибалтийских республик. Потом повернулась к коротышке: «Простите, а вы кто?», тот поперхнулся от неожиданности. Потом долго и путано объяснял, на каком мероприятии их познакомили. Конюхова отмахнулась: «Да кого там только не бывает! Всех не упомнишь». Это уже был удар под дых!

«Колобок» (а это был Аджубей — всеильный зять Никиты Хрущева. — *Прим. авт.*) — побагровел, но сумел взять себя в руки. Мужчины увлекли Конюхову на банкет, проходивший в Георгиевском зале. После пары бокалов шампанского веселое настроение к нокаутированному Аджубею вернулось. Он, как это водится в их среде, легко перешел на «ты», покровительственно похлопывая девушку по плечу. Татьяна вскоре заторопилась. Функционер, возбужденно потирая руки и подмигивая, вызвался ее отвезти.

— Итак, сейчас едем...

— Домой! — отрезала актриса.

Ему ничего другого не оставалось, как посадить ее в автомобиль и спросить:

— Куда прикажете, принцесса?

— Плющиха, №...

— А что там у тебя за квартира?

— Я живу в коммуналке, — с вызовом ответила Конюхова.

Когда они подъехали к ее дому, спутник галантно помог выйти Конюховой из машины, приобнял за плечи и, глядя в глаза, спросил:

— А хочешь стать народной артисткой Советского Союза?

Татьяна стряхнула его руки и, не отводя взгляда, сказала легко:

— Нет! Знаете, я горжусь тем, что всего, что есть у меня в жизни, добилась собственным честным трудом.

Через какое-то время ей позвонили и пригласили прийти с документами в серьезное учреждение, чтобы сделать пропуск в Кремль.

— А для чего он мне? — недоумевала Конюхова.

— Вы будете вести правительственный новогодний концерт.

Она помчалась по указанному адресу, ворвалась в помещение чуть не плача.

— Почему меня даже не спросили?

Все открыли рты от изумления:

— Вы понимаете, что это честь?

— Какая честь? Меня с мужем разлучают, как при крепостном праве, а вы говорите «честь»! Он что же, один будет сидеть в Доме кино, а я — здесь? Какой же это будет для нас праздник?

Посоветовавшись, организаторы решили, что она проведет первое отделение, а после боя курантов ее отвезут к мужу.

— Тогда согласна.

— *Я вышла на сцену Георгиевского зала в черном с золотыми полосочками платье. Я*

была в полной силе: такая тоненькая из себя, с золотыми волосами («Мерилин Монро отдыхает», как сказали бы сегодня. — Прим. авт.) И вдруг смотрю: передо мной спины правителей! Столы там стояли буквой П, и партийные шишки оказались к сцене задом. Я стою и молчу. Постепенно шум от разговоров и столовых приборов стал стихать. Зал напряженно замер. Тут Ворошилов наклоняется к Хрущеву и что-то шепчет на ухо. Тот: «А-а!», — и разворачивается со стулом лицом к сцене. За ним остальные. Тогда я звенящим голосом: «Начинаем концерт...»

Откуда это у меня — не знаю!

Ломать и строить

В кино Конюхова всегда панически боялась тиражирования. От многих главных ролей отказывалась, цепляясь за любую возможность сломать сложившийся стереотип восприятия.

— И от «Карьеры Димы Горина» я отказывалась наотрез: опять бригадир, опять строим коммунизм, опять «болты в томате», как теперь говорят о наших фильмах... Я не относилась к этому цинично, а просто исходила из своих данных. Получается только разница в месте действия и орудиях производства... Мне казалось, что я исчерпала обаяние. Я думала, ну, сколько же можно на одной краске? Ну, опять крупный план, я опять буду смотреть влюбленными глазами, — но ведь это то же самое лицо! Это все уже было!.. А я стремилась к недостижимому, хотела совершенствовать себя в разных ролях, поэтому частенько и бросалась из одной крайности в другую!

Ей были интересны драматические роли, «с предысторией».

— Вот в фильме «Солнце светит всем» я совершенно другая. Я такую фантастическую биографию придумала этой женщине, провинциальной, слабой духом... Вообще, сценарий, как я его поняла, был гениальным: война прокатилась через жизнь и тех людей, кто был на фронте, и тех, кто оказался далеко от окопов, прошла через все семьи... Искалечила миллионы судеб. Моя героиня любит ослепшего мужа. По-своему желает ему добра, поэтому ее раздражает его упорство быть как все, стать учителем. Она понимает, что он ее не любит, и молча без проклятий и слез уходит. Силу ее чувства оценил и муж, и на прощанье говорит: «Прости». А она с такой мукой и понимаем в ответ: «Да, что ты, Коля!..» В этой истории нет правых и виноватых: всем трудно, всем больно...

Потом у меня появились такие работы, как в «Женитьбе Бальзаминова», где я — олицетворение тупости и полного идиотизма! «Пригвожденная к балалайке».

В приключенческом фильме «Таинственный монах» Конюхова играет роль умного и коварного врага. В 1968 году его посмотрели 37,6 миллионов зрителей, что вывело киноленту в число лидеров проката.

— После рождения сына я поняла, что наступил тупик. Отказалась от многих предложений, в том числе от «Вертикали». Сказала: «Да зачем вам Я нужна?» Я себя ощущала человеком, который переступил возрастной порог полудевушки-полуженщины. Я себя на сто процентов ощущала женщиной, внутренне перестроилась на другой характер, другое видение мира. И уже просто не могла играть разные там романтические увлечения.

Я тринадцать лет была без отпуска. Снималась из картины в картину. Ну, еще одна картина, ну тридцать шестая... А что меняется в моей творческой судьбе? Мне эти однообразные роли играть уже неинтересно. Сказала себе: «Стоп!» и поставила точку на кинематографе. Я решила: ведь есть же театр! А его я люблю до потери пульса! Так иди туда, играй, развивайся!

Так получилось, что театр сам пришел к ней.

— Я не ходила, не обивала порогов.

Как-то она пришла на спектакль Малого театра «Власть тьмы». Оказывается, за сценой ее появление вызвало целый переполох: «Конюхова! В зале Конюхова!»

— Я даже не могла себе представить, что мое присутствие в зале произведет такое впечатление на актеров Малого Академического театра! Это был 1959 год. Вот так тогда

воспринимали киноактеров. Театры в то время находились в жутком состоянии, в загоне, «играли идеологическую роль» и были прислужниками партии... Но что-то уже стало меняться: Питер Брук приезжал с «Гамлетом», привозили «Порги и Бесс», Леонард Бернштейн приезжал со своим оркестром... Это было лучшее из лучшего — экстра-класс!

Можете себе представить, как это воспринималось нашими изголодавшимися зрителями!..

На следующий день после посещения театра в «персонажной» гримерной «Мосфильма» она оказалась рядом со смутно знакомым «молодым крепеньким мужичком». И узнала в нем одного из персонажей спектакля, виденного накануне. Тот говорит: «А вы вчера были у нас в театре. Ну, и как вам спектакль?»

— А я ведь врать не умею, и пошла-поехала!.. «Правду, правду и ничего кроме правды». Все разложила по косточкам: сказала, что мне понравилась, что не понравилось. Он помолчал, а потом говорит: «Спасибо. А вы что, любите театр?» «Да! Я в кино попала по невежеству», — отвечаю. Он ошалел: «Как вы можете так говорить? Вам кинематограф дал...» — «Да, мне кинематограф дал все: я полмира видела и письма получаю мешками, но театр люблю больше. Оказывается, я должна была быть в театре, но поздно это поняла, — я теперь, к сожалению, киноартистка».

И все. Ну, выплеснула наболевшее — и постаралась об этом разговоре забыть. Но через несколько дней у нее дома зазвонил телефон, и ее пригласили в Малый театр. Для разговора.

— Меня пригласили на Нину в «Маскарад». Спектакль должен был ставить Николай Охлопков. Но постановка не состоялась. Потом я сыграла Сашу в «Иванове». На меня делали большую ставку, но я ушла по собственному решению.

Решение это далось нелегко, но смириться с несправедливостью Татьяна Георгиевна не смогла. Поскольку она играла в нескольких спектаклях в очередь с другими актрисами, то позвонила накануне с вопросом, нужна ли назавтра. Ей ответили: нет, играет другая. И Конюхова отправилась по своим делам. А оказывается, именно она должна была выйти на сцену. Получилась то ли накладка, то ли, как сказали бы сегодня, это была «подстава»... Ей устроили страшный разнос. Она видела перед собой побелевшее лицо дежурного режиссера и его умоляющий взгляд и ответила, что не помнит, с кем разговаривала. Тогда спасенная от заслуженной кары с торжеством обернулась к Цареву: «Я же говорила, что она не звонила!» По виду Конюховой, потерявшей дар речи, мудрый Михаил Иванович догадался, что здесь что-то не так, стал утешать актрису, обещая выговор «для проформы», но Татьяну Георгиевну уже захлестнула обида. Как оставаться в этом коллективе, она не представляла и вывела твердой рукой: «Прошу уволить...»

И тогда в ее жизнь почти на сорок лет вошел Театр-студия киноактера. В 50—60-е он заявлял о себе интересными постановками, в нем не только числились, но и играли многие звезды. Для одних это был только тренинг перед новой работой в кино, а для таких, как Конюхова, это был целый мир, родной мир.

— Я — труженица, я — крестьянка. Люблю «пахать». Я всегда думала: почему больше всего на свете люблю репетиции? Всегда неслась на них. В театре говорили: «Таня приходит на репетицию всегда с улыбкой до ушей, и кидается в нее так, словно выступает на Олимпийских играх». А я очень люблю пробовать, импровизировать...

В Театре киноактера Татьяна Конюхова играла во многих спектаклях. В 1978 году на мюзикл «Дурочка» по пьесе Лопе де Вега с ее участием сбегалась вся Москва. Много лестных слов знаменитостей, посмотревших спектакль, хранят подаренные ей программки. «Каждый осенний вечер» Пейчева, «Чудо» Метерлинка, «День приезда — день отъезда» Черных, «Комедия ошибок» Шекспира, «Восемь женщин» Тома, «Ссуда на брак» Воинова, «Да здравствуют дамы!» Нушича, «Праздник непослушания» Михалкова, «Бесь» Достоевского... Названия говорят о том, насколько расширился, — как об этом и мечталось, — жанровый репертуар актрисы. Она искала, пробовала и получала истинное удовольствие от работы.

— Существуют в мире какие-то определенные законы, впрочем, все записанные в

Библии. Но дальше «не убий», «не укради» и «почитай родителей» многие ничего не знают. Есть неизблемые определения существования на земле: прежде всего человек должен предъявлять требования к себе. Это называется в Библии — совершенствуй себя. Я всегда спорю со всеми в определении актерства как грешной профессии. Почему? Ведь скульптор создает из гипса или металла, живописец творит на холсте — и это называется искусством. Музыкант из скрипочки извлекает божественные звуки... А актер рождает произведение искусства посредством собственного тела, голоса, таланта... Распахивает душу и отдает ее людям... Так что же в этом грешного?

За театр судьбе от Конюховой — отдельное спасибо, а вот с кино все обстояло иначе: почти за двадцать лет у нее не случилось ни одной крупной или интересной роли. В принципе, Татьяна Конюхова оказалась в положении многих звезд советского кино, которых время затягивало в зыбучие пески забвения. Именно тогда, когда были и силы и желание работать, когда годы уже отточили мастерство, расцвели палитру актерских красок...

Почему так происходит? Татьяна Георгиевна, естественно, тоже задумывалась над этими непростыми вопросами.

— У нас часто спрашивают молодые журналисты: «Вам, наверное, тяжело жилось при Советской власти? Вам трудно было пробиваться?..» Да чушь собачья! Так же, как и в Голливуде, как везде... Потому что в нашей профессии все решает «господин случай», вкус человека, который набирает курс либо собирается снимать фильм... Его взгляды на искусство. Вот Мейерхольд придумал «систему пяти пунктов», по которым считал, может ли человек стать артистом, тем более счастливым артистом. Это когда с его требованиями совпадали психофизические данные актера, вплоть до тембра голоса. Плюс — непременно! — наличие обаяния. Это мистическое понятие: что-то, обволакивающее другого человека, затягивающее его в себя, заставляющее соперничать.

За рубежом продюсеру ясно, что это — талант, и в него надо вкладывать деньги. Зритель голосует за него своим долларом. И если там человек добился успеха, то он на гребне, никто его оттуда не вышибет, если он сам ни погубит свою жизнь или не прекратит...

Трагические судьбы есть везде, они были и будут... Сменился стиль танцев, — и Фред Астор остался не у дел. Как и Элвис Пресли, который, кстати сказать, мечтал в кино сыграть Пушкина. Свидетель этому мой муж, который оказался в Лос-Анджелесе на приеме у Грегори Пека и увидел там Пресли. Тот узнал, что будут русские спортсмены, пришел проверить, примут ли они его за «Пушкина» или нет. И только мой муж это заметил, потому что был мужем актрисы.

А у нас — будь ты хоть семи пядей во лбу!.. Я могу это на своей жизни продемонстрировать, но на чужой даже ярче: именем этой звезды названа планета — Нонна Викторовна Мордюкова!.. А сколько ролей, написанных словно на нее, она не сыграла?..

Как это калечит актерские судьбы! Иногда даже отнимает жизни. От обиды и безысходности заставляет глушить себя алкоголем или наркотиками.

У Татьяны Георгиевны были поводы горевать над проблемами в искусстве, но хотя бы сложилась супружеская жизнь: целых двадцать семь лет счастья! Далеко не идиллического и не безоблачного, поскольку оба обладали характерами сильными и взрывными. Владимир Васильевич защитил две диссертации, стал профессором, человеком известным и весьма уважаемым. Но тем, кто видел его во гневе, становилось дурно: взъерошенные волосы, разбросанные по квартире вещи, звериный рык: «Где?» Только жена проницательно догадывалась, что речь в тот момент могла идти о кусочке бумажки с записанным телефоном. Она мгновенно выуживала из вселенского хаоса искомый обрывок, и муж восторженно чмокал ее в щеку: «Ты — мое чудо! И что бы я без тебя делал?»

Но она еще не знала, что где-то из невидимых песочных часов уже высыпались последние песчинки их счастья...

— Я всегда много читала и как-то встретила поразившие меня слова Циолковского:

«Вы думаете, это скопление облаков на небе? Водяные пары? Это души летают»... Я в этом убедилась. Мы как-то шли с сестрой по полю. Надвигалась страшная гроза, поэтому я все время поглядывала на небо. И вдруг как закричу: «Смотри: голова!» Я только не произнесла, что это голова моего мужа. Ну, просто как тень от скульптуры. Сестра отмахнулась: «Да ну тебя с твоей мистикой!» Прошел год, и мужа не стало: сгорел, как свечка, от какого-то ураганного рака. Он всю жизнь не пил и не курил, занимался спортом, а 13 апреля упал и 29 августа 1986 года его не стало. Ему было всего пятьдесят пять.

Когда Володи не стало, я безумно много курила, ночами не спала. Как только закрывала глаза, у меня такие жернова ворочались в голове!.. Я физически ощущала, как мысли сплетаются в клубок колючей проволоки... Я обложилась газетами, журналами, книжками по философии. Читала, чтобы только не думать... Это врач его убил: сказал в открытую, что у него рак. А ему нельзя было это говорить! Через двадцать минут у Володи была клиническая смерть: он ахнул головой об стенку, и произошло сотрясение мозга. И мужа парализовало у меня на глазах. Двадцать минут назад лежал человек с синими глазами, смотрел на меня, верил, что все будет хорошо... Даже пошел на поправку, а тут в одночасье...

Татьяна Георгиевна очень тяжело переживала смерть супруга. Свою большую квартиру на Васильевской, что по соседству с Домом кино, всю перестроенную по своему вкусу (с опережающей время идеей встроенной мебели), оставила семье сына. Сама же перебралась в небольшую двухкомнатную на окраине Москвы, на Крылатских Холмах. В ней царит Память. В виде разноцветных длинных копий, которые когда-то метал муж, фотографиях «Давида» на стенах и его спортивных трофеях на полках... Рядом с которыми фото любимой внучки, красавицы Олечки, у которой — в бабушку — отличные показатели в учебе и спорте. Все же великая вещь — хорошие гены!

И хотя Татьяна Георгиевна сегодня снимается редко, она продолжает работать и живет активной, напряженной общественной жизнью. Учит детей актерскому мастерству в Академии детского творчества. В качестве почетного гостя или члена жюри участвует в кинофестивалях, часто зовут ее на встречи со зрителями. Организаторы «Киношока» как-то пригласили в программу «Великие и неповторимые».

— Я иронически относилась к этому названию, никогда на эти встречи не ходила. Читаю программу: ну, сокурсники, с кем я когда-то снималась, — не рановато ли их так?

Пригласили многих актеров, которых жизнь «прикатала» каточком. Хорошо, что кто-то выжил — было больше сил, а ведь кто-то не дождался своего часа — умер... Я стою, и меня лихорадит: как уложить свою жизнь в отпущенные семь с половиной минут? Это все равно что весь опыт, всю громаду ощущений воткнуть в замочную скважину!..

Когда выходишь на зал — это как коррида с быком. Я вылетела и — как, откуда это пришло? — сразу начала: «Стою, а надо мною такой нимб: „Великие и неповторимые“». Даже, поверьте, между лопаток пробегают иголки от ужаса... Жизнь прожить — не поле перейти. Все было: и радостное и горестное, и болезни и большая любовь... Я уверена, что в любом возрасте нельзя сдаваться, надо жить полнокровной жизнью»...

А про себя подумала: я именно так и жила. Так и живу, хотя после смерти Володи ни на какие предложения противоположного пола не реагирую: не смогу начать с нуля.

Память — это большая часть меня, поэтому я обязательно должна написать книгу. Не о себе. А о потрясающе красивом и талантливом человеке — Владимире Кузнецове. Единственном и неповторимом.

Конюхова Татьяна Георгиевна

Родилась в Ташкенте 12 ноября 1931 года.

Закончила ВГИК (1955, мастерская Б. Бибикова и О. Пыжовой).

В 1956–1992 — актриса Театра-студии киноактера. Заслуженная артистка РСФСР (1964).

Народная артистка России (1990).

Награждена орденом «Знак Почета», медалями «За доблестный труд в ознаменование 100-летия В. И. Ленина», «В память 850-летия г. Москвы», «Ветеран труда», знаками «За отличную военно-шефскую работу», «Отличник кинематографии СССР», а также Золотым орденом ГДР за участие в общественной жизни общества ГДР — СССР.

С 1964 г. являлась членом Комитета по Ленинским премиям в области литературы и искусства, а с 1969 г. — членом Центрального комитета профсоюза работников культуры.

Снималась в фильмах:

1952 — Майская ночь, или Утопленница

1953 — Судьба Марины

1954 — Запасной игрок

1955 — Вольница

— Доброе утро

1956 — Первые радости

— Необыкновенное лето

— Разные судьбы

1957 — Гори, моя звезда

1958 — Над Тиссой

— Олеко Дундич

1959 — Заре навстречу

— Косолапый друг

— Солнце светит всем

1960 — Время летних отпусков

1961 — Карьера Димы Горина

1962 — Бей, барабан!

— Как я был самостоятельным

1963 — Над пустыней небо

1964 — Женидьба Бальзамина

— Ты не один

— Казнены на рассвете

1966 — Выстрел

1967 — Лунные ночи

— Звезды и солдаты

1968 — Таинственный монах

1970 — Крутой горизонт

— Один из нас 1972 — Тайна предков

1972 — Хроника ночи

1974 — Еще не вечер

1976 — Только вдвоем

1979 — Москва слезам не верит

— С любовью пополам

1981 — Портрет жены художника

1983 — Нежданно-негаданно

— Счастливая, Женька!

1984 — Радуница

1986 — На золотом крыльце сидели

1987 — Ссуда на брак

1988 — Щенок 1990 — Все впереди

1995 — Тихий ангел пролетел.

2002 — Удар Лотоса-2: Сладкая горечь полыни

2005 — Даша Васильева-4. Любительница частного сыска: Приведение в кроссовках

(ТВ)

- Даша Васильева-4. Любительница частного сыска: Домик тетушки лжи (ТВ)
- 2006 — Последний приказ Генерала
- 2007 — Трое с площади Карронад
- Ностальгия по будущему
- 2008 — Долгожданная любовь
- Спящий и красавица
- 2009 — Доктор Смерть (ТВ)
- 2010 — Золотая рыбка в городе N

Татьяна Конюхова,
кадр из фильма «Вольница» (1955 г.)

С Георгием Юматовым на съемках
фильма «Разные судьбы» (1956 г.)

Татьяна Конюхова

Алла Ларионова: царица бала

— *Ми-ла-я...* — плавно скользил по волнам тягучий напев цыганского хора.
— *Ты услышь меня...*
— *Милая,* — негромко повторял своим низким, с хрипотцой голосом Михаил Жаров. И, пряча лицо от камеры, жарко шептал: «Как ты похожа на Люську (Людмилу Целиковскую, его бывшую жену. — Прим. авт.), шельма!»

Алла и Люся

Аллочка, как практически все ее сверстницы (кстати сказать, вместе со всей огромной страной) обожала актрису Людмилу Целиковскую, по многу раз бегала смотреть каждый фильм с ее участием. Даже картины о войне («Воздушный извозчик», «Беспокойное хозяйство»), в которых та играла, были веселыми, светлыми, жизнеутверждающими. В 40-е годы на эту актрису была мода: женщины завивали волосы «под Целиковскую», носили такие же, как у нее, белые панамки и черные расклешенные платья в крупный горох. Поэтому Аллочке всегда очень льстило, если ее сравнивали с кумиром.

Много лет спустя они с Целиковской окажутся вместе в составе советской делегации в Париже, и произойдет их личное знакомство. Несмотря на значительную разницу в возрасте, Ларионова, как и самые близкие, друзья и приятели звезды 40-х — 50-х годов, станет звать ее любовно Люсей.

В 1992 году, когда Людмила Целиковская была уже тяжело больна и не могла выехать с родным Театром им. Вахтангова на гастроли в Америку, Вячеславу Шалевичу пришла в голову идея воспользоваться ее сходством с Ларионовой. И он стал уговаривать Аллу Дмитриевну войти в спектакль «Коварство, деньги и любовь». Это был, по сути, бенефисный спектакль, в котором Людмила Васильевна блистала: пела, танцевала и в трех новеллах по рассказам Михаила Зощенко играла разнохарактерные роли. Алла Дмитриевна от предложения долго отказывалась, но не в силу капризного характера, а потому что сама никогда на сцене не играла. Даже в Театре киноактера, к которому была долгое время «приписана». Но, пожалуй, главным мотивом упорного «нет» были этические соображения: уж ей ли не знать, как ранимы актеры, ценою каких душевных мук они платят за чье-то волевое решение о замене... А Ларионова всегда была человеком очень деликатным. Но когда Целиковская узнала, кому предлагают ее роль, то с легкой душой благословила Аллу Дмитриевну. С той поры та стала истово работать, «с листа» постигая сложную сценическую «партию».

Она долго отказывалась петь — барьером была извечно жесткая самооценка. Ларионова считала, что не стоит выносить на люди многое из того, что она делала «для себя». Но ее уговорили. Как вспоминают ее коллеги-артисты, у Ларионовой оказался красивый грудной, с приятной хрипотцой голос. И потрясающее трудолюбие. Это был сложный год в ее жизни, и она пыталась в работе забыться, отвлечься, чтобы не возвращаться мыслями вновь и вновь к своей утрате.

Анна навсегда

Чеховская Анна чувствовала себя птицей, вырвавшейся из клетки. Она купалась в лучах восторгов, комплиментов, обожания. Всесильный «Его сиятельство» после ее фурора на балу наносил им визиты с букетиками изящных пармских фиалок, а богач Артынов дарил корзины цветов и швырялся деньгами, стремясь доставить ей удовольствие: «Царица! Царица!» Раскрасневшаяся Анна в ответ шутливо грозила пальчиком, и светлые кудряшки, обрамляющие лицо, задорно прыгали в такт переливам смеха.

Из-за брака пленки сцену катания на лодках переснимали поздней осенью. Было холодно и ветрено, но Алла в своем открытом светлом платье отчего-то не мерзла. Наверное, тот пожар, что бушевал у нее внутри, и заставлял бурлить молодую кровь, мог обогреть полмира. Ей было от чего радоваться: она красива, с первой же роли в фильме «Садко» известна, живет в атмосфере всеобщей влюбленности. Вот и у Жарова в глазах прыгают веселые чертики, часто подначивающие мужчин на безрассудные поступки.

Когда-то давно, в детстве, словно в другой жизни, она случайно столкнулась с ним в фойе кинотеатра, куда они с подружкой пришли полюбоваться на своих кумиров. Михаил Иванович погладил ее по голове: «Прости, деточка, если ушиб»... Пройдет совсем немного времени, и вовсе не чеховский Артынов придуманную Анну, а ее, Аллочку, САМ Жаров назовет «царицей бала»!

А Александр Вертинский — живая легенда! — неповторимо грассируя, будет говорить ей комплименты, церемонно целовать ручку и называть «кгасоткой». По-началу-то она страшно робела в его присутствии. Величественный Александр Николаевич виделся ей небожителем или существом с другой планеты. Правда, в детстве она не была поклонницей его поэтического дара и необычной манеры исполнения, — если честно, она его творчество совершенно не знала. Как и миллионы советских людей. Потому что Вертинский не укладывался в рамки «советской песни», а потому — оставался в практической массовой безвестности за пределами этих «рамок». Это был «штучный экземпляр», уникальный. Со временем Алла Дмитриевна это поняла.

Поначалу Вертинский был с молодой актрисой сдержанно-холоден. Как выяснилось впоследствии, ему хотелось видеть в этой роли другую актрису, свою протеже. Но вот он раз-другой появился на съемочной площадке, наблюдая, как работает Ларионова. Понаблюдая, как она несколько дублей подряд в легкой рубашке с оборочками потягивалась в постели (а снимали, между прочим, зимой в неотапливаемом павильоне, где вся съемочная группа была в шапках и теплых пальто)... И кардинально изменил к ней отношение. Стал приглашать ее в рестораны, тонко и ненавязчиво помогал постигать премудрости поведения «под прожекторами» сотен глаз. Эта наука очень пригодилась Алле Дмитриевне в жизни, и потом она всегда вспоминала Вертинского с особым пиететом.

И хотя шестидесятипятилетний поэт был всего на десять лет старше Жарова, Ларионовой казалось, что между ним и всеми остальными лежала целая пропасть во времени и житейской мудрости. Но это лишь на первый взгляд. Александр Николаевич был со всеми очень приветлив, любил собирать вокруг себя молодежь, чтобы за рюмочкой любимого коньяка часами рассказывать истории из своей богатой необычайными событиями жизни, о своих странствиях по миру. Он изысканно и старомодно оказывал молодой актрисе знаки внимания.

Только он, последний из рыцарей Серебряного века, мог позволить себе поступки без оглядки на ханжескую советскую мораль и суровость общественного мнения, такие, как корзины белой сирени во вьюжном феврале на день рождения Аллочки. Старомодные и милые поздравления с праздниками. Необычный для той поры наказ обязательно покрестить новорожденную Аленку. И предложение своей кандидатуры в качестве крестного. И посвящение ей стихотворения, за автограф на котором впоследствии Алле Дмитриевне, как говорят, предлагали десять тысяч долларов, — деньги ох, какие немалые при ее тогдашней небогатой жизни. Но она не соблазнилась, поскольку оно предназначалось только ей, а значит, хоть и прошло столько времени, могло быть неприятно вдове С «Грустного Пьеро». Ведь при всем при том, что жизнь ее была немало, Алла Ларионова душой не очерствела и до конца оставалась деликатным и тонким человеком. За это ее так и любили, прощая маленькие слабости и до последних дней называя ласково «Аллочкой».

Многое из памятных знаков внимания Вертинского у нее пропало, как и его письма. Но подаренная им фотография с двумя грустными строчками *«Артисты — это Боги! А Боги всегда одиноки»* — сохранилась.

После их единственной совместной работы в кино судьба не раз будет посылать им случайные встречи, оставляющие в душе актрисы радостную память от общения.

Исидора Анненского, поставившего в 1953 году «Анну на шее», долго и больно пинала критика за «облегченность», даже некую «водевильность», за отступления от первоисточника, за то, что в фильме «больше Островского, чем Чехова» и т. п. А мэтр отечественного киноведения Ростислав Юренев категорично заявил: «„Анна на шее“ — неудачная экранизация Чехова».

Были неизбежные идеологические придирки и к актрисе, которая «иначе расставила акценты в роли». Но зритель полюбил фильм сразу и навсегда. Теперь-то мы знаем, насколько достоверна была в те годы статистика кинопроката, по идейным соображениям производящая вечные «вычитания» из показателей просмотров одних лент и «сложения» с другими. Но даже она ничего не могла поделать, сухо констатируя, что в 1954 году «Анну

на шее» посмотрели 39,4 миллиона зрителей, выведя картину в число лидеров проката (4-е место), а актрису Аллу Ларионову сделав звездой отечественного кино. Она не получила за свою самую звездную роль никаких официальных наград, но приобрела нечто большее — любовь миллионов. Отныне и во веки веков!

Двадцатидвухлетняя Аллочка тогда и подумать не могла, что фильм «Анна на шее» станет ее пропуском в историю мирового кино и в бессмертие. Это был ее звездный час, который случается раз в жизни, когда все получается, когда тебя все любят, и ты любишь весь мир!

В творческой биографии актрисы это была четвертая по счету картина. Их будет много: удачных и не очень, с главными ролями и эпизодами, но эта восьмидесятисемиминутная лента не просто принесет ей всемирную известность, а поставит в народной памяти в один ряд с блестящими актерами и великими личностями кино.

Даже много лет спустя на творческие встречи Алла Дмитриевна всегда брала ролик из этого фильма. И вновь под воздушную музыку Льва Щварца белокурая голубоглазая красавица с изящной талией в разлетающемся оборками платье кружилась в вихре вальса... И всегда зал взрывался аплодисментами. А потом она входила на сцену, и никто не замечал седины в ее волосах, изменившейся фигуры и морщин, — они рукоплескали ей той, прежней. Вернее, видели сквозь футляр старости ее неувядаемую царственную красоту. Зрители ее любили всю жизнь, не забывали, хотя за последние три десятка лет она снялась всего в семи фильмах.

Она никогда не делала пластических операций и вслед за великой Анной Маньяни с полным правом могла сказать: «Не скрывайте моих морщин: я заплатила за них дорогую цену».

Девочка с Разгуляя

Не странно ли, — хотя, возможно, в этом есть своя закономерность? — среди звезд нашего экрана очень мало столичных жителей. А вот Алла Ларионова родилась в Москве и жила с родителями в самом ее центре на Спартаковской улице, как раз напротив Елоховского собора. Происходила из вполне обеспеченной семьи: папа работал в пищеторге, мама — в детском саду. И не знала особых проблем, живя в атмосфере достатка, любви и заботы, пока не началась война и не пришлось им с мамой и братом ехать в эвакуацию. Мама стала работать санитаркой в мезелинском госпитале. Аллочка помогала, чем могла, и частенько «выступала» перед ранеными. Они ее хвалили, угощали хлебом и сахаром из скудного пайка и дружно предрекали карьеру артистки. Девочка сроднилась с этой мыслью и в своей дальнейшей судьбе была уверена.

Словно подтверждая это, Кино само пришло к ней, разглядев в белокурой кудрявой девчужке, гуляющей по бульвару, свою будущую звезду. Ее пригласили на «Мосфильм». Она росла и взрослела, менялись ее героини. Да, это были всего лишь эпизоды (как, к примеру, у Юлия Райзмана в фильме «Поезд идет на восток»). Но, тем не менее, это были шаги к заветной мечте. Сниматься ей приходилось в основном по ночам, а днем отсыпаться, — какая уж тут школа!.. Все время и все ее мысли занимало кино.

В 1948 году Алла с грехом пополам окончила школу и решила попробовать поступить в ГИТИС. Курс набирал Андрей Гончаров. Он иронично-вопросительно поглядывал: «Ну-ну?» От волнения она сбилась, начала стихотворение сначала, но с ужасом поняла, что забыла текст. С приговором: «В ваши годы надо память получше иметь, иначе как будете запоминать роль?» — Гончаров отправил ее вон.

Алла расстроилась, но решила не сдаваться, подала документы во ВГИК и предстала пред грозные очи приемной комиссии. Таланты в свою мастерскую в тот год искали Сергей Герасимов и Тамара Макарова. Алла смотрела на звезду кино влюбленными глазами. Какое счастье было бы учиться у нее! Она старалась изо всех сил, но не поступила, потому что категорически не понравилась Сергею Аполлинариевичу.

Она рыдала так, хороня разбитые мечты, что могла растопить даже каменное сердце. Тамара Федоровна дрогнула, стала терпеливо и настойчиво уговаривать мужа ее взять: «Ты посмотри, какая хорошенькая!.. Какие глазки!.. В ней что-то есть...» Тот нехотя уступил просьбам супруги, но к студентке относился более чем прохладно, и никогда в своих фильмах не снимал. Правда, когда ту пригласил в свою картину «Садко» режиссер Александр Птушко, отпустил ее «на сторону» тоже довольно неохотно. В тот раз опять своей протееже помогла Макарова.

Входной билет в мир кино

Небольшая по объему роль Любавы, невесты Садко, сразу сделала Ларионову известной, став для нее входным билетом в мир большого кино. Впервые в составе советской делегации она оказалась за границей, представляя в 1953 году киносказку «Садко» на Венецианском кинофестивале. Важен был не столько факт, что фильм получил Серебряного Льва, сколько то, что весь мир из-под приподнявшегося «железного занавеса» увидел, что в СССР есть не только неплохие картины, но и красивые актрисы. Фотографиями Ларионовой запестрили газеты и журналы, о ней взхлеб писали, как о «русском чуде», несколько пафосно описывая «солнце Венеции в волосах Аллы». А ведь она была далека от мирового «стандарта» кинозвезды, но лучистые голубые глаза, обаятельная улыбка, особая аура чистоты и искренности, исходившая от нее, мгновенно располагали к себе.

Сама же студентка Ларионова, впервые оказавшаяся в стране «загнивающего капитализма», помня, чем их стращали на занятиях научного коммунизма, испытала настоящий шок от увиденного. От красоты древнего города, раскованности и общительности итальянцев, нарядной одежды на людях, роскоши витрин больших магазинов, вида и вкуса незнакомых продуктов, которыми их угощали на приемах. Она даже расплакалась от обиды и зависти к горничной в гостинице, на которой были капроновые чулки — недостижимая мечта большинства советских женщин.

В шитом в авральном порядке «казенном» платье (из того же белого материала, что и у двух других актрис, участниц делегации), запуганная предварительной идеологической обработкой, Ларионова была просто раздавлена окружающей роскошью и царящим вокруг ярким праздником жизни. Она казалась себе Золушкой, подглядывающей в щелку ставни за королевским балом.

Но как по мановению волшебной палочки все переменялось. Почувявшие золотую жилу «акулы» мирового кинобизнеса наперебой стали приглашать ее сниматься. Даже в Голливуд. Поговаривали, что ею заинтересовался сам Чарли Чаплин!..

Представители Госкино, сопровождавшие делегацию, сурово парировали, мол, нам и самим такие нужны, и что на ближайшее десятилетие творческая жизнь актрисы расписана чуть не по минутам. Видимо, все же произведенный Ларионовой фурор стал для наших чиновников уроком: по возвращению домой ей сообщили об утверждении на главную роль в фильме «Анна на шее». Ее радость ничто не могло омрачить, даже начальственное замечание о немедленном возврате «прокатного» платья. У Ларионовой уже появилось ИМЯ. И непоколебимая уверенность, что слова чиновника о ее занятости на долгие годы — правда.

Словно в подтверждение этого сразу по завершении фильма «Анна на шее» режиссер Ян Фрид пригласил ее на роль Оливии в фильм «Двенадцатая ночь» — экранизацию комедии Шекспира. Неожиданно в павильон, где проходили пробы, зашел тогдашний министр культуры Александров, застыл как вкопанный, сраженный ее красотой, и простоял все время, пока она работала в кадре. Потом актрису стали приглашать на приемы в министерство культуры. И хотя, как говорила сама Алла Дмитриевна, никаких намеков на интим от министра не поступало, с чьей-то «легкой руки» их имена все чаще стали упоминаться рядом.

О похождениях любвеобильного высокого чиновника ходило множество слухов. Товарищи по партии предпочитали этого не замечать, потому что у многих, — ну, может, не

в такой степени, — тоже «рыльце было в пушку». Когда же статья об Александрове с красноречивым заголовком «Так живут советские коммунисты» появилась в одной из зарубежных газет, партийному руководству страны пришлось отреагировать: министра сняли с работы, выгнали из партии и разослали в первичные организации секретное письмо, в котором говорилось о моральном разложении коммуниста Александрова. Ну, раз письмо было секретным, то сразу поползли самые невообразимые слухи. «Говорят, что ванны из шампанского любил принимать „главный по культуре“»... «А еще говорят, что в компании хорошеньких женщин»... «Слышали?! — сама Алла Ларионова участвовала в его оргиях...»

Эти сплетни чуть не подкосили молодую актрису. На Ларионовой словно негласно поставили крест: перестали снимать, приглашать в состав делегаций за рубеж... Тогда она решилась на отчаянный шаг: написала письмо новому министру культуры Михайлову, в котором просила оградить ее, «комсомолку, воспитанную на принципах советской морали, от клеветы». Надо отдать должное новому руководителю: он ответственно и серьезно подошел к этому вопросу, лично во всем разобрался и сделал все, чтобы гнусные обвинения против актрисы были публично сняты. Через несколько дней в «Правде» появилась заметка «Ответный визит во Францию», и в составе советской делегации значилась фамилия Ларионовой.

А там — опять фурор! Она покорила сердца французов. На шумном обеде в ресторане кумир женщин Жерар Филипп говорил ей комплименты, и на меню написал «очаровательной блондинке в голубом» очень лестные слова. Это отогрело душу, придало новые силы.

Увлечения, романы, любовь

Женщина должна нравиться — это аксиома. Для того чтобы не терять связь с окружающим миром, веру в себя. Актрисе это необходимо вдвойне!

Алла всегда нравилась: мужчинам — за красоту и притягательное обаяние, женщинам — за порядочность, умение дружить, хранить чужие тайны. Поэтому так много у нее всегда было друзей-приятелей и восторженных верных почитателей. Правда, завистников тоже всегда хватало.

В институте Аллочка была в центре внимания: веселая, заводная, общительная. Жила в окружении флера влюбленности, женской зависти и обид отвергнутых кавалеров. Видимо, ничего серьезного тогда она не переживала: так, легкие увлечения. Потому как, замерзнув от прогулок на морозе, могла запросто забежать к подруге, чтобы чайку попить и погреться, безжалостно оставляя очередного спутника у подъезда выбивать зубами дробь...

Разговоров и сплетен вокруг нее всегда было много: и при жизни, и после смерти. Что ж, это обычные попутчики таланта и успешности.

Много самых разнообразных историй рассказывают о ее взаимоотношениях с сокурсником Николаем Рыбниковым. Что в них правда, что нет — уже не разберешь... Как рассказывала она сама, вначале у них были чисто товарищеские отношения. Тем более что Николай в то время был влюблен в другую сокурсницу и жил с ней гражданским браком. А вот Алла на третьем курсе по нему какое-то время страдала. Ее ближайшая в те годы подруга Нина Гребешкова вспоминает:

— Как-то Алла зашла ко мне в гости. У нее в лице была какая-то обреченность. Я спрашиваю, что случилось. А она с такой мукой и безысходностью в голосе отвечает: «Я влюбилась в Колю».

Она ничего не делала, чтобы ему понравиться и разбить отношения с соперницей, а ломала себя, выжигая чувство... И «перегорела». А на четвертом курсе вдруг Рыбников обратил на нее серьезное внимание, но Алла была увлечена другим. Прямо как в басне про Цаплю и Журавля. Рыбников приходил в дом к Алле, а ее частенько уносил вихрь увлечений. Так порой и коротал время с ее родителями, которые ему очень симпатизировали.

На своей первой картине «Садко» Ларионова встретила с красавцем Иваном Переверзевым. Он не только был известным артистом, — о нем ходила дурная слава, как об опытным донжуане. В 1956 году, когда они вместе снимались в Минске в фильме «Полесская легенда», молодая красавица попала в расставленные сети. Они стали жить вместе. Алла не сразу поняла, что беременна. Это известие повергло Переверзева в ужас: он быстренько собрал свои вещички и в который раз вернулся к жене, актрисе Надежде Чередниченко, оставив Аллочку в совершенной растерянности.

В это время Николай Рыбников снимался в фильме «Высота». Все эти годы он внимательно следил за судьбой Ларионовой, поэтому через общих знакомых сразу узнал, в каком отчаянном положении она оказалась. Не говоря никому из съемочной группы ни слова, он сорвался накануне Нового года, поехал в Минск и сходу сделал предложение. Ларионова просто не смогла устоять перед его напором. Так же, как и служащие местного ЗАГСа, которые ради любимого артиста, после «Весны на Заречной улице» и «Чужой родни» ставшего всеобщим кумиром, нарушили все инструкции и расписали их с Ларионовой 2 января 1957 года.

Когда Рыбников вернулся на съемки, его ждал страшный скандал и обещание «оргвыводов». «Ну что вы так переполошились? — невозмутимо заявил актер. — Вот вам справка из ЗАГСа. По закону я имел право на эти три дня».

Так же, как и его любимые народом герои, Николай Николаевич был способен на ПОСТУПОК. А это не часто встречается в жизни, и умная женщина не могла не оценить этого.

Позже Алла Дмитриевна рассказывала, что на премьере «Высоты» в Доме кино, на которой они с Рыбниковым сидели вместе, слова монтажника-высотника Пасечника: «Прощай, Коля, твоя холостяцкая жизнь!» — киношники, бывшие в курсе перипетий их личной жизни, встретили дружным смехом и аплодисментами.

Родившаяся вскоре дочка Аленка получит фамилию Рыбникова.

На следующий год в фильме «Ведьма» по рассказу Чехова супруги впервые встретятся на съемочной площадке, как партнеры. Получасовая короткометражка, снятая Александром Абрамовым, где кроме Рыбникова и Ларионовой играл Эраст Гарин, в 1961 году получит призы сразу на трех крупнейших зарубежных кинофестивалях: в Монте-Карло, Сан-Франциско и Каннах.

Алла Дмитриевна всегда говорила, что Рыбников — прекрасный актер и работать с ним одно удовольствие. Они еще не раз будут сниматься вместе.

Впервые они вышли вместе на съемочную площадку еще до женитьбы, в 1953 году, на картине «Команда с нашей улицы». Потом, кроме «Ведьмы», будут «Две жизни» (1961), «Дядюшкин сон» (1966), «Длинный день Кольки Павлюкова» (1968), «Старый знакомый» (1969), «Седьмое небо» (1971) и «Семья Ивановых» (1975). Они вместе много ездили по стране с концертными программами, а кроме этого каждый по отдельности в 50-х — 70-х годах напряженно снимался.

Две дочери, которых героически решила родить звезда, оказались на попечении матери Аллы Дмитриевны.

Как-то после очередного долгого отсутствия она по возвращении услышала от них: «Здравствуйте, тетя!» С ней случилась истерика. А после случайного конфуза, когда младшая, Ариша, увидев в общественном месте протрет Хрущева, обрадовалась: «Папа!» — фотографии родителей повесили на видном месте, и бабушка регулярно (как в известном монологе Райкина) рассказывала о них девочкам.

Алла Дмитриевна и Николай Николаевич проживут вместе, как былинные герои, тридцать лет и три года. Для него жена всегда была самая лучшая и красивая. Когда после тяжелой автомобильной аварии, изменившей форму губ Ларионовой, ее стали сравнивать с Софи Лорен, Рыбников прилюдно заявлял: «Что? Софи Лорен? Да она в подметки не годится моей Алле!»

Но их совместная жизнь была далеко не безоблачной. Со стороны казалось, что

Рыбников любил ее очень сильно, а она лишь позволяла себя любить. Николай Николаевич безумно ревновал ее всю жизнь, не раз расквашивая носы самым настойчивым поклонникам. А она только смеялась.

Они были красивой парой. Что удивительно в актерской среде: у них никогда не было творческого соперничества — оба талантливы и звездно-знамениты. Оба много работали. Купили сначала двухкомнатную квартиру в кооперативе киношников на улице Черняховского, потом роскошную пятикомнатную в Марьиной Роще. Вернее, это были две квартиры рядом, которые они перестроили по своему вкусу, уютно обжили пространство и даже соорудили камин.

Николай Николаевич был прекрасным хозяином и семьянином. Обожал дочек и дом, где многое было сделано его руками, любил стряпать, закатывал овощи на зиму. Сама Алла Дмитриевна готовить не любила, всю жизнь отчаянно боролась с полнотой и вечно сидела на диетах, но перед искушением в виде кулинарных шедевров мужа устоять не могла. Их дом был открытым и хлебосольным, собиравшим за большим столом многочисленных друзей и приятелей. У них бывали самые известные люди: актеры и художники, космонавты и музыканты, писатели и шахматисты. Особенно в праздники, когда знали, что будут подавать знаменитые рыбниковские пельмени. Их делали сотнями. На ведение такого хозяйства уходила прорва денег, и порой Николай Николаевич грустно шутил: «Работаем на унитаза».

Кино: радость и боль

Алла Дмитриевна поначалу блистала в «костюмных» фильмах, где режиссеры использовали скорее ее красоту, аристократические манеры, умение свободно чувствовать себя в антураже прошлого. Неотразимую красавицу Оливию из «Двенадцатой ночи» сдержанно поругивала критика за то, что «вместо того, чтобы проникать в истину шекспировских страстей», она изображала «надменность и горделивость». А вот зритель с такой оценкой не согласился: не зря ведь веселую картину с замечательными актерами Кларой Лучко, Вадимом Медведевым, Георгием Вициным (создавшим, на мой взгляд, один из самых ярких и запоминающихся образов в своей творческой биографии! — *Прим. авт.*), Михаилом Яншиным, Бруно Фрейндлихом, Василием Меркурьевым и др. посмотрели почти тридцать миллионов! «Двенадцатая ночь» не только стала одним из лидеров проката 1955 года, но и превратилась в нестареющий хит, способный и сегодня в который раз усадить перед телевизионными экранами людей самых разных возрастов.

Ларионовскую Одинцову из «Отцов и детей» хвалили за попадание в образ и «глубокое раскрытие темы». Ее княгине Оболенской в «Фуркате» сочувствовали, потому что попытки актрисы оживить схематичный образ величественной аристократки оказались тщетны на фоне многочисленных просчетов фильма. Продолжает галерею ее красавиц в нарядах XIX века и супруга Петипа в «Третьей молодости»...

Но Ларионовой было тесно «в корсетах» стереотипных предлагаемых обстоятельств. Ей хотелось показать новые грани таланта, поэтому она не боялась острохарактерных и отрицательных ролей. Так, критики отмечали, что самый интересный образ в экранизации чеховских «Трех сестер» режиссера Самсона Самсонова — это ее Наташа. Тонко и достоверно актриса показывает преобразование хорошенькой и недалекой (как казалось всем) молодой женщины в холодную расчетливую хищницу, ловко прибравшую в красивые ручки и слабохарактерного мужа, и все имение. Она стала ХОЗЯЙКОЙ! И сразу изменились выражение лица, походка, речь... Чувствовалось, что она наслаждается тем, что в этой тягостной атмосфере задыхаются сестры мужа. Она была просто страшна...

В фильме Семена Туманова «Ко мне, Мухтар!» Алла Ларионова пару раз ненадолго появляется в кадре, чтобы создать яркий запоминающийся образ самовлюбленной эгоистки. Она отказалась от дублера в опасной сцене, когда на нее бросается собака, по сюжету не простившая предательства бывшей хозяйке. Стоявший за камерой владелец овчарки смотрел на актрису влюбленными глазами и, опасаясь за нее, после команды «фас» сразу говорил

«фу»! Эпизод переснимали вновь и вновь... Тогда пошли на хитрость: сразу после первой команды Юрий Никулин накаутирующим ударом уложил хозяина. В это время пес неистово рвал рукав норковой шубки актрисы, повалив ее в снег. Неизвестно, чем бы все закончилось, не заори пришедший в себя дрессировщик. Алла Дмитриевна и вся съёмочная группа пребывали в глубоком шоке. Но актриса не высказала ни обиды, ни возмущения: она была суперпрофессионалом и понимала, что это нужно для дела.

В фильме «Дикий мед» Ларионова играет фотокорреспондента Варвару Княжич, женщину далекую от войны, которую отправляют на передний рубеж, чтобы снять подбитые немецкие танки. Эта картина огорчила многих поклонников актрисы: грязная, с растрепанными волосами, в уродующей фигуру солдатской форме, — она была совершенно не похожа на их любимую красавицу. Алла Дмитриевна со смехом рассказывала, что в гриме Княжич в мосфильмовском буфете ее не узнал даже собственный муж! Как правильно заметил Костик в культовом фильме ^ «Покровские ворота»: «Артист должен переодеваться». Но как жаль, что порой эти героические усилия актеров сводятся «на нет» неудачей фильма в целом...

В 60-е Алла Ларионова много снимается. Ее имени в титрах фильма было достаточно для поднятия кассовых сборов. В 70-е она появляется в пяти фильмах, в двух из которых — «Седьмое небо» и «Семья Ивановых» — вместе с супругом играет главные роли. Сценарий первого был написан специально под звездную пару. Кинолента режиссера Эдуарда Бочарова даже получила приз в 1972 году на II Всесоюзном кинофестивале в Горьком (правда, учрежденный газетой «Социалистическая индустрия». — *Прим. авт.*). А любимого артиста наградят орденом Шахтерской славы II степени, и шахтерских касок с лампочками надарят с десятков. Но сложности любовных отношений столичной жительницы Ксаны Георгиевны и шахтера Мазаева на фоне «трудовых буден проходчиков» были бы встречены зрителями более чем прохладно, если бы не участие любимых актеров. А вот «Семью Ивановых» не спас даже этот проверенный ход...

А за последующие десять лет у Ларионовой оказалась единственная работа в кино — фильм «Запретная зона»...

Когда уходит кино

Фильм «Тихий ангел пролетел» (1995), который значится в фильмографии Аллы Ларионовой, подводя под ней черту, — это студенческая короткометражка. Правда, замеченная и получившая награду.

Чем заполняла актриса образовавшийся творческий вакуум?.. Участием в концертах, встречами со зрителями.

Ларионова с радостью соглашалась на поездки по стране. Она любила открывать для себя новые места, со смехом называла себя «лягушкой-путешественницей».

Как-то в начале 80-х она оказалась в Туркмении на Днях российского кино. Но перед поездкой ей нездоровилось, и когда самолет пошел на посадку в аэропорту Ашхабада, она чуть не потеряла сознание от страшной боли. Любой хоть немного сведущий в медицине сразу поставит диагноз: отит (воспаление среднего уха). Его всегда провоцируют сильные перепады давления. Члены делегации режиссер Михаил Туманишвили и артисты Римма Маркова, Татьяна Агафонова и Михаил Шишкин на следующий день отправились на самую южную точку СССР — в Кушку, в гости к пограничникам, а Алла Дмитриевна осталась, прикованная болью к процедурному кабинету поликлиники.

Но сидеть без дела и наслаждаться красотами местных достопримечательностей она не могла.

— *Без работы я заболеваю, — сказала весьма относительно здоровая звезда.*

И со следующего дня активно включилась во встречи с трудовыми коллективами. Как ее принимали! Сколько радости неизбалованным ашхабадцам доставляло одно ее появление в их клубе или Красном уголке! Алла Дмитриевна видела это, и, заряжаясь общей

атмосферой, на глазах молодела и хорошела. В ней не было ни на йоту легкого пренебрежения или высокомерия к провинциалам, свойственного подчас столичным жителям и людям, пораженным «звездной болезнью». Сердечно и доброжелательно она отвечала на проявления народной любви. Тактично и остроумно пресекала вопросы по поводу последних слухов о жизни и похождениях знаменитостей.

О себе же и о своей жизни говорила откровенно.

Однажды у нее поинтересовались: не родственница ли она знаменитой Аллы Тарасовой? Уж больно они были похожи. Алла Дмитриевна засмеялась и сказала, что ее часто об этом спрашивают. Потом слегка задумалась.

— *Знаете, я, наверное, была просто обречена стать актрисой, потому что мама назвала меня в честь своей любимой Алла Константиновны Тарасовой. Говорят, когда женщина в положении о ком-то часто думает, то ребенок становится на этого человека похожим!*

И долго смеялась вместе с залом. Но если говорить серьезно, на их поразительное сходство не раз обращали внимание и самой Тарасовой. Поэтому, встретившись как-то на официальном мероприятии, под восторг свидетелей этого события незабываемая легенда кино с улыбкой подошла к Ларионовой: «Ну, здравствуй, дочка!» Та ответила: «Здравствуй, мама!» И они расцеловались.

Николай Николаевич с супругой были, казалось, полными противоположностями. Он — импульсивный, взрывной, хозяйственный и волевой. Она — спокойная, мягкая, ненавидящая конфликты и умело сглаживающая все острые углы семейной жизни, обаятельно непоследовательная: «то диеты, то банкетки»... Оба были заядлыми курильщиками, но когда врачи пригрозили Рыбникову серьезными осложнениями здоровья, он решительно бросил. Ларионова же, даже оказавшись в больнице и перенеся операцию, тайком выкуривала в день по пачке любимых «Мальборо».

Они никогда ничего для себя не просили, даже когда были в фаворе у правительства и на гребне зрительской любви. Но скольким помогали — не сосчитать и только тогда позволяли напоминать о своей «звездности». Алла Дмитриевна была добрейшим человеком. Порой ее даже не надо было просить — сама «включалась» в чужие проблемы. Ей звонили, писали письма, подчас с самыми невероятными просьбами, пребывая в полнейшей уверенности, что ее возможности безграничны...

Так было и в те несколько весенних дней в Ашхабаде, когда болезнь не позволила ей вместе со всеми отправиться к пограничникам. Мы тогда вместе работали: я — организатором ее творческих встреч, она — естественно, собой, Аллой Ларионовой, которую все хотели видеть и рвали на части: «Приезжайте! Мы так рады!»

Мы часто гуляли с ней по улицам города, наслаждаясь теплом, еще не перешедшим в удушливую летнюю жару. Я как-то посетовала, что на служебной квартире, где в то время жила, к сожалению, не было телевизора. А купить его в 1986 году было задачей из области фантастики. Алла Дмитриевна коротко сказала: «Поехали!» И велела водителю отвезти нас в самый большой магазин, торгующий радиотелеаппаратурой. Там она решительно прошла в кабинет директора: «Здравствуйте, я актриса Алла Ларионова». Надо было видеть восторг в глазах торгового работника, с трудом верящего, что «сама» Ларионова в его кабинете! После приличествующих местным обычаям приветствий и вопросов о здоровье он по-деловому спросил, чем помочь знаменитой гостье. «Так случилось, что я застряла здесь на некоторое время, а в моем номере нет телевизора...» Директор понимающе закивал: «Какой бы вы хотели?» И через несколько минут я стала обладателем вожделенной портативной «Юности», которую достать тогда было значительно труднее, чем тяжеленные, периодически взрывающиеся цветные советские «темпы» или «рубины».

Себе же Алла Дмитриевна в память о Туркмении увезла нарядные красные кисе (большие пиалы).

— *Они замечательно подойдут к интерьеру моей кухни!*

Там же на ашхабадском базаре она купила у старушки туркменки шерстяную нитку со

стеклянной бусинкой-глазком. «От сглаза». И на полном серьезе тут же повязала ее на руку. Она ненавидела ссоры, выяснения отношений и от чужой «черной» энергетики спасалась, как могла.

У Аллы Дмитриевны и Николая Николаевича была страсть: оба были азартными игроками и часто с друзьями ночи напролет просиживали за покером и преферансом. Начинали с мелочи, потом суммы набегали немалые. Как выигрыша, так и проигрыша.

Деньги у них подолгу не задерживались, поэтому Рыбников предпочитал «легкие» концертные заработки, порой неосмотрительно отказываясь от великолепных ролей. К примеру, это его хотел снимать Павел Чухрай в «Чистом небе»... Получалось порой, как в любимом актерском анекдоте: «Приглашают артиста в Голливуд. Он интересуется: когда? Отвечают, что срочно. Дело происходит накануне новогодних праздников, и он разводит руками: „Не могу, ребята, — у меня елки“».

Вот Рыбникова и стали приглашать все реже, а потом и вовсе перестали. Он очень страдал из-за отлучения от профессии. Стало пошаливать сердце. Но прислушиваться к болячкам борисоглебский парень с шахтерской стороны не привык. Так на ногах и перенес микроинсульт. Он умер 22 октября 1990 года во сне. Меньше чем за два месяца до своего шестидесятилетия.

Это повергло в горе не только его семью, но и миллионы почитателей его таланта, для которых он навсегда остался не просто любимым актером, а своим в доску парнем, рабочей косточкой.

Многими чертами супругов и некоторыми фактами их биографий (к примеру, Рыбников потрясающе разыгрывал приятелей. — *Прим. авт.*) впоследствии наделит героев своего фильма «Какая чудная игра» (1995) Петр Тодоровский.

Перемена декораций

Алла Дмитриевна похоронила Николая Николаевича на Троекуровском кладбище. Напротив могилы мужа покоится прах ее матушки.

Она тяжело перенесла потерю самых близких людей, ушедших один за другим. Это как воздух: он есть — и его не замечаешь, а вот при недостатке начинаешь задыхаться. Чтобы избавиться от гнетущей тоски, решительно поменяла все в своей жизни. Большую квартиру в Марьиной Роще — на маленькую двухкомнатную в Банном переулке. Мебель, образ жизни... И оказалась одна в четырех стенах: дочери к тому времени жили отдельно.

Были, конечно, друзья и приятели, часто звали ее на мероприятия и тусовки. Она с удовольствием их посещала. Возможно, чтобы реже оставаться одной.

В 1993 году Алла Дмитриевна побывала в Иерусалиме. Неожиданно даже для себя решила там окреститься. И все чаще вместо любимых любовных романов брала в руки Библию.

С увлечением, даже неистовостью продолжала играть на сцене, как бы стараясь наверстать упущенное.

Со спектаклем вахтанговцев «Коварство, деньги и любовь» она объездила всю Россию, побывала за границей и даже за океаном. Зрители принимали ее восторженно: их любовь к ней не старела.

В Театре Рубена Симонова Ларионова играла в спектакле «Брызги шампанского». Последний отыграла 24 апреля, а на другой день, в понедельник, пришедшийся на начало Страстной недели, ее не стало.

Когда днем вызванные встревоженными родственниками спасатели взломали дверь, Алла Дмитриевна лежала в постели и по заключению врача была мертва уже более шести часов.

Актриса мужественно и достойно несла свою старость, но по рассказам друзей, перенесла до этого несколько микроинсультов, очень боялась долгого болезненного ухода,

отравленного сознанием собственной беспомощности и чувством обременительности для близких. К счастью, Бог послал ей легкую смерть: во сне от сердечного приступа.

Ларионова пережила мужа на десять лет. И упокоилась рядом со своими любимыми людьми.

На следующий год в день ее рождения на доме № 7 в Банном переулке, где прошли последние семь лет ее жизни, Актерская гильдия открыла памятную доску. Так даже фактом своей кончины любимая народом актриса Ларионова сделала «исторической» самую обычную московскую двенадцатиэтажку.

Говорят, человек умирает, когда умирает память о нем. Алла Дмитриевна — незабываема! Она осталась в памяти тех, кто ее знал, кто видел ее фильмы. И ее не забудут те, кто еще увидит...

Ал-ла... Ла-ри-о-но-ва!.. Есть что-то в этом имени от алых всполохов пламени. Она всегда была очень яркой. И продолжает светить.

Ларионова Алла Дмитриевна

Родилась в Москве 19 февраля 1931.

Скончалась 25 апреля 2000.

Окончила ВГИК (1953, мастерская С. Герасимова и Т. Макаровой).

С 1953 — актриса Театра-студии киноактера.

Народная артистка РСФСР (1990).

Снималась в фильмах:

1952 — Садко

1953 — Вихри враждебные

— Команда с нашей улицы

1954 — Анна на шее

1955 — Двенадцатая ночь

— Судьба барабанщика

1956 — Главный проспект

— Дорога правды

1957 — Полесская легенда

1958 — Ведьма

— Отцы и дети

1959 — Фуркат

1960 — Трижды воскресший

1961 — Две жизни

1964 — Ко мне, Мухтар!

— Три сестры

1965 — Третья молодость

1966 — Совесть

— Дикая мед

— Дядюшкин сон

— Фокусник

— Длинный день Кольки Павлюкова

— Старый знакомый

1971 — Молодые

— Седьмое небо

1974 — Лев Гурыч Синичкин

1975 — Семья Ивановых

1977 — Есть идея!

1988 — Запретная зона

Алла Ларионова

Алла Ларионова и Николай Рыбников,
кадр из фильма «Седьмое небо» (1971 г.)

С Александром Вертинским

Лариса Лузина: «Не умею долго себя жалеть»

Она пережила шумный успех, когда тебя все узнают, улыбаются, просят автографы. Были поездки на кинофестивали за границу, ее лицо часто мелькало в журналах и на огромных афишах... А потом было страшное время отлучения от профессии, которая для нее

— все.

К Празднику Победы телевидение как всегда показывало лучшие и любимые народом фильмы о войне. Был среди них и «На семи ветрах». Впервые за много лет она решила его посмотреть. Но странное дело: наблюдала за действием картины как-то отстранено, словно эта тоненькая Светлана Ивашева с глазами в пол-лица — вовсе не она, актриса Лариса Лужина, а совсем незнакомый человек, живущий собственной жизнью. Смотрела и толком ничего не видела, вспоминая, как началась с этой картины ее жизнь в кинематографе.

Прошло полвека, но до сих пор ее память бережно хранит ту незабываемую атмосферу подъема, царившую на съемочной площадке. Картину снимал прославившийся своим фильмом «Дело было в Пенькове» Станислав Ростоцкий. Фронтовик, вернувшийся домой без ноги, он без ложного пафоса и патетики рассказал о себе, своем поколении и о страшной войне через призму одной судьбы — «хозяйки» дома «на семи ветрах». Эта девушка ждет любимого, а все остальное как бы делает попутно: ухаживает за ранеными, работает во фронтовой газете, когда надо — берет в руки автомат... И никто из тех, кто ее окружает, не говорит громких слов, — они просто живут, тоскуют по родным, когда получается — веселятся, когда нет другого выхода — умирают... А вместе с ними и Светлана, для которой и война и эти люди стали частью жизни. Эта девушка стала мечтой каждого солдата, надеждой, что и его именно так ждут: отвергая и соблазн случайных связей, крохи чужого тепла и эрзац чувств, и циничный посыл, что «война все спишет».

Сценарий фильма написал идол шестидесятников Александр Галич. В нем была суровая правда войны и прекраснородушная романтика отношений — совсем как в жизни. Актерскую команду Ростоцкий собрал потрясающую: суперпрофессионалов Софью Пилявскую и Михаила Трояновского, молодых, красивых и талантливых Вячеслава Тихонова, Вячеслава Невинного, Анатолия Ромашина, Леонида Быкова...

Лариса Анатольевна помнит, какой трудной была для нее эта первая большая работа. И ей самой, и режиссеру казалось, что она не справляется.

— Я была неопытна. Мне казалось, что все, что я делала, на экране выглядело фальшиво. Я думала, меня снимут с роли. И решила, что тогда мне не жить... Я действительно могла покончить с собой.

Потому что считала, что просто обязана сыграть эту роль, потому что этот фильм и про нее тоже. Хоть и родилась она за два года до начала войны. Но та исковеркала и ее жизнь, словно танковыми гусеницами оставив глубокие шрамы в судьбе.

Первая премия — котлета

Наверное, изначально Ларисе Лужиной была уготована совсем другая жизнь и другое детство, потому что ее маме, простой работнице, да еще эстонке, да еще «разведенке» с ребенком несказанно повезло: она вышла замуж за потомственного питерского офицера торгового флота. Семья отца не смогла простить ему этот мезальянс и разорвала с ним все отношения. Только когда Лужина станет знаменитой артисткой и вновь приедет в Ленинград, родные отца в первый и последний раз пригласят ее в гости. Она придет к ним в дом, чтобы еще отчетливее почувствовать, что годы и обиды за то, что никогда не помогли ни рублем, ни участливым словом, пролегли между ними, словно пропасть. Даже известие, что у нее есть племянница, названная в ее честь, не перекинули через эту пропасть мостик. Да, где-то ходит по земле еще одна Лариса Лужина, но их дороги больше никогда не пересекались.

Первые неясные детские воспоминания: атмосфера праздника, когда отец приходил из плавания. Самого отца, как ни силилась, не помнит, а вот вкус какао в больших банках с синими звездами, которое он привозил из заграницы, запомнилась на всю жизнь. Как и меховая горжетка на красивом мамином платье. А потом в памяти — лишь растянутое на долгие годы острое чувство голода. Семья оказалась в блокадном Ленинграде. Отец, которому было тогда всего тридцать два года, ушел в ополчение, был ранен в бою у форта

Серая Лошадь и умер дома от ран и истощения. За ним тихо угасла от голода старшая сестренка. И мама перестала улыбаться. Потом Лариса с матерью окажется в эвакуации в Сибири, в далеком Ленинске-Кузнецком. И они выживут. Иногда в памяти, как обрывки старой кинохроники, мелькают кадры: сырая землянка, в которой ютились поначалу, и невиданное количество снега долгой зимой...

Как-то их детсадовскую группу перед Новым годом пригласили выступить на мясокомбинате. Лариса лучше всех пела, читала стихи и заслужила первую в своей жизни награду — котлету. Потом наград будет у нее немало, но эта памятна еще и тем, что, слушая аплодисменты зала, Лариса впервые почувствует себя артисткой.

В 45-ом они вернутся в Ленинград. Но найдут в своей квартире чужих людей, которые не пустят их на порог, не позволят взять ни одной вещи. Мама Ларисы всегда была тихим и деликатным человеком и не стала жаловаться и судиться. Обнявшись, они поплачут в родном дворе, простятся с городом, с которым связаны самые счастливые и горькие воспоминания, и навсегда уедут из него к маминой родне в Эстонию.

На пути к мечте

В Таллине Лариса пошла в школу, легко общаясь на эстонском языке, которому ее с детства учила мама. А потом записалась в школьный драмкружок и впервые ощутила то незабываемое чувство панического ужаса и ликования, которое проживается за один шаг, что отделяет темные кулисы от яркой сцены. Она до сих пор с благодарностью вспоминает своего руководителя Ивана Даниловича Россомахина, воспитанники которого Владимир Корнев, Виталий Коняев, Игорь Ясулович станут потом ее друзьями по жизни и коллегами по выбранной профессии. Россомахин своеобразно и весьма действенно, надо сказать, приучал их к упорному труду и железной дисциплине: за каждую минуту опоздания на репетицию они платили в общую копилку по рублю.

Лариса уже тогда точно знала, что хочет быть актрисой и больше никем. Но путь к заветной цели не был для нее прямым и гладким. В 1956 году она провалилась на экзаменах в Ленинградский институт театра, музыки и кино и на всю жизнь сохранила в душе страх перед конкурсами, когда твою судьбу за пять минут решают незнакомые люди, а в затылок дышат еще сто пятьдесят претендентов на место.

Поскольку с учебой в тот год не получилось, а жили они с матерью бедно, ей волей-неволей пришлось пойти работать. Сначала на фармацевтическую фабрику, потом кондитерскую, где работала мама, а потом на короткое время она даже оказалась секретаршей у министра здравоохранения. Лишь спустя время подобное место станет престижным и «душисто-шоколадным», а Ларисе ее короткое секретарство запомнилось лишь постоянными недостатками почтовых марок, за которые у нее регулярно высчитывали из зарплаты в сорок рублей. Да и скучно было там ее деятельной натуре.

Прочитав как-то объявление в газете о наборе манекенщиц в Дом моделей, она рискнула и пошла на кастинг (как говорят теперь. — *Прим. авт.*). Фигура у нее была хорошая, а рост в 172 см считался тогда вполне достаточным для моделей, и ее взяли. Но вместо яркого праздника Лужину ожидали трудные будни: живыми манекенами девушки по пять-шесть часов были вынуждены стоять на примерках. Но наступал-таки долгожданный миг, и Лариса выходила на подиум (или «язык», как его называют на профессиональном сленге. — *Прим. авт.*). И мгновенно, словно Золушка, преображалась, оставляя позади вместе со стареньким платьем и стоптанными туфлями все проблемы, чтобы несколько минут на виду восхищенной публики прожить королевой в шикарном туалете.

— *Это сейчас модели дефилируют с отрешенными лицами. А я всегда улыбалась залу. Меня так и называли «улыбающаяся манекенщица».*

На одном из показов ее увидели ассистенты режиссера Герберта Раппопорта, снимавшего фильм «Незванные гости», и пригласили на пробы на «Таллинфильм». Она их прошла и получила небольшую роль певицы из кабаре.

Ее дебют понравился Герберту Морицевичу, и в своем следующем фильме «В дождь и в солнце» он дал Лужиной роль Лисси — уже одну из главных.

Теперь знакомые девчонки завистливо называли ее «Лариска-артистка», а прохожие иногда улыбались и кивали головой, как знакомой. Но она понимала, что дорога к избранной профессии лежит через двери института кинематографии. Правда, когда думала об экзаменах, то от страха начинала кружиться голова.

Но удача ей улыбалась, и все стало счастливо складываться.

— Судьба посылала мне людей, которые бескорыстно помогли мне и поддерживали в трудную минуту. Я до сих пор вспоминаю их добрым словом.

И среди них — Лейде Лайулс с «Таллинфильма». Узнав, что Сергей Герасимов в конце первого семестра отчислил со своего курса студентку Ольгу Красину за съемки без его ведома (хотя это была роль Лизы в фильме-опере «Пиковая дама!»), попросила его «посмотреть» Ларису. Мэтр согласился, но теперь перед Лужиной встала проблема: где найти деньги на дорогу? И тут судьба сделала ей царский подарок в виде приглашения с «Мосфильма» на пробы в картину «Мир входящему». С оплаченным билетом и гостиницей. Зная, что Лариса до обморока боится официальных конкурсов, Лейде упросила Герасимова послушать подругу у него на квартире, которая по счастливому совпадению находилась с другой стороны гостиницы «Украина», куда поселили соискательницу роли.

Самая счастливая

В своем лучшем платье с юбкой-колоколом, а под ней по моде того времени — крахмальным нижним «кринолином», туго перетянутая широким поясом и в туфлях на высоких каблуках Лариса предстала пред очи Сергея Аполлинариевича и Тамары Федоровны.

— Герасимова я практически не знала, а Тамара Макарова — красавица, женщина-легенда, любимая артистка! Я очень хотела ей понравиться.

Лужина стала читать стихотворение о ландышах, и вдруг сердце упало, когда краем глаза заметила, что Герасимов нахмурился: у того возникли неприятные ассоциации с популярным шлягером, который все клеймили как мещанский и безвкусный. Он поморщился, как от зубной боли, подошел поближе и сказал недовольно: «Какая-то ты длинная». Лариса смешалась. Она поняла, что не понравилась. Разволновалась, но все же возразила: «Это каблуки. Я могу снять». Вот так, стоя в одних чулках, а потом присев на стул возле зеркального шкафа, она стала читать монолог умирающей Ларисы из «Бесприданницы». И то ли от проникновенных слов Островского, то ли от того, что решила, будто опять провалилась, так расстроилась, что разрыдалась. Но все же, захлебываясь слезами, дочитала монолог до конца.

Макарова стала ее утешать, а Герасимов вдруг заулыбался и сообщил, что она принята.

— Студенческие годы — самое прекрасное время. Я жила в общежитии ВГИКа. У нас была совершенно другая жизнь, чем у тех, кто ходил на занятия из дома. Это была особая каста. Правда, курить я там начала, пить тоже. Но это было сухое вино. Это было время увлечения поэзией. Мы собирались на четвертом этаже общежития, зажигали свечи, курили сигареты «Дукат», пили легкое вино и читали стихи. К нам в гости приходили замечательные люди: Визбор, Окуджава, Высоцкий. Ни на минуту не расставаясь с сигаретой, пел Муслим Магомаев.

Лужина училась в мастерской Герасимова — Макаровой, но чуть ли не единственная из их студентов ни разу не снималась в фильмах учителя. Правда, в поставленном им учебном спектакле «Братья Карамазовы» она сыграла Катерину Ивановну. Сергей Аполлинариевич одобрил ее работу, верил в ее талант, чувствовал за нее ответственность и, когда почти со всем курсом уходил на съемки фильма «Люди и звери», настоял, чтобы Станислав Ростокский взял ее на главную роль в свой фильм «На семи ветрах». С художником творческого объединения киностудии им. Г. Г. Орского не очень-то поспоришь, и Лариса получила свою

самую звездную роль.

А когда после выхода на экраны фильма и его шумного успеха у зрителей вдруг стала знаменитой, то поверила, что она самая счастливая на свете.

Таинственный и манящий мир кино раскрыл ей свои объятия. Откуда она могла тогда знать, что за его яркостью и красотой прячутся жестокость и непостоянство избалованного любовника: он заберет все, вероломно бросит и переключится на новые жертвы.

«Роман» с Дефой

Вихрь успеха поднял Ларису, закружил, закуролесил. Ее стали приглашать на кинофестивали, посылать в числе делегаций за рубеж. Ее Светлану узнали и полюбили все, а журналисты тут же окрестили лестным прозвищем «символ времени».

В 1962 году ее фотография украсила разворот журнала «Пари Матч», посвященного Каннскому кинофестивалю. На фото Лариса отплясывала запрещенный на своей родине твист, а внизу была странная подпись: «Сладкая жизнь советской студентки». Журнал сразу лег на стол тогдашнему министру культуры Фурцевой, и «оргвыводы» не заставили себя ждать: комсомолку Лужину за границу не выпускать! И на фестиваль в Карловых Варах со своей картиной она не поехала.

Но вскоре высокие начальники опять к ней подобрили. Не потому ли, что фильм «На семи ветрах» с успехом шел на экранах разных стран, приносил награды, поднимал престиж страны?.. И жизнь вновь стала казаться ей сплошным ярким и веселым праздником. В начале 60-х у Лужиной было много работы: подряд выходят фильмы «Приключения Кроша», «Тишина», «Штрафной удар» и «Большая руда». Правда, роли там не такие уж большие и не «звездные», но она верила, что это временно и все еще впереди.

В 1963 году ее без проб пригласили на киностудию «ДЕФА» в ГДР на роль подпольщицы Евы Дорн в сериале «Доктор Шлюттер». По сценарию Ева погибает в концлагере в первой же серии. Перед Лужиной стояла сложная задача: не только играть на немецком языке, но и создать достоверный образ немки — человека другой культуры, иной ментальности. И она так блестяще справилась с этой задачей, что режиссер И. Хюбнер решил, что она должна сыграть и дочь Евы — Ирен. Сначала немцы приняли Ларису насторожено, ревниво считая, что и своих актрис предостаточно, зачем приглашать чужую, да еще русскую. Но потом прониклись к ней симпатией, а когда фильм триумфально прошел по телеэкранам, — полюбили.

За четыре года, проведенные в братской Германии, Лариса снялась в шести фильмах, в том числе в двух сериалах, получила Золотую ветвь телевидения и Национальную премию ГДР в 1966 году и приглашение играть на сцене драматического театра Карл-Маркс-Штадта. К тому времени она уже хорошо владела немецким языком, но понимала, что театр — это огромная ответственность, это работа без дублей, когда не только говорить, но и думать придется на чужом языке. А еще, несмотря на то, что в ней текла наполовину эстонская кровь, Лариса всегда чувствовала себя именно русской, со всеми достоинствами и недостатками неподдающейся трезвому расчету загадочной русской души. У нее была в Берлине своя небольшая квартира, достаточно денег, которые, к слову сказать, она так и не научилась копить, — подруга немка сама раскладывала ее деньги в конвертики, на которых надписывала, на что они предназначены. Но вскоре у Ларисы все перепутывалось из-за вечных непредвиденных расходов, потом складывалось все вместе... Несмотря на то, что к Ларисе очень хорошо относились окружающие, часто принимая за свою, ее тянуло домой.

А однажды она со знакомым артистом оказалась в баре в компании подвыпивших немцев. И, услышав, как один из них, инвалид без руки, стал хвастать, как под Сталинградом косил русских солдат, заехала ему по физиономии, не сумев сдержать клокотавшую в груди обиду и ненависть. Что бы могло случиться после этого, — кто знает... Хорошо, что приятель актрисы быстро утащил ее оттуда. Тогда она окончательно поняла, что между ней и Германией всегда будут стоять погибшие отец и сестра, ее горькое детство, сломанная

мамина судьба, неутрачиваемая боль родного народа.

«Я никогда не жила рассудком»

Лужина вернулась домой и сразу получила приглашение от Станислава Говорухина, приступившего к работе над фильмом «Вертикаль». Картина была малобюджетной, актеры снимались в собственных костюмах в сложных горных условиях. Условия жизни были ужасными: на всех одна большая комната на турбазе в Сванетии.

— По ночам было очень холодно, и все спали одетыми. Там было столько мышей, что они совсем не боялись людей и бегали по спящим. Поначалу мы пугались, вскакивали, потом привыкли. Сквозь сон слышали порой жалобные звуки Володиной гитары, когда они задевали струны.

Роль врача была небольшой, но Лариса с удовольствием там играла, потому что режиссер собрал отличную команду профессионалов. Альпинистское же братство со своими законами и романтикой покорили ее. На этой картине она в первый и последний раз встретится в работе с Владимиром Высоцким, хотя они были знакомы еще со студенческих лет и он дружил с ее супругом Алексеем Чардыниным.

— Володя пытался за мной ухаживать, оказывал знаки внимания. Но я в этот момент была влюблена в другого человека. Думаю, этот фильм стал таким популярным во многом благодаря песням Высоцкого. Как-то в горах он спел песню «Она была в Париже». Все поняли, что это про меня.

Наверно, я погиб: глаза закрою — вижу,
Наверно, я погиб: робею, а потом —
Куда мне до нее — она была в Париже,
И я вчера узнал — не только в нем одном!

— Там все, что со мной происходило. Я поначалу расстроилась: мне показалось, что он меня в ней хотел немножко обидеть:

Какие песни пел я ей про север дальний!
Я думал: вот чуть-чуть — и станем мы на ты,
Но я напрасно пел о полосе нейтральной —
Ей глубоко плевать, какие там цветы...

— Хотя, скорее всего, это говорило его оскорбленное мужское самолюбие, потому что на самом деле мне песни его нравились. Хоть на ухаживания его я и не ответила.

Фильм закончился, актерская компания, как водится, распалась, но с Высоцким на какое-то время сохранилась нежная дружба. Он часто бывал у них дома на улице Удальцова, 12.

— Потом у него возник роман с Мариной Влади. Мы, его друзья, были полностью в курсе событий, потому что у Володи не было телефона, и он звонил в Париж отовсюду, где бывал в гостях. Я как-то шутя сказала в одном из интервью, что от нас он «наговорил» на приличную по тем временам сумму — сорок рублей. Он все сам потом вспоминал про неоплаченный счет. Думаю, песня «07» родилась благодаря и моему телефону в том числе. Но мы потом как-то отделились: у меня была своя точка зрения на его отношения с Мариной, потому что до этого у него была любовь с одной моей подругой. А я в те годы мыслила категориями Светланы Ивашевой, и мне казалось, что он ее предал.

С Алексеем Чардыниным, который впоследствии станет известным оператором, они поженились еще в институте. Лариса Лужина снималась во всех его студенческих работах.

— У нас был «дом открытых дверей». Туда могли прийти все, и когда угодно. Столько прошло через него интересных людей! Это были самые веселые годы нашей жизни. Денег

было немного, а вот тяга к общению была большой. Помню, как-то ночью зашли Олег Стриженев и Вася Ливанов. И на обоях каждый нарисовал себя — они оба прекрасно рисуют. Очень здорово было. У меня вся квартира была разрисована. Началось это с моей подруги Шуры Коняевой, горнолыжницы, с которой, кстати, мы познакомились на «Вертикали». Там Хилькевич свой портрет рисовал, и Леша — меня. Там все оставляли автографы и рисунки. Никто не думал о будущем, что это такая память!.. И в очередной ремонт все это сгнуло...

Это было время, когда ее личная жизнь стремительно неслась и бурлила, так же как и творческая. Брак с Алексеем Чардыниным оказался недолгим, и вскоре она вновь выходит замуж, и вновь за оператора — Валерия Шувалова. Они познакомились на картине «Золото» по повести Бориса Полевого. Через видеоискатель кинокамеры трудно было разглядеть в грязной, замотанной платком бабе в телогрейке и грубых сапогах предмет, достойный любви. Но не невозможно, Шувалов смог.

От него она родила единственного сына Павла. (Он, как и его супруга, закончил Ленинградский институт киноинженеров и работает инженером звукозаписи на «Мосфильме». — *Прим. авт.*). Когда сыну было семь, родители расстались. Хотя, как ни странно, Шувалов сумел ее понять и простить, и у них сохранились хорошие отношения, а у Павлика всегда был любящий заботливый отец.

— Получалось, что от одного мужа я уходила к другому, «простоев» не было. Но надо делать паузы, надо уметь оглянуться, а не пытаться возникшую пустоту и боль восполнить другим человеком. Я это сейчас понимаю, а тогда об этом не думала и «кидалась в омут с головой».

Я всегда жила чувствами, эмоциями, а не рассудком. Когда быт, обиды, ежедневная рутина убивали любовь, то считала предательством притворяться, лгать и терпеть.

Чтобы чувствовать себя женщиной, ей всегда нужен был накал страстей, эмоциональные потрясения, электрические разряды от прикосновений. Она всегда недоверчиво относилась к актерам и никогда не заводила с ними даже мимолетных романов, но тут влюблась в актера Владимира Гусакова, который, правда, в то время пробовал свои силы в сценарном деле, и ушла от мужа к нему. С ним она переживет, пожалуй, самые горькие и болезненные чувства: измену и предательство.

— Когда предаешь сам, кажется, что ничего особенного не случилось, а когда тебя предают — совсем другое дело. Это такая обида! Такая боль! Я подозревала какое-то время, что он мне неверен, но когда муж говорит, что у него появилась «неземная любовь»!..

Я ужасно переживала, даже таблеток наглоталась: жить не хотелось... Хорошо, что Ангел-хранитель был начеку. Спас.

Несмотря ни на что Лужина называет себя «неисправимым оптимистом» и умеет находить радость и красоту в таких простых вещах, как солнечное утро, морозный или дождливый день, улыбки любимых внуков, залиvistый лай любимца пуделя Лори.

— Я всегда благодарю Бога за то, что он мне дает, и прошу только одного: сил и здоровья, чтобы могла работать, чтобы дал возможность утолить этот голод по любимому делу. Я никогда никому не завидую, никого не сужу и всегда, выходя из дома, повторяю простую молитву: «Ангел мой, пойдем со мной: ты впереди меня — я за тобой» — и день обязательно будет удачным.

Позже она осознает и признается себе, что Шувалов был лучшим мужчиной в ее жизни, и, пожалуй, именно за нанесенную ему обиду ее наказывает судьба.

Со своим последним мужем Вячеславом Матвеевым Лужина познакомилась в Хабаровске во время одной из поездок с творческими встречами, которые он организовывал. Потом Матвеев пробовал заниматься бизнесом, но особо не преуспел. Как администратором антрепризы она им тоже была не довольна: спектакль надо уметь продавать, что у того не особенно получалось. Лариса Анатольевна, по ее признанию, всегда «выходила замуж за никому не известных, начинающих, а к тому времени, как они добивались успеха, мы разводились. Наверное, все-таки неправильно, что я не думала о завтрашнем дне и жила

чувствами».

Вот и этот брак как-то сам собой сошел на «нет».

Затянувшееся ожидание

Несмотря на то, что после фильма «На семи ветрах» была настоящая слава и на несомненные успехи за границей, дома ее то ли подзабыли за время отсутствия, то ли не захотели простить невольной «измены», но в 70-е годы ей не предлагали больших интересных ролей. Варвара в «Исполнении желаний» (1974) и Надежда в фильме «Небо со мной» (1975) становятся для нее, пожалуй, самыми заметными работами того периода. Небольшие роли, эпизоды, следовавшие затем в кино и на телевидении, не принесли актрисе ни морального, ни творческого удовлетворения и не прибавили популярности.

Оглядываясь назад, она не считает количество фильмов, в которых снялась, хотя есть среди них «Исполнение желаний», «Небо со мной», «Любовь Серафима Фролова», «Жизнь на грешной земле», «Встреча в конце зимы», «Сыщик» и много других. За них вроде бы и не стыдно, но, тем не менее, они так и не принесли ей радости... Она предпочитает считать роли, о которых мечтала, но которые ей так и не пришлось сыграть: Анну Каренину, Вассу Железнову... Кто знает, скольких лишилась потому, что не умела «задруживать» ради достижения корыстной, пусть даже творческой, цели, притворяться, просить?.. А может быть, это сохранившийся внутренний страх перед конкурсами делал ее на пробах робкой и зажатой, и разочаровывал тех, кто не умел разглядеть, что за ним?..

Но обиды свои она всегда скрывала и еще выше поднимала голову. В тридцать лет ей присвоили звание Заслуженной артистки РСФСР, а в сорок с небольшим она оказалась практически отлученной от любимого дела, потому что небольшие роли и эпизоды вообще не считает чем-то серьезным, и даже названий этих фильмов не запоминала.

Но надо было как-то зарабатывать на жизнь, и она по линии Бюро пропаганды советского киноискусства исколесила с творческими встречами почти весь Советский Союз. Ее везде узнавали, тепло принимали, объяснялись в любви.

Она стояла перед сотнями незнакомых людей — красивая, с ослепительной улыбкой, сильная и уверенная в себе — словом, олицетворение благополучия, и смертельно боялась того момента, когда кто-нибудь спросит о творческих планах... Она изо всех сил продолжала играть роль довольного жизнью человека, и зрителям незачем было знать о мучительном, изматывающем душу ожидании хорошей роли, о том, что ощущала в себе нерастраченные силы, неистребимое желание играть-играть-играть, а ее как будто спеленали смиренной рубашкой, и она словно со стороны наблюдала за своими конвульсиями в попытке освободиться...

Тяжелое время ПЕРЕ-стройки ПЕРЕ-ехало и искалечило многие актерские судьбы. И какое-то время Лариса Лужина чувствовала себя рыбой, выброшенной на берег.

— Меня жизнь научила относиться к каждому новому дню, как к подарку судьбы, ценить даже то малое хорошее, что он дает, благодарить Бога, что есть здоровье и силы работать... Как все Рыбы, я, даже выброшенная на берег, до последнего буду бить хвостом и пытаться вернуться в воду. Хотя, не скрою, бывает и так, что силы на исходе, обстоятельства наваливаются, на душе мрак... Но открою бутылку шампанского, немного выпью, пожалею-пожалею себя, — но только наедине и недолго, — и опять возьму себя в руки. Потому что с детства приучена, что нечего жаловаться на судьбу и ждать от нее подачек, надо всего добиваться самой.

Надо было иметь такой запас прочности, какими наградили ее Бог и родители, чтобы выдержать изматывающее ожидание, не спиться, не сломаться. Сколько друзей и знакомых не выстояли в этом поединке, ушли больные, озлобленные, опустошенные туда, откуда не возвращаются или за решетки и замки психиатрических клиник. Она их всех помнит... За кого свечку поставит, за кого выпьет на помин души.

Редко кому, как подруге Аллочке Ларионовой, Господь послал легкую смерть.

Большинство же долго страдали и мучались, пока Он их не призвал к себе: красавица Нонна Терентьева умерла практически в нищете, нежная Людочка Марченко — в забвении, талантливая Таня Гаврилова — угасла в психушке...

Самой большой своей ошибкой Лариса Анатольевна считает то, что не пошла в свое время работать в театр, хотя Герасимов прочил ей именно карьеру театральной актрисы: слишком много было по молодости соблазнов в виде поездок на кинофестивали, съемок (бывало, и в проходных ролях), головокружительных романов.

Мучительно долгие годы Лужина наперекор всему будет «выживать»: играть в Театр-студии киноактера, или как его еще называли — «Зоологическом», куда часто приходили просто посмотреть на любимых артистов (как в зоопарк) вне зависимости от того, что они делают на сцене. А потом от «Театра» останется только здание, где ежемесячно им, штатным артистам, как милостыню будут «подавать» триста рублей, потом не станет и этого. Вместе с Владимиром Конкиным Лужина станет играть в «Театральном анекдоте» антрепризного театра «Артефакт» при Союзе кинематографистов, — *«но денег нет, чтобы поставить это дело на ноги»*. С Александром Белявским, Валерием Бариновым, Анной Каменковой, Светланой Амановой, Юрием Черновым и Ириной Усок — в антрепризе Наума Брода «А-ля фуршет со святой водой».

Это ее счастье и ее беда, что она сильная женщина. Просто с детства она знала, что должна рассчитывать только на себя: мужа, по ее мнению, категория изменчивая и приходящая, а вот сын Павел и внуки Данилка и Матвей — это величины постоянные и значимые, которые дают силы жить, а, значит, причины задержаться подольше на земле есть. У внука Матвея наступил самый интересный возраст — постижение мира. Он, как и Данилка, с детства звал ее по имени, радостно вопил: «Лариса Лужина, иди сюда!» Прохожие оборачивались и улыбались, узнавая ее.

На ее лице нет отметин зависти, злобы, жадности и жестокости, которые время скручивает в жгуты морщин, потому что нет их и внутри. Все так же молода и очаровательна ее улыбка, полны света большие глаза. Может быть, у нее есть свой собственный секрет молодости? Лужина смеется:

— Никакого секрета нет. Просто стараюсь жить по совести и божьим законам... Я не позволяю себе депрессии и отчаянья, потому что все еще ЖДУ и НАДЕЮСЬ, что зазвонит телефон и предложат роль, о которой можно только мечтать. И я должна быть в форме и смогу показать, на что еще способна!

В последнее время ее трудно застать дома: поездки на кинофестивали по стране, игра в антрепризных спектаклях, встречи со зрителями, которые ее помнят и любят, многочисленные интервью в прессе и на телевидении. На первый взгляд кажется, что судьба вновь совершила головокружительный кульбит, но она знает, что в главном, в творческом плане, *«пока ничего особенного»*.

У Светланы Дружининой она с удовольствием снялась в сериале «Тайны дворцовых переворотов».

— Я всю жизнь играла или современниц, или женщин из военного прошлого, а тут костюмная роль: графиня Шувалова — женщина с интересной драматической судьбой. Мне так нравилось там сниматься, что я им сказал: «Ребята, готова играть у вас бесплатно». Хотя почти все артисты и так играли там бесплатно, денег не хватало, и работа над фильмом то и дело отапливалась».

Снялась в режиссерской работе Сергея Никоненко «Курортный роман» из телесериала «Перекресток судьбы». В небольшом эпизоде у Панина в «Ночи на кордоне».

Самая большая и удачная работа за последние годы — полная драматизма и человеческого тепла большая роль Татьяны Лобовой из сериала «Любовь как любовь», которую зрители оценили и полюбили.

Но она не позволяет себе расслабиться, потому что все еще ждет и надеется, что судьба пошлет новую роль, в которой она сможет доказать и другим и себе, что сочетание слов «Лариса Лужина» означает: Актриса и Талант.

Лужина Лариса Анатольевна

Родилась 4 марта 1939 года в Ленинграде.

Окончила ВГИК (1964, мастерская С. Герасимова и Т. Макаровой).

С 1964 — актриса Театра-студии киноактера.

Народная артистка РСФСР (1989).

Снималась в фильмах:

1959 — В дождь и в солнце

— Незванные гости

1960 — Человек не сдаётся

1961 — Приключения Кроша

— Человек идет за солнцем

1962 — На семи ветрах

1963 — Тишина

— Штрафной удар

1964 — Большая руда

1964–1967 — Доктор Шлюттер (ТВ-сериал, ДЕФА, ГДР)

1966 — Вертикаль

— Нет и да

1967 — Встреча (ТВ-сериал, ГДР)

1968 — Любовь Серафима Фролова

1969 — Главный свидетель

— Золото

1971 — Путина

1972 — Гонщики

1973 — Жизнь на грешной земле

— Исполнение желаний

1974 — Кыш и Двапортфеля

— Небо со мной

— Совесть

1975 — Роса

— Ярослав Домбровский

1976 — Жить по-своему

— Так начиналась легенда

— 72 градуса ниже нуля

1977 — Долг

— Четвертая высота

— Самый красивый конь

— Встреча в конце зимы

— Расмус-бродяга

— Встречи

1979 — С любимыми не расставайтесь

— Сыщик

1982 — Год активного солнца

1983 — Срок давности

1984 — Хроника одного лета

1985 — Внимание! Всем постам...

1986 — Железное поле

— Тайны мадам Вонг

1992 — Непредвиденные визиты

— Трактористы II

— Виновата ли я...
— Цена соковок
1994–1995 — Петербургские тайны (сериал)
1995 — Тихий ангел пролетел...
1996 — Третий сын
2000 — Дом для богатых
— Тайны дворцовых переворотов. Россия. Век XVIII.
Вторая невеста императора
2001 — Курортный роман (сериал)
— Ночь на кордоне
2002 — Светские хроники (сериал)
2003 — Нет спасения от любви (сериал)
2003 — Тайны дворцовых переворотов. Россия.
Век XVIII. Смерть юного императора
— Амапола
2004 — На углу, у Патриарших-4
— Прощальное эхо
— Опера. Хроники убойного отдела (серия «Стрелка»)
— О любви в любую погоду
2005 — Юнкера (сериал)
— Охота на Изюбря (сериал)
— Казус Кукоцкого 2006—2009
— Любовь как любовь (сериал)
— Мой ласковый и нежный мент
— Сыщики-5
— Под Большой медведицей
2007 — Май
— Возвращение Турецкого
2008 — Жулик
— Дар божий
2009 — Аннушка
— Повороты судьбы
2010 — Маруся
— Муж поневоле

Лариса Лузина на фоне своего портрета, нарисованного мужем, оператором Чардыниным, на обоях

Нинель Мышкова: она обещала вернуться

В небольшом зале Дома культуры было очень холодно: если зимой не топить, то забываешь, что находишься в центре Каракумов, которые в представлении тех, кто там ни разу не был, — место вечной жары.

Она решительным жестом остановила попытки хлопотавших вокруг накинуть на нее дубленку: «Я — актриса, и эти люди заплатили деньги, чтобы на меня посмотреть!», — и вышла на сцену. Пятичасовой сеанс — самый «тяжелый» зал: это в основном женщины, сбежавшие пораньше с работы, и прихваченные по пути из садиков дети. В маленьком городке все друг друга знают и радуются возможности пообщаться, обсудить последние новости и общих знакомых, поэтому на подобных мероприятиях обычно стоит спрессованный в плотную пелену гул. Но когда показалась ее по-девичьи стройная фигурка в длинном светлом платье с люрексowymi искрами, все разом стихло. А после первых слов: «Здравствуйте! Я очень рада встречи с вами», — зал взорвался восторженными аплодисментами. Она смотрела на эти радостные лица и понимала, что ошибиться нельзя: ее любят, помнят, она нужна!

— Я вижу, здесь собралось много детей, поэтому давайте начнем с того, что будет им интересно. Моя первая «сказочная» роль — Царевна Ильмень из фильма «Садко»...

Она рассказывала о фильмах, об актерах, с которыми снималась, и все напряженно слушали, затаив дыхание. После слов: «Сейчас вы увидите фрагменты из фильмов „Садко“ и „Марья-искусница“, а я на время с вами попрощаюсь», — повернулась, чтобы уйти со сцены. И тут же ей в спину вонзился пронзительный детский крик: «Как? Это уже все?» В нем был такой неподдельный ужас от мысли, что ее больше не увидят, что она остановилась, улыбнулась и сказала:

— Я еще вернусь!

Но Нинель Константиновна Мышкова все-таки невольно обманула: к миллионам зрителей, которые мечтали вновь увидеть ее на экране, она не вернулась никогда.

В 1976 году вышел ее последний фильм «Сто грамм для храбрости». В чем-то смешной, где-то грустный — явная антиалкогольная агитка. И все. Шли годы, она была по-прежнему «в форме»: талантливая, красивая, готовая к работе... Но работы не было. Правда, по свидетельству сына, Константина Константиновича Петриченко, какое-то время сценарии ей присылали, но, вероятно, неинтересные, раз она отказывалась. А потом и такие присылать перестали. В мире кино легко выпасть из «обоймы», и про тебя сразу забывают, потому что вокруг полно согласных на любую работу. В 1982 году она в последний раз мелькнула на экране в эпизоде сериала «Гонки по вертикали», и все — жирная горизонтальная черта, подытоживающая творческую жизнь в кино...

Какое-то время спасала палочка-выручалочка — Бюро пропаганды советского киноискусства. По его линии она объездила практически весь тогда еще «великий» и «могучий» Союз. И нигде и никогда не позволяла себе подхалтурить: это были большие интересные программы, которые она тщательно готовила, выкладываясь потом на сцене на все сто. И по реакции залов видела, что не напрасно. Потом не стало БПСК. Ее звали на встречи все реже и реже...

На мои расспросы о Мышковой в середине 90-х «киношники» пожимали плечами или отвечали встречным вопросом: «Как? Она жива?»

А она была еще жива. И жила в Москве, все в том же доме № 12 на Чистых Прудах. Раньше это был престижный дом Военного ведомства, в который в конце 30-х она въехала с родителями. Правда, очень давно о ней никто не писал, тусовок же и по молодости не любила. Ее не сломило жестокое забвение киномира, но постепенно сделали свое черное дело болезни, заперев в четырех стенах квартиры.

Долгие годы она прожила в «тени», но экран сохранил ее прекрасное лицо, изящную фигуру, красивый грудной голос и запоминающиеся образы ее киногероинь...

О ней вспомнили в сентябре 2003 года, чтобы сообщить о ее кончине. Говорили приличествующие моменту слова, вспоминали ее роли. А с портретов смотрела и загадочно улыбалась роскошная красавица, вечно молодая.

Лида из фильма «Дом, в котором я живу», Лидия из «Дома с мезонином», Оля из «Человека ниоткуда»... «Гадюка» — Ольга Зотова, ставшая главной ролью жизни... За тридцать лет работы в кино около трех десятков ролей. Есть среди них главные, есть небольшие... Так мало! Шестидесятые годы — это не только период «малюкартинья», но и время, когда режиссеры старались не снимать яркие, красивые лица. Оно и понятно: у станка, на поле, с кайлом и лопатой привычно смотрелись «женщины из толпы». Красавиц в основном приглашали на отрицательные роли: ну не вписывались они в советский быт и «трудовые будни». Вот и у Мышковой таких ролей хватает: Немировская из фильма «Человек меняет кожу», Ольга из «Легкой жизни», Ланская из «Доктора Веры»...

Читая некоторые киноведческие статьи нашего недавнего прошлого, диву даешься, насколько заидеологизированно судили ее героинь. А ведь в принципе, за то, что Мышкова в силу своего обаяния так и не смогла сделать их отталкивающе-отрицательными, сама не осудила — и зрители «камня ни бросили»... Они ведь у нее живые: с обычными слабостями и грехами. Они женщины до кончиков ногтей, и хотят одного: любить и быть счастливыми, потому и вызывают к себе симпатию. Несмотря на то, что «отрицательные». Не этого ли не могли вам простить, Нинель Константиновна, те, кто делал «правильное» кино?.. Но именно за это ее любили и продолжают любить зрители, радуясь каждой новой встрече с ее «старыми» фильмами.

Ева

Мышкова родилась 8 мая 1926 года в Ленинграде. Как оказалось почти через два десятка лет, угадала как раз в канун светлого Праздника Победы, очень важного в жизни дочери кадрового военного. И свой день рождения Нинель Константиновна привыкла отмечать 9 мая, всегда отдавая приоритет этому событию перед фактом своего появления на свет. А все же не даром, ох не даром, народ месяц май не жалуется, потому как рожденным в этом месяце маяться приходится немало. Хотя... Знать бы, в каком месяце выдают талоны на счастливую жизнь?.. А тут к тому же и красивой уродилась, — опять же, народ по этому поводу советует не очень-то радоваться...

Ее отец, Константин Романович, был из бедной белорусской крестьянской семьи. Выбрав военную стезю, сделал неплохую карьеру и революцию встретил в чине унтер-офицера. Полк, в котором он служил, одним из первых перешел на сторону большевиков. И всю свою оставшуюся жизнь он верой и правдой служил власти Советов, вплоть до самой смерти в 1942 году. А случилась это, когда заместитель начальника Главного артиллерийского управления Красной Армии летел по делам в район Сталинграда. Самолет совершил вынужденную посадку вблизи линии фронта, а невесть откуда взявшееся звено вражеских истребителей за считанные секунды обрушило на беспомощную на земле стальную птицу и ее пассажиров смертоносный огневой шквал... По странной прихоти судьбы это произошло в тот самый день, 10 августа, когда его жена и дочь вернулись в Москву из эвакуации. Похоронен генерал-лейтенант К. Р. Мышков на Новодевичьем кладбище.

Его супруге Наталье Васильевне и единственной дочери пришлось учиться жить без него. Это было очень трудно, потому что эта маленькая семья была крепко цементирована любовью, заботой и нежностью. Даже имя красивое, загадочное и, как считают многие, заграничное «Нинель», придумал для нее отец. А означает оно ни много ни мало — анаграмму «Ленин». Но, отдав, так сказать, дань идеологической моде, дома коммунист Мышков звал дочку библейским именем Ева. Оно прижилось у родных, друзей и близких знакомых. Даже потом, когда Нинель Константиновна станет известной актрисой, оно будет возникать то тут то там в статьях и интервью, сбивая с толку тех, кто по круплицам собирал о

ней скудные сведения. Потому как о себе она говорить никогда не любила, а друзья — «иных уж нет, а те — далече»...

По заверениям одних, Нинель мечтала стать летчицей, но пожалела мать, которая при этом слове хваталась за сердце. По ее собственным словам из давнего интервью, сохранившегося в семейном архиве, хотела быть врачом. Даже на двухгодичные курсы медицинских сестер поступила, будучи, кстати сказать, уже студенткой Щукинского театрального училища. Возможно, поначалу Мышкову и терзали сомнения в правильности избранной профессии, но дальнейшая учеба и участие в студенческих спектаклях, которые не только принесли ей творческое удовлетворение, но и выделили ее среди многих, заставили о ней говорить, помогли окончательно определиться.

В их доме была богатая библиотека — родители заразили дочь страстью к хорошим книгам, к классике. Поэтому с особым удовольствием в училище Нинель играла роли классического репертуара, которые знала и любила с детства. Это Лариса из «Бесприданницы», Джульетта и Офелия, донна Анна.

Ее дипломной работой стала роль леди Анны в спектакле «Ричард III». Казалось бы, подобные роли и должны были стать в дальнейшем основополагающими в ее творчестве, потому что даже внешне, со своими мечтательными голубыми глазами, мягкими чертами лица и изяществом движений она была какой-то несовременной, отрешенной от людей и окружающей действительности. К сожалению, в ее дальнейшей киносудьбе кроме сказочных героинь будут всего две костюмные роли: Лезвина в «Капитане первого ранга» и Лидия Волчанинова в «Доме с мезонином». Не занимаясь искусствоведческим анализом ее работ, одно можно сказать смело: ну до чего она же хороша и естественна в костюмах и антураже начала XIX века! Видна в ней особая стать, «порода» — не сыгранная, а генетическая, от дворян Парфеновых по материнской линии. Правда, дворян обедневших, до революции владевших в Питере извозом. «Голубой» кровью гордиться у них было не принято: старшие трудились и детей воспитали в уважении к труду. Так же станет воспитывать свою дочь и Наталья Васильевна. Несмотря на внешнюю хрупкость, утонченность и обманчивую непригодность к жизни, по свидетельству сына:

— Матушка была хозяйка себя и всего вокруг. Она все умела делать своими руками. Легко управлялась с молотком и дрелью, забивала дюбеля, вешала шторы, делала ремонт, реставрировала мебель... Было сложно с мастерскими — сама чинила обувь. Очень любила и чисто женские занятия: искусно вышивала, вязала. Прекрасно шила — все вещи носила, сшитые своими руками. Даже шубы.

Да и знания и навыки, полученные на медицинских курсах, ей впоследствии не разгодились. Еще студенткой Нинель Мышкова дебютировала в кино, сыграв в фильме режиссера Александра Файнцимера «За тех, кто в море». Ее военврач Женя Шабунина была очень обаятельна и достоверна, и критики и зрители приняли работу молодой актрисы вполне благосклонно. Как вспоминает сама Мышкова:

— Я гордилась тем, что мои консультанты-врачи не сделали ни одного профессионального замечания.

Потом будет опять фильм про врачей. Это «Сердце бьется вновь» Абрама Роома, в котором она сыграет небольшую роль Нины. А в 1965 году, несмотря на достаточную «начально-медицинскую подготовку» и две роли женщин в белых халатах за плечами, она будет ездить с врачами «неотложки» по вызовам, внимательно приглядываться к ним, чтобы создать правдивый образ врача «скорой» Ольги из фильма «Ноль три». Но, естественно, если бы она лишь правдиво изображала профессиональные навыки, то об актрисе Мышковой говорить было бы нечего. Нет, она всегда была неожиданна и неоднозначна, и порой схематично выписанные в сценариях образы героинь наделяла индивидуальностью и лиризмом.

Когда Нинель училась на первом курсе, в Щукинское училище вернулся с фронта Владимир Этуш. Вот что он вспоминает в своих мемуарах «И я там был»:

— Вскоре мне предложили преподавание на первом курсе в качестве ассистента

педагога по мастерству актера. И тут-то я встретил Нинель Мышкову. Она училась на первом курсе вахтанговского училища. Я был в то время для нее романтическим героем, испытавшим все превратности военного времени, и это нас сблизило. Ева, как она назвала себя сначала, влюбилась в меня. Не могу сказать о себе того же, но я не сопротивлялся. И Мышкова стала моей первой женищиной, первой женой.

Несколько, на мой взгляд, цинично. Впрочем, дальше Владимир Абрамович пишет: «...И постепенно мое чувство, вернее, отсутствие чувства, стало перерастать в привязанность. И в конце концов я полюбил свою молодую жену...»

Дальше он весьма детально (кроме изменяющих памяти названий фильмов) описывает историю увлечения молодой супруги «стариком» — композитором (речь идет об известном композиторе итальянского происхождения Антонио Спадавеккиа, написавшем музыку к огромному числу фильмов, в том числе и к картине «За тех, кто в море». — *Прим. авт.*), к которому Ева-Нинель от него ушла. Есть в воспоминаниях Этуша и рассказ о встрече с этим композитором спустя несколько лет на ялтинском пляже, где тот пытался вызвать у бывшего мужа сочувствие: «Как она поступила! Как поступила!» Оказывается, она и его бросила.

Мне же за этими фразами видится незажившая с годами обида брошенного мужчины, который поначалу недоумевал: «Не мог же я допустить, что Ева меня, молодого, красивого, ей самой выбранного, поменяет на старика!» Видимо, все же Нинель Мышкова была из тех женщин, которых не забывают.

Как в сказке

В 1947 году, к моменту окончания Щукинского училища, Мышкова успела заявить о себе в кино, но только через долгих пять лет на экраны вышел новый фильм с ее участием — «Садко», первый в ее «сказочной кинотрилогии». Она сыграла в нем роль Ильмень-царевны. Ее подводная царевна оказалась такой по-человечески понятной, женственной, любящей и страдающей, что не запомнить ее было просто невозможно. И не влюбиться тоже. Правда, в фильме гусяр Садко крепко хранил верность своей Любаве, но подводная царевна не мстила ему за это, а спасла. Чем, помимо своей красоты, и завоевала бесповоротно сердца зрителей.

Режиссер Александр Птушко в свой фильм по мотивам онежских былин пригласил звезд первой величины — Сергея Столярова, Ивана Переверзева, Николая Крючкова, Сергея Мартинсона и начинающих актрис Нинель Мышкову и Аллу Ларионову, двух молодых красавиц советского кино. В их таких непохожих жизненных и творческих судьбах все-таки будет нечто общее: это было время, когда все «играли любовь» на съемочной площадке и жили в атмосфере влюбленности за ее пределами. На съемках этой картины вспыхнет роман между Переверзевым и Ларионовой. «Садко» сведет вместе Мышкову и второго оператора картины Константина Петриченко.

Его звали Константин. Как отца, о котором она всегда будет тосковать, черты которого станет искать в окружающих мужчинах. Константин Никифорович был на одиннадцать лет старше Нинель-Евы. Высокий темноглазый украинец, с волосами, как смоль, он был красив и очень нравился женщинам. Но, скорее всего, привлек к себе внимание и расположение будущей жены тем, что при мужественной внешности был мягким, добрым и нежным. И надежным, «твердым и постоянным», что и означает в переводе с латыни его имя.

В 1953 году они поженились. Их брак начался со сказки. И продолжался, как сказка. Кажется, иначе и быть не могло: оба красивые и талантливы, две яркие личности. Через год у них родился сын, которому мать даст любимое мужское имя — естественно, Костя. Константин. В дальнейшем, чтобы не путаться, одного Петриченко станут дома звать Костей-старшим, второго — Костей-младшим.

И дальше у них все развивалось по законам сказки. Отношения родителей были основаны на любви, заботе и взаимном уважении. На радость им будет расти сын послушным и добрым ребенком, развитым не по летам. (Это сегодня четырехлетние

малыши, читающие книжку, не диковина, а в то время — не скажите!) Родители не баловали любимое чадо, но, несмотря на вечную занятость, находили время на общение с ним, прогулки и игры. Отдельное спасибо бабушке: по своей дворянской привычке она рано научила внука ценить время, заполнять его полезным делом.

Вскоре на экране Мышкова опять окажется в сказке. Это будет Василиса — невеста, а потом жена богатыря из картины «Илья Муромец», и Марья-искусница, давшая название фильму Александра Роу. Нинель органично вписывалась в условный мир фантазии, где героини сильны и непобедимы, а их возлюбленные прекрасны и верны. Благодаря талантливой режиссуре, ярким актерским работам и «несовременной» красоте Мышковой в том числе, даже в наше время виртуальных технологий эти скромные по техническому уровню фильмы смотрятся с интересом. На них выросло не одно поколение, и сегодня, когда их в бесчисленный раз показывают по телевидению, зрители возле экранов собираются всей семьей.

В свое время торжественно с мамой или бабушкой за руку ходил на них «в кино» и маленький Костя Петриченко. Видя на экране любимое лицо, он не чувствовал ни удивления, ни безумного желания всех оповестить: «Смотрите: это моя мама!» Потому что с раннего детства для него кино было самым обычным делом: маминой работой. Даже если это сказка. Как и многие актерские дети, он бывал в киноэкспедициях и не испытывал пиетета перед кинопроизводством, напротив, — скорее досаду за то, что оно отрывает родителей от общения с ним.

В 1957 году на экраны вышел фильм Льва Кулиджанова «Дом, в котором я живу». Одна из его главных героинь — Лида в исполнении Мышковой. Она далека от идеала советской женщины, она вне «трудовых подвигов» и поиска своего места в советском обществе. Один критик той поры эту героиню определил, как «потребительскую пассивность» и «эгоистку». Сегодня можно поспорить с такими оценками. Ведь у каждой медали есть две стороны.

И если на одной — фанатичная любовь человека к своему делу, подчинение ему своей жизни, то на оборотной оказываются близкие ему люди, которым не хватило теплоты, заботы, внимания. Разве не эгоистичен тот, кто заставляет других жить по придуманным для себя законам, подавляет их личность, мечты и интересы, заставляет страдать?.. Словом, тем, кто не смотрел на Лиду Каширину сквозь «идеологические очки» в особенности женщинам, она была симпатична и понятна.

Работу над этим фильмом Нинель Константиновна всегда вспоминала с удовольствием:

— *Режиссеры Кулиджанов и Сегель придерживались правила: Не мешать артисту играть хорошо и мешать играть плохо.*

На картине собралась замечательная актерская команда. И отношения между такими звездами, как Михаил Ульянов, Евгений Матвеев, Валентина Телегина и начинающими актерами — Жанной Болотовой, Владимиром Землянкиным и другими были самые теплые и дружеские. А какими они были с Мышковой? Об этом можно судить хотя бы по трогательной надписи на фотографии из фильма, что сделал Евгений Матвеев: «Ева! Если бы Вы знали, какое наслаждение с Вами работать! Спасибо!..» Для них она была «Евой», что означало пропуск в мир ее друзей. Вернее, приятелей. Потому что внешне Нинель Константиновна была человеком открытым, но в душу к себе не пускала. Сын об этом говорит так:

— *Матушка — человек самостоятельный и самодостаточный. Она всегда была одиночка, сама по себе.*

К середине 60-х Нинель Мышкова стала одной из звезд отечественного кино и чуть не самой «снимаемой» на фото актрисой. Хотя считала себя нефотогеничной и признавалась, что позирование перед фотокамерой отнимает у нее массу времени и сил. В это трудно поверить, глядя на многочисленные фотографии, в разное время запечатлевшие ее красоту. Если бы советским актерам платили за их продаваемые «карточки», то, несомненно, Мышкова была бы одной из самых богатых женщин в СССР. Но они ничего не получали за тиражирование своих лиц, порой и не знали, что какие-то их портреты всюду печатали

типографии. Даже если сами себе на них не нравились.

* * *

Помню, как в далеком туркменском городе Небит-Даге, где я тогда работала редактором газеты, мы пригласили Мышкову, приехавшую на творческие встречи, в гости. Она долго отказывалась:

— Вы же пирогов напечете, а мне нельзя!

Она, в отличие от нас, строго следила за фигурой. Мы клятвенно обещали — ни-ни! И она пришла в редакцию с пакетиком своих сухарей, которые запивала чаем. Когда я разложила перед ней пятнадцать ее фотографий из моей коллекции актеров, которую собирала с первого класса, Нинель Константиновна ахнула:

— Я даже не видела эту! И вот эту...

Нинель Константиновна взяла в руки мою любимую фотографию, где она снята вполоборота с обнаженными плечами — Кишиневского комбината «Кишинэу-фото» 1968 года, и меня чуть не хватил удар! Она все поняла по моему лицу, засмеялась и сказала: «Нет-нет — только посмотреть!» Взяла ручку и вывела на «плечике», как выразилась: «*Н. Мышкова*». А на обороте написала не очень разборчивым (я бы сказала «докторским») почерком: «Милая Люда! Желаю Вам всего самого доброго в жизни: здоровья, счастья вам и любви! С уважением, Н. Мышкова».

А через несколько лет, когда я работала над этой книгой, сын Мышковой Константин Петриченко подарил мне из семейного архива множество фотографий матери, в том числе и уникальные — с кинопроб. Так что, к моей огромной радости, моя коллекция фотографий актрисы Мышковой значительно пополнилась.

* * *

Одной из первых цветных фотографий артистов в нашей стране был портрет «Нелли», как ее там более привычно называли, Мышковой работы известного фотографа Г. Тер-Ованесова. Красная шелковая блуза-рубашка (кстати, собственноручного изготовления), браслет и серьги с бирюзой под цвет глаз — утонченная красавица, так и хочется сказать «иностранный» вида. Она действительно всегда за собой тщательно следила.

— Я не помню ее дома в мятом халате, — вспоминает К. К. Петриченко, — всегда одета со вкусом, с прической... Не помню, чтобы родители ссорились, повышали голос: в семье царила особая атмосфера покоя, тепла и уюта. Все очень любили праздники. Особенно Новый год с непременно бабушкиным фантастическим «Наполеоном». А какие мама и бабушка пекли потрясающие пирожки!

Нинель Мышкова любила сама устраивать праздники по разным поводам, чтобы лишний раз порадовать близких людей и порадоваться самой. И очень любила делать подарки — гораздо больше, нежели самой их получать. Сын вспоминает, сколько фантазии она вкладывала, чтобы придумать что-то особенное, остроумное и памятное. В таких домах очень хорошо живется не только людям, но и животным.

— Когда я был маленький, — рассказывает Константин Петриченко, — у нас жили собачка по кличке Ремешок — классическая дворняга, которую мама как-то подобрала на улице, и кот Пунька. Жили мирно. Это было время, когда почтовые ящики были на дверях, и каждое утро почту разносили по квартирам. В дверь звонили, бабушка открывала, почтальон вручал газету собаке, и та отправлялась с ней в спальню к родителям. Ее маршрут пролегал через большую комнату, где в кресле устраивал засаду кот. Каждый раз он набрасывался на Ремешка, стараясь отнять газету. Это происходило ежедневно, как ритуал, и называлось у нас «Нападение на почту»: короткая драка, и гордая собой собака несла дальше потрепанную в схватке газету.

Потом они оба умерли от старости. Потом был кот — жуткая сволочь, тоже

найденный матушкой на улице. Потом мама принесла в дом собаку, — точную копию Ремешка: рыжую, с хвостом кольцом. Она прожила у нас долго. Матушка железно в любую погоду гуляла с собакой три раза в день.

Но, при всей идилличности семейного бытия, у этой «сказки» оказался печальный конец: ее главные герои расстались, прожив вместе шестнадцать лет.

«Викторианский» период

В 1962 году Нинель, или Нелли Мышкова, как ее имя переименовали в статьях и на открытках, в изобилии украшавших окошки тогдашней «Союзпечати», была утверждена на одну из ролей в фильме «713-ый просит посадку» (ее потом сыграет Людмила Шагалова), но вдруг отбыла на пробы в Киев. Чем, естественно, вызвала большое недовольство и даже обиду съемочной группы. Была ли это картина «Здравствуй, Гнат!», мы вряд ли узнаем: режиссера давно нет в живых, Украина стала границей, и так запросто с Киностудией им. А. Довженко уже не связаться, а сама Нинель Константиновна спустя годы не могла ничего рассказать: церебральный атеросклероз, как компьютерный вирус, постепенно стирал информацию в памяти...

Тем не менее, с этого года в ее жизни начинается новый этап: «довженковский» (по названию киностудии) или «Викторианский» (от имени режиссера Виктора Ивченко). (Деление на «этапы» мое, и ни в коей мере не претендует на научность! — *Прим. авт.*)

Виктор Илларионович был значительно старше Мышковой и к моменту их встречи уже был известным режиссером, Народным артистом Украинской ССР, поставившим такие фильмы, как «Чрезвычайное происшествие», «Иванна», «Лесная песня» и другие. Талантливый человек, немногословный, но остроумный собеседник, он обладал габеновским шармом. Хоть его звали и не Константин, но от него исходила основательность и спокойная надежность, что напоминало Еве любимого отца, культ которого она сохранила на всю жизнь.

Мышкова снялась в семи фильмах Ивченко. Сначала как любимая актриса, потом как любимая женщина и жена.

По воспоминаниям присутствовавших на пробах фильма «Здравствуй, Гнат!», едва Мышкова вошла в кадр, режиссер воскликнул: «Я закохався!» Собственно, проб и не было: актрису тут же утвердили. Ивченко понял, что не просто влюбился, — эта встреча перевернула всю его жизнь. Поэтому сразу сказал своей жене, актрисе Ольге Ножкиной: «Оля, я встретил женщину, без которой уже не смогу жить. Пойми меня и прости». Но Ольга Владимировна была женщиной крутого нрава, и измены мужу не простила. Она не только не пришла на Баковое кладбище, когда хоронили Виктора Илларионовича, но даже позже на похороны сына Бориса не пришла, бросив резкое, что его кладут в одну могилу с «обидевшим ее человеком»...

Нинель Мышкова — человек щепетильный в вопросах порядочности, тоже сразу поставила в известность супруга, что полюбила другого. Когда сыну было пятнадцать, родители развелись. Вполне цивилизованно и мирно, навсегда сохранив теплые, дружеские отношения.

— Я не могу сказать, — вспоминает К. Петриченко, — что страдал, когда родители развелись. Я очень хорошо относился к Виктору Илларионовичу, и он ко мне тоже. Я уже был достаточно взрослым парнем. Трагедии безумной не было. Я вообще не доставлял больших проблем. Отношения мамы с отчимом помнятся, как отношения любящих людей. Очень нежные, светлые.

Десять лет Нинель Константиновна будет разрываться между Киевом, где муж и любимая работа, и Москвой, где в доме на Чистых Прудах остались Костя с бабушкой. И, что называется, «жить» в поезде. Он назывался «Первый» Москва — Киев: в десять вечера — на Киевский вокзал, а в семь утра уже на месте, в Киеве. Чтобы через несколько дней проделать тот же маршрут в обратном порядке.

Сын считает:

— *Думаю, это полезно для брака: каждая встреча несет в себе элемент новизны.*

В 1966 году специально под Мышкову Виктор Ивченко поставил свой самый знаменитый фильм «Гадюка». И пусть потом его будут упрекать в поверхностном прочтении первоисточника, в том, что психологическая достоверность характеров героев Алексея Толстого уступила романтической условности, — зрители картину полюбят. За нее режиссер получит Госпремию Украины, а Нинель Константиновна — Диплом Всесоюзного кинофестиваля 1966 года. Наверное, в чем-то упреки критиков были справедливы, в том числе и в адрес актрисы, «упростившей» сложный образ, не сумевшей показать героиню такой, как у писателя, — «тощей и злой, как гадюка».

Что поделать, она была в картине хороша и в гимназической форме с белыми бантами в косах (хотя в ту пору ей уже было сорок!), и в уродливом бесформенном платье, и в галифе на лошади... В ее героине всегда, как трава сквозь асфальт, пробивалась неистребимая женственность.

Позже на творческих встречах она с удовольствием будет рассказывать, как снимался этот главный в ее жизни фильм. И про норовистого коня, на котором пришлось скакать; и про его хозяина-грузина, выбравшего кавалерию, чтобы не расставаться с другом, которого тот вырастил из жеребенка; и про воздушную девушку-балерину, сумевшую за считанные минуты укротить дикий нрав скакуна и выполнять на нем за героиню самые сложные трюки, и про замечательную атмосферу на съемочной площадке. А зрители будут завороченно слушать, ловя себя на мысли, что в силу потрясающей образности рассказа актрисы они в тот момент словно *видят* фильм о фильме. Да, рассказчиком она была необыкновенным! Только вот о своем падении с коня она никому не скажет, хотя оно изматывающей болью в позвоночнике будет ежесекундно напоминать о себе долгие годы. Но актриса всегда следовала железному правилу: проблемы и болезни прятать подальше. Даже от самых близких.

В августе 1972 года Виктор Илларионович выехал в Ростов-на-Дону на выбор природы для очередной картины «Когда человек улыбнулся». Он не умел жалеть себя, пропуская через сердце все, что происходило с ним, с любимыми людьми, друзьями и коллегами... После того как Папа Римский проклял его картину «Иванна», и один за другим ушли из жизни несколько человек из киногруппы, в том числе и актриса Инна Бурдученко, сыгравшая главную героиню, у него случился первый инфаркт. В том году на Дону стояла страшная жара, и у Виктора Илларионовича случился гипертонический криз, спровоцировавший четвертый инфаркт. Нинель Константиновна срочно вылетела к мужу. Там в ростовской больнице 7 сентября Виктор Ивченко и скончался на руках супруги.

Для Мышковой это был страшный удар. Но даже предаваться горю у нее не было возможности: за одну ночь она сшила траурное платье, а потом бегала по инстанциям, организовывая перевоз гроба с телом супруга, сидела с ним рядом в самолете. На киевском кладбище не просто простилась с любимым мужчиной, но и положила к нему в гроб все письма, что они писали друг другу, — чтобы ни чужие глаза, ни чужие руки никогда не прикоснулись к самому сокровенному. А после похорон она уехала из Киева. Навсегда.

С той поры в анкетах станет писать «вдова».

При всей своей красоте и неотразимом обаянии Мышкова больше замуж не вышла. Возможно, потому что не найдет среди мужчин никого похожего на своего отца, «надежного» Константина, или «победительного» Виктора. А, возможно, просто и не станет больше искать. Сын больше никогда не видел в их доме на Чистых Прудах мужчин, кроме коллег в качестве редких гостей.

Одна среди людей

Из характеристики на Заслуженную артистку РСФСР Мышкову Нинель Константиновну:

«Актрису Мышкову Нинель Константиновну отличают большое трудолюбие, требовательность к себе и своему творчеству, скромность, выдержанность, принципиальность и высокое чувство гражданственности, ярко проявляющиеся во всей ее профессиональной и общественной деятельности».

За этим безликими словами-штампами трудно разглядеть настоящего, живого человека. Но с многочисленных фотографий, запечатлевших ее в составе советских делегаций по всему миру, на шефских концертах в воинских частях, на встречах со зрителями она лучится доброй улыбкой, пожимает протянутые отовсюду руки, весело машет приветствующим ее людям. Она объездила, пожалуй, все «медвежьи» уголки Союза. Это не были привычные сегодня «чесы» по провинции ради «зашибания бабок», — в то время ставка Заслуженной артистки за выступление была четыре с чем-то рубля.

Как-то она сказала, что жалеет только о том, что не пошла в театр. Работать, естественно. Но когда оказалась отлученной от кинематографа, сцена оставалась с ней. Хоть и не театральная, но все равно ведь перед зрителями. А они всегда и везде самые что ни есть настоящие. И она каждый раз на разных сценах прекрасно играла свою «роль».

Чем заполняла время между поездками?

— Никогда не видел мамушку праздно сидящей перед телевизором, — всегда была чем-то занята. Она сама хорошо рисовала и очень любила живопись, поэтому посещала вернисажи, музеи. Много читала. У нее были интересные, порой парадоксальные суждения по всем вопросам, в том числе и в политике. Мама очень хорошо разбиралась в людях. У нее был в этом отношении какой-то дар: магнетизм или экстрасен-сорность? Она не производила чудеса и не двигала по столу спичечные коробки, но людей видела насквозь. Достаточно было пообщаться с человеком 1–2 минуты, переброситься парой фраз, и она давала ему четкую оценку. Десятки раз убеждался в ее правоте. Я всегда помнил, что мамина оценка — это истина в последней инстанции, — вспоминает сын.

Постепенно будут навсегда уходить друзья и приятели. В 1994 году не станет Константина Никифоровича Петриченко. Талантливый оператор, снявший множество известных фильмов, среди которых «Безумный день», «Мама», «Любовь моя, печаль моя» и многие другие, и просто хороший человек, он прожил долгую жизнь и оставил по себе светлую память и грусть.

Впервые в 1986 году на долгие семь лет ее покинул сын, получив назначение пресс-атташе советского посольства во Франции. В свою вторую командировку в Париж он возьмет мамушку с собой. Любовь к Франции и французскому языку привила Еве еще в детстве мать. Та по дворянской традиции французским владела в совершенстве и дочь обучала. Потом язык она изучала в школе и Щукинском училище, так что в анкетах писала с полным на то основанием: «Владею французским, украинским, польским». Но город-музей, столица влюбленных, не порадовал Нинель Константиновну: она уже была тяжело больна и не могла наслаждаться его красотами. Сын консультировался с ведущими французскими врачами, — но их вердикты лишь подтверждали «приговор» советских медиков.

Вполне очевидно, почему Константин Петриченко (младший) пошел учиться во «французскую» спецшколу. А потом поступал в МГИМО, избрав для себя профессию дипломата. Это без какой-то ни было протекции! И, естественно, «пролетел». Но после армии своего добился и факультет международных отношений закончил. Сейчас он «карьерный дипломат» — есть такой красивый термин, работает советником Информационного управления Президента и живет все в том же доме своего и маминого детства.

...Ту встречу со зрителями, с которой начался наш рассказ, Нинель Константиновна завершила необычно. С улыбкой всматриваясь в лица оказавшегося «легким» зала, она сказала:

— Я хочу поблагодарить вас: вы замечательно воспитываете своих детей! Как вам это удастся?

И одна совестливая мамаша не сдержалась: «Это вы их воспитываете! Это вам спасибо!»

Зрители долго хлопали любимой актрисе — как еще они могли выразить свои чувства? С цветами там было сложно даже летом. Получилось, что это она всех щедро одарила, оставив в душе каждого частичку своего света. А тот маленький мальчик, что закричал от страха, когда она уходила со сцены, сказал: «Мама, когда я вырасту, обязательно женюсь на Марье-искуснице!» Я это знаю наверняка, потому что это был Женька, пятилетний сынишка моей подруги.

Нинель Мышкова навсегда осталась мечтой поколений, хоть и скончалась в забвении 13 сентября 2003 года. Так и не дождавшись рождения внука, которого по семейной традиции тоже назвали Костей...

Сын похоронил «матушку», как любовно-несовременно всегда называл и продолжает ее называть, на Новодевичьем кладбище в могиле генерал-лейтенанта Константина Романовича Мышкова — отца и деда.

Мышкова Нинель Константиновна

Родилась 8 мая 1926 года в Ленинграде.

Скончалась 13 сентября 2003 года в Москве.

Окончила Театральное училище им. Щукина (1947).

В 1947–1970 работала по договорам.

В 1970–1983 — актриса Театра-студии киноактера.

Заслуженная артистка РСФСР (1976).

Снималась в фильмах:

1947 — За тех, кто в море

1952 — Садко

1956 — Илья Муромец

— Сердце бьется вновь

1957 — Дом, в котором я живу

— Капитан первого ранга

1959 — Марья-искусница

— Человек меняет кожу

1960 — Дом с мезонином

1961 — Человек ниоткуда

1961 — Никогда

1962 — Здравствуй, Гнат!

1963 — Серебряный тренер

1964 — Легкая жизнь

1965 — Гадюка

— Ноль три

1966 — А теперь суди

1967 — Десятый шаг

— Доктор Вера

1968 — Крах

— Мужской разговор

1969 — Падающий иней

1970 — Путь к сердцу 1972 — Софья Грушко

1974 — Большое космическое путешествие

1975 — Лесные качели

1976 — Сто грамм для храбрости 1982 — Гонки по вертикали (сериал)

Нинель Мышкова

Нинель Мышкова с Евгением Матвеевым
и Владимиром Земляниным на съемках фильма
«Дом, в котором я живу» (1957 г.)

Нинель Мышкова и Юрий Яковлев
на съемках фильма «Легкая жизнь» (1964 г.)

С Борисом Зайденбергом,
кадр из фильма «Гадюка» (1965 г.)

Руфина Нифонтова: трагическая клоунесса

После трагической смерти Руфины Нифонтовой в октябре 1993 года, как водится, о ней вспомнили все. Появились статьи, в которых авторы дружно сокрушались по поводу того, что и театр и кино не в полной мере использовали ее уникальные возможности, не скупилась на чрезмерные восторги по поводу ее таланта, «гениальности», «мастерства». И только ее друзья и те, кто понимал ее и ценил при жизни, отметили шелуху славословий и говорили правду. Иногда горькую. Потому что она сама всегда ненавидела ложь и не нуждалась ни в чьих приукрашиваниях. Она была и остается Руфиной Нифонтовой — понятием неоднозначным, но самодостаточным.

Большая жизнь в Малом

В 1957 году Нифонтова получила приглашение в один из старейших российских театров — Малый. Там до сих пор жив дух великих «стариков»: Мочалова, Щепкина, Ермоловой, Яблочкиной, Гоголевой, Пашенной, Ильинского, Жарова и многих других. В нем всегда была особая атмосфера, «дух», «намоленные стены и сцена». Это действительно был храм высокого искусства, куда попасть было трудно и почетно.

— *Нифонтова пришла в Малый театр уже знаменитой, — вспоминает Нина Григорьевна Соловьева, дружившая с ней тридцать лет. — Режиссер Григорий Рошаль увидел ее в одной из студенческих постановок. В картине «Вольница» он снимет почти весь ее вгиковский курс. Руфу он пробовал вначале на другую роль, но утвердил на главную роль Насти. Фильм в 1956 году получил приз на кинофестивале в Карловых Варах, а Нифонтова — признание и огромную хрустальную вазу.*

Потом будет «Полюшко-поле», которое поставила жена Рошалья Вера Павловна Строева, а затем Григорий Львович позовет ее в свою экранизацию трилогии «Хождение по мукам». После этого для всех она навсегда останется Катей. Она станет актрисой Рошалья, его звездой, снимется в его последующих фильмах «Год как жизнь», «Они живут рядом».

— *Хоть ты и звезда в кино, но в театре все надо доказывать с нуля, — рассказывает Римма Петровна Сулоева, которая с детства дружила с Нифонтовой. — В Малом ее приняли «в штыки». Руфе дали роль в спектакле «Каменное гнездо». Ее партнером была сама Пашенная. Я смотрю: она мучается, страдает... Потом где-то через месяц рассказывает, что на репетициях Пашенная садится к ней боком, не обращает на нее внимания, долго не реагирует на реплики. И Руфа не выдержала: «Все! Я больше не могу! Я не знаю, что с ней сделаю!» Через дня два мы встречаемся, а она вся сияет: «Я пришла на репетицию в таком состоянии!.. Ну, думаю, сегодня я ей все выскажу! Она у меня получит!» Сажусь, еле сдерживаясь... Тут Пашенная разворачивается ко мне и говорит: «Так, с сегодняшнего дня начинаем работать. К 16 часам приходишь ко мне домой». Думаю, таким жестоким образом Вера Николаевна ее проверяла: если та не выдержит, сникнет, то ничего из нее не получится. Пашенная добилась от нее нужного внутреннего состояния, заставила броситься грудью на амбразуру. Спектакль имел грандиозный успех. Потом они много работали дома у Веры Николаевны. Если бы Пашенная пожила дольше, Руфа бы стала великой, она бы ее вытянула.*

— *Руфина играла великолепно, что называется вровень с Верой Николаевной. Пашенная к ней относилась очень хорошо: благоволила ее таланту. А Нифонтова ее просто боготворила, — подтверждает Татьяна Петровна Панкова, народная артистка России, семьдесят лет отдавшая Малому театру, подруга Р. Д. Нифонтовой.*

В. Н. Пашенная написала ей: «Я очень люблю вас — милая моя Руфа-Илона! Я верю в Вас, как актрису!!»

— *Она до конца была в добрых отношениях с Пашенной. Вера Николаевна углядела в ней большую актрису. Последним, кто был у нее — это Руфина. Она сказала, что когда ее*

увидела — ужаснулась: та просто высохла (у Веры Николаевны был рак. — Прим. авт.), — Анатолий Михайлович Торопов, заслуженный артист России, многолетний партнер Нифонтовой по сцене и хороший приятель по жизни.

Катерина из «Грозы» была одной из первых работ Руфины Нифонтовой на сцене Малого театра. Она с таким надломом и отчаяньем произносила: «А жить не хочется!..» — что зал замирал.

Т. П. Панкова:

— Она скрещивала руки на груди. Потом была огромная наполненная пауза, когда она смотрела на них и говорила: «Руки крест-накрест складывают... в гробу!» Я в очередь с В. Н. Пашенной играла Кабаниху. Ее монолог я слушала на выходе, когда стояла за кулисами. Я смотрела, что делает Нифонтова, — опять же не всегда! — это был такой накал!.. Она играла с колоссальной сиюминутностью.

Это был бесспорный успех, свидетельствующий о том, что родилась большая трагическая актриса. Она потом много переиграет трагедийных ролей из классического репертуара и современных пьес. Но в глубине души Нифонтова была клоунессой. Рыжей. Не только по цвету волос, но и по своей сути. В театре называли ее «Олег Попов в юбке».

А. М. Торопов:

— Руфа была смешливая. Это был радостный, талантливый человек, абсолютно недипломатичный.

— Она никогда не была «мастером высочайшего класса». Она вообще не была мастером, у нее был большой, стихийный, иногда необузданный талант... При редких данных идеальной театральной героини — красота, стать, стройность, завораживающий взгляд загадочных зеленых русалочьих глаз, красивый, виолончельный голос — в ней бунтовала и бушевала, кривлялась и кувыркалась душа прирожденной клоунессы, ее тянуло к острой характерности, к озорству, к трюку, — режиссер Л. А. Львов-Анохин (из статьи в газете «Экран и сцена», 1994 г.).

Т. П. Панкова:

— Руфина Дмитриевна, к сожалению, не была ровной актрисой. Она очень любила репетировать. Репетиции были прекрасными, а сцена иногда ее зажимала. Она была всякая, всегда непредсказуемая.

Тонкая актриса, неожиданная, у нее никогда не было примитивных ходов. Она и трагедийная, и гротеск любила. В спектакле по Корнейчуку играла почти клоуна. Незабываемо. К сожалению, недолго играла Катерину.

Н. Г. Соловьева:

— На съемках фильма «Первый посетитель», где Нифонтова играла Александру Коллонтай, она встретила Раневскую, которая была занята в эпизоде. Но как всегда она сумела сделать его запоминающимся больше, нежели весь фильм. Фраза Фаины Георгиевны: «Какое безобразие: две революции в один год!» — долго была у всех на устах. Это был первый и последний раз, когда они работали вместе, но после этого стали очень дружить. Фаина Георгиевна показывала Руфе Питер, такой, каким его знала она. И рассказывала потрясающие вещи. Я видела их пару раз вместе, — это был безумно талантливый и смешной спектакль! Я запомнила, как Раневская сказала как-то: «Я была актрисой уже в четыре года: когда умерла мама, я заплакала и посмотрела на себя в зеркало — как я выгляжу». Руфа с неким скептицизмом относилась к некоторым ее высказываниям, но при этом ее очень любила и понимала, что та гениальная актриса.

Р. П. Сулоева:

— Раневская жила недалеко от Руфы, и она частенько навещала ее и приносила продукты. Как-то мы были у Фаины Георгиевны вместе. Они самозабвенно валялись дурака! Пикировались, играли друг с другом и друг для друга... Я просто умирала со смеху. Они по духу были похожи — обе внутри клоунессы.

У Руфы к Раневской было какое-то материнское отношение, она ее жалела, понимая, как та несчастна. Руфа мне как-то звонит: «Ты не можешь солдатиков прислать?»

(Римма Петровна — врач, полковник, сорок лет прослужившая в системе МВД. — Прим. авт.) Раневской в театре выделили списанный реквизит: ковер, диван... — во временное пользование. Надо бы их перевезти.

Чувство заботы о близких людях у нее переросло в опеку. Несколько раз она просила помочь каким-то одиноким людям, которых обижали соседи по коммуналке. Мы с подружкой надевали свои офицерские мундиры, ехали по адресу «разбираться». Мы разыгрывали там сценки, на манер райкинской из «Волшебной силы искусства»: собирали всех, «снимали показания», «писали протокол»... Обычно помогало.

Маски и характер

Нифонтова хотела играть характерные роли, но в кино и театре видели в ней или лирическую героиню, или трагедийную актрису. Периодически вулкан в ней взрывался, извергая фонтаны шуток, эксцентричных и даже хулиганских поступков.

О Нифонтовой ходило много сплетен и слухов, но большинство при детальном рассмотрении оказываются небылицами и лопаются, как мыльные пузыри.

Обладая тонкой душевной организацией, как, впрочем, практически все талантливые люди, Руфина Дмитриевна многое предвидела и как-то сказала Н. П. Соловьевой:

— Я знаю, что на тебя потом выйдут... Умоляю, Маня (ласковое прозвище от «маненькая»). — Прим. авт.): будь аккуратней! Я ведь защититься-то не смогу.

Хотя и при жизни она часто не могла «защититься», потому как не все наши поступки правильно истолковываются окружающими. Показательна в этом отношении история с одной журналисткой из города, где Малый театр был на гастролях. Нифонтова обещала дать интервью, но ее срочно вызвали на репетицию. Она оставила у дежурной гостиницы записку для корреспондентки с извинениями и рубль, чтобы ту отправили на такси. Хотела как лучше. По своей привычке заботиться и опекать. А на другой день в местной газете вышла разгромная статья под броским заголовком «Плата за дружбу — рубль!»

Живуча легенда о ее эпатажной выходке — в одной версии по отношению к другой ведущей актрисе театра, в другой версии — по отношению к администратору.

Действительно, поступок для тридцатилетней женщины и известной актрисы несколько эксцентричный, но весьма характерный для сорванца с Соколиной Горы. На гастролях театра за то, что ее поселили в плохом номере (для творческих ранимых людей это, поверьте, сильный удар по самолюбию, нарушение этикета и театральной иерархии), она густо посыпала дустом костюмы администратора, занимающего, кстати сказать, роскошные апартаменты.

На вопрос членов Товарищеского суда, — а он потом в театре состоялся, — зачем она это сделала, Нифонтова, «выдержав колоссальную паузу», невозмутимо ответила встречным вопросом: «А вы разве не знаете, для чего сыпят дуст?» Пострадавшего трясло от злости, он кричал: «Вы хотите сказать, что я клоп?» Переполненный зал, наблюдавший за небывалым судилищем, превратившимся в фарс, рыдал от смеха. Не могли удержаться от него и сами члены Товарищеского суда, среди которых были Игорь Ильинский и Михаил Жаров — великие комики, умеющие по достоинству оценить острую шутку и юмор.

Р. П. Сулова:

— Правда, выговор она все же получила, по партийной линии (поскольку с 1972 года была членом КПСС. — Прим. авт.) в том числе. И очередное звание ей задержали.

Н. Г. Соловьева:

— Вскоре после этого кто-то подставил ее, не сообщив о репетиции, которую на гастролях в Ленинграде наутро назначил Б. Бабочкин. Она, естественно, на нее опоздала. Надо было знать Бориса Андреевича, который приходил от этого в неистовство. Ей опять влетели выговор. Но избавиться от нее не могли, потому что она была занята чуть ли не во всем репертуаре театра и играла двадцать пять спектаклей в месяц.

На следующий день у нее был день рождения. В ее гостиничный номер в

«Октябрьской» набились артисты театра, питерские приятели-актеры и друзья, специально приехавшие из Москвы и других городов. Когда вечер был в самом разгаре и компания изо всех сил старалась развеселить расстроенную именинницу, на которую как из рога изобилия сыпались неудачи, пришел Никита Подгорный, как обычно поддавший (с которым Руфину Дмитриевну связывала нежная дружба. — Прим. авт.). Он стал настаивать, чтобы она немедленно открыла коробку с его подарком. Там оказался игрушечный пистолет. Все стали предлагать имениннице «перестрелять врагов». Она на это рассмеялась: «Ну, теперь мне остается только это», — шутливо выстрелила в висок и упала на чьи-то колени. В этом поступке — она вся: ни о ком плохо за спиной, даже в шутку.

Это понимали даже те, кто недолюбливал ее. Знали, что, несмотря на излишнюю прямолинейность и резкость, от нее нельзя ожидать удара в спину. И в душе уважали. Это особенно проявилось на похоронах, когда «непримиримые» противники, потрясенные до глубины души, были абсолютно искренни: «Прости!»

А. М. Торопов:

— Руфа — светлая личность, глубоко порядочный человек.

Т. П. Панкова:

— В основе своей это был замечательный человек. Ранима необыкновенно. Она была немного комплексующая и от смущения могла резко сказать что угодно. В лицо. Эти колючки были защитной реакцией. Она прикрывалась грубостью, но хамства в ней не было, никогда она не смогла бы наступить на чье-то больное место. И в то же время это был добрейший человек. К ней шли все, знали, что она поможет. Она все время что-то пробивала: кому телефон, кому квартиру, дачу... Приходили и просили, а потом она спрашивала: «Это из какого цеха?» Она просто делала добро. Имя ее много значило, и в театре с ней считались.

Многие побаивались ее острого язычка: правду она резала, невзирая на лица. Не раз доставалось и всесильному Цареву. Но за дело, а не в ходе интриг — неотъемлемой части театральной жизни. Выпрашивать или выбивать для себя особые условия — никогда! А вот взорваться и написать своим корявым почерком в дирекцию Малого театра нечто подобное записке от 27 апреля 1964 (после измотавшей чуть не ежедневной «Оптимистической трагедии»): «ПРОШУ ОСВОБОДИТЬ МЕНЯ ОТ УЧАСТИЯ В СПЕКТАКЛЯХ МАЛОГО ТЕАТРА УХОЖУ НЕТ СИЛ ЗАЕЗДИЛИ» — (пунктуация, вернее, полное ее отсутствие в оригинале, сохранено. — Прим. авт.) — могла.

Она играла Любовь Яровую, неистового Комиссара и других с современной точки зрения агитационно-фальшивых образов-иконок. Но в их правоту свято верила, потому что сама была такой: честной, правильной, безоглядно верящей в идеалы. И всегда готовой мчаться кому-то на помощь.

К примеру, на заседании Худсовета могла спросить: «Почему не даете роли Соломину?» — но потом, как когда-то с ней Пашенная, часами репетировать с ним у себя дома...

По странной прихоти судьбы одной из ее последних работ в кино стала роль матери Миклухо-Маклая в фильме «Берег его жизни», поставленной режиссером и актером Малого театра Юрием Соломиным, в которой он сам сыграл главного героя. И сегодня Юрий Мефодьевич вспоминает о Нифонтовой с теплом и пиететом, как когда-то она сама о своих учителях и наставниках.

Р. П. Сулоева:

— Руфа не опускала забрала, но одевалась в кокон. Я была, пожалуй, единственным человеком, перед которым она все срывала, даже кожу...

Мы дружили с четвертого класса, когда нас посадили за одну парту. В материальном плане семья Пятаде жила лучше, поэтому Руфа частенько подкармливала меня. С тех пор по отношению ко мне у нее сохранилось чувство опеки.

Мы с ней обе были оторвы. Район Соколиной Горы, где мы жили, назывался

Сталинским и был на виду. За год во всем районе были всего две тройки по поведению: у Пятаде и Обьедковой. (девичья фамилия Сулоевой. — Прим. авт.)

Класса с пятого мы с ней занимались всем: бегом, гимнастикой, коньками и лыжами. Я много читала, делала инсценировки, и мы с ней ставили отрывки из классических произведений для дворовых ребят. Когда нас с ней в очередной раз на несколько дней исключили из школы, мы приготовили сцены из «Ромео и Джульетты». А потом показали в классе. В сцене «У балкона» я, Джульетта, взгромоздилась на пирамиду из стульев, а она, Ромео, так вошла в роль, стала трясти стулья, что я боялась, что упаду. Шепчу ей: «Да тише ты, не тряс!» А она не слышит: вошла в раж...

В сцене смерти меня положили на стол, на глаза — пятаки, в руки воткнули рулон бумаги вместо свечи — слава Богу, не подожгли! — вокруг обставили горшками с цветами с подоконников... Руфа изображала священника. Мы мало что понимали в религии, тем более католической. Вот она и махала цветочным горшком на манер кадила. Хор одноклассниц пел что-то заунывное, вроде церковных песен... В пустой школе хорошо слышно. Тут в класс и зашла директриса. Я лежу с пятаками на глазах и не вижу, почему вдруг все замолкли. Думаю, что Руфа забыла слова и подсказываю ей. Гробовое молчание. Я — громче подсказываю. Вдруг голос директрисы: «Это что такое?!» Так нас еще на две недели исключили: не поощрили нашу тягу к драматическому искусству.

А как-то в инсценировке про «юного Фрица» она-«партизанка» так меня-«Фрица» избивала, чуть волосы не выдернула! Вошла в роль!

Каждый понедельник — это был для нас святой день — в кинотеатре «Родина» показывали новые фильмы. Мы с ней, предварительно собрав со всех деньги, спускались по пожарной лестнице, потому что двери школы запирались, потом прыгали с высоты пол-этажа и бежали за билетами пять остановок. Мы пересмотрели все «трофейные» фильмы: «Судьба солдата в Америке», «Индийская гробница», «Серенада солнечной долины», «Сестра его дворецкого», «Тарзан»... Потом вспоминали их и разыгрывали в лицах.

В Клубе железнодорожников мы записались сразу в хоровой кружок, танцевальный и драматический. Вместе собирались стать актрисами. Я была на характерных ролях, а она — лирическая героиня, потому как типаж был подходящий: вьющиеся рыжие волосы, косы, красивые глаза.

Но мне пришлось на время уехать к родным. Мы переписывались и все-все друг про друга знали. После школы Руфа поступала во все театральные училища. Но нигде до третьего тура так и не дошла. Последними по времени были экзамены во ВГИКе. Но и туда она не прошла. Она потом рассказывала, что спряталась в портьеру и от огорчения разрыдалась. Ее всхлипывания услышал профессор Бибиков, развернул ее из портьеры и повел в аудиторию прослушивать. И взял в свою мастерскую. Ситуация почти как в фильме «Приходите завтра». Который, кстати, поставил его выпускник Евгений Ташков, и где сам Борис Владимирович сыграл роль профессора консерватории. Он очень много в нее вложил. Началось ее духовное наполнение.

Именно Руфе спустя годы Бибиков написал о том, что ему плохо, что его, старого человека, обманула и обобрала молодая хищница. И та бросилась его спасать, перевезла обратно в Москву.

Руфа училась на одном курсе с Н. Румянцевой, Т. Конюховой, Ю. Беловым, И. Извицкой, М. Булгаковой...

У нее не было романов: она была очень независимая. Лидеру по характеру трудно влюбиться, поставить кого-то над собой...

Чувства и долг

Т. П. Панкова:

— Всю жизнь она прожила с единственным мужем Глебом Ивановичем Нифонтовым — талантливым режиссером научно-популярного кино.

Р. П. Сулоева:

— Глеб Нифонтов был на девять лет старше Руфы. Он учился на режиссерском факультете ВГИКа, и Руфу заметил, когда она была на втором курсе. Он из семьи костромских священнослужителей. Очень симпатичный: зеленые глаза, красивые густые, чуть вьющиеся волосы. В 1952 году они сыграли свадьбу. Она вышла замуж не по горячей любви. Ее мать, Дарья Семеновна, была женщиной сильной и властной. Думаю, с помощью замужества она хотела избавиться от гнета матери.

— Не думаю, что у родителей были гармоничные отношения, — вспоминает **Ольга**, единственная дочь Нифонтовых. — И у него и у нее характеры были твердые. Я считала, что раз мне не надо об этом знать, то и не надо. Мама никогда не делилась со мной личным. Мы никогда не были с ней подругами. Но с другой стороны, нам с ней было легко: мы как бы не чувствовали друг друга и в то же время чувствовали.

А с папой, думаю, было сложно. Он много пережил, рано потерял мать, потом был репрессирован отец. Он долго добивался, чтоб пойти добровольцем на фронт. Как рассказывал папа, ему попался просто какой-то добрый майор, обалдевший от усталости, и сказал: пиши заявление и иди. Его направили на курсы радистов. Папа был человек нежной души, но был прикрыт от людей. Он поступил во ВГИК на режиссерский к Л. В. Кулешову. Снял игровой фильм «Звероловы» (в 1959 году на кинофестивале в Венеции отмечен призом. — Прим. авт.), потом снимал интересные научно-популярные фильмы. Он очень любил природу, потому и снимал животных.

Папа прекрасно писал. От него осталось много рассказиков и заметок. Он объехал весь мир и необыкновенно интересно об этом рассказывал.

Зачем он ушел зампредом Госкомитета по кинематографии РСФСР? В кабинете он себя запер из-за мамы: нужно было деньги зарабатывать, чтобы обеспечить маме нормальную спокойную жизнь. Он ей создавал базу, чтоб она могла творить. Он ее обожал всю жизнь. Трепетал за нее. Она была за ним, как за каменной стеной.

Р. П. Сулоева:

— Глеб любил готовить, а Руфа не умела. Он приносил продукты, надевал фартук и сразу вставал к плите. О, его знаменитые холодцы, каши!.. А какие он пек потрясающие пироги!

Н. Г. Соловьева:

— А всю мужскую работу делала она. Она покупала всякие инструменты, занималась строительством дачи.

Ольга:

— С 70-го года мы жили в этой квартире на Большой Бронной. К13 номеру квартиры мама относилась с бравадой, в голову не брала. Стала говорить «это мое число».

Знаменитая актриса, красивая женщина — она была обречена жить под прицелами любопытных глаз. Ее приглашали на различные мероприятия, она заседала в президиумах общественных организаций, была депутатом Моссовета, членом правления ВТО и прочая и прочая... И везде, где бы ни появлялась, сразу шепоток: «Нифонтова!»

Р. П. Сулоева:

— Руфа очень не любила внешнего проявления своей популярности, не любила, когда люди на улице или в магазине ее узнавали. Поэтому глубоко на глаза натягивала кепи.

Не прилагая никаких усилий, порой словно намеренно себя уродуя бесформенной одеждой и эскападами, Нифонтова тем не менее притягивала, завораживала, покоряла. Ее дружба с мужчинами была цементирована их восхищением, высокой оценкой ее душевной красоты, таланта, сердечности. Но тесное общение и совместная работа творческих людей невозможна без будоражащих электрических разрядов: играя на сцене и экране чувства, многие попадают в западню собственных эмоций и начинают верить в их подлинность. Скоротечные актерские романы — тема, достойная многотомного исследования. Это предмет обсуждения, а не осуждения в театральной и киношной среде, так сказать, издержки профессии. Много раз в кино и театре «играла» любовь и Руфина Нифонтова. А в жизни?

Р. П. Сулоева:

— Про нее много чего говорили... Были ли у нее романы? От нее об этом знала только я, а значит, никому больше и знать не надо. Но на ней в это время было все написано: она вся светилась. В любви она была страстна и безумна.

Кладбище несыгранных ролей

Но все же главным в жизни актрисы был ТЕАТР. В кино она снималась периодически. В основном это были небольшие роли и рольки, эпизоды. Но и в них она была хороша, даже небольшую умела сделать запоминающейся. Она умела потрясающе молчать в кадре, когда работу мысли выдавал взгляд удивительных глаз: настороженный или насмешливый, оценивающий, мечтательный... А вот роли, в которой она в добавление к этому могла бы что-то сделать и что-то сказать своим неповторимым голосом, все не было.

Не лучшим образом обстояли дела и в театре.

А. М. Торопов:

— У Руфы в театре долго не было работы.

Ольга:

— Актер должен все время играть. Я считаю, что она работала очень мало. Мама не умела жить светской жизнью. Вообще, она была очень странный человек. Она сама, по моему, недопонимала себя до конца, не знала, что с собой делать. Ей от природы было много дано: красота необычайная, глаза... Ее кто-то должен был направлять, вести, снимать. Но этого не было. А сама она не умела устраиваться...

Т. П. Панкова:

— Актрисе нужен свой режиссер (желательно муж). Но, к сожалению, у нас в театре нет такого, чтобы на отдельную актрису что-то ставили. Даже Вера Николаевна Пашенная — имя огромной величины — пять лет сидела без работы, ждала Вассу.

Руфина Дмитриевна десять долгих лет мечтала о «Федре», но к тому времени, когда ее наконец в 1986 году поставили, уже перенесла тяжелую болезнь, сложную операцию на молочной железе, от лечения гормонами располнела. Ей сказали: «Как-то сладенько играешь», — и она отказалась от выстраданной роли.

Н. Г. Соловьева:

— Руфа была не только талантливым, тонким человеком, но и потрясающим телепатом. Случилось так, что после премьеры «Федры», которая мне категорически не понравилась, хотя это была постановка Бориса Александровича Львова-Анохина, мы поехали к ней. И как всегда, она начала меня спрашивать: ну? Я сначала отнекивалась, а потом стала говорить все, что думаю. И мы очень резко поговорили, она отстаивала свою позицию, но меня это все не убедило. Короче, мы в тот вечер, в ту ночь расстались с тяжелым сердцем. Обида не обида, но было такое состояние, раздраженность... Я приехала домой, и у меня этот диалог с ней все время крутился в голове. И уже было далеко за полночь, а я все время «говорила», «говорила» с ней... Смотрю: второй час ночи, третий, а я все «говорю», привожу какие-то доводы. И в это время звонок, телефон. Я настолько обалдела, испугалась, схватила трубку, говорю: «Алле!» И вдруг — ее голос: «Я все слышу! Замолчи. Потом поговорим», — и повесила трубку.

Творческий простой — это не просто термин, это страшная болезнь, как ржа, разъедающая душу, подтачивающая здоровье. Каждый борется с этой бедой по-своему: кто уходит в себя, отгораживаясь от мира коконом своих переживаний, кто умеет стоически ждать своего часа... Но если ты не просто звезда, а Актриса, для которой искусство — это цель и способ жизни, а бессмысленное блуждание по пустым коридорам театра или очередь у окошечка кассы, где ежемесячно получаешь, как подачку, неотработанные крохи, — это удар под дых. Не нужна!.. И не знаешь, как тебе жить, куда прятать взгляд, боясь увидеть сочувствие или насмешку...

Такая же неотъемлемая составляющая творческой жизни, как и мимолетные романы, —

алкоголь. Кто обмывает им радость удач, кто заглушает горечь провалов и обид... Но в той или иной степени пьют все. Коллективно или в одиночестве. По поводам и без... И никуда от этой страшной правды не деться. Скольких талантов и ярких индивидуальностей поразили жестокими болезнями, спеленали больничными простынями, разрушили личности и жизни!..

Р. П. Сулоева:

— *О ней говорили, что пьет. Что тут скажешь? Дело в том, что ее организм совершенно не переносил алкоголь. Она быстро пьянела, поэтому и было так заметно. Другие выпивают в несколько раз больше, — и ничего.*

Алкоголь не приносил ей желанного забвения, театр был ее болезнью и ее лекарством. Своим корявым почерком она записывала для себя роли, которые мечтала сыграть. Получился чуть не тетрадный разворот. Своеобразный мартиролог. Наверное, вместе с крушением очередной мечты умирала и частичка ее самой.

А. М. Торопов:

— *Нифонтовой понравился спектакль Иванова «Волки и овцы», и ей очень захотелось в него войти. Но она сначала попросила дирекцию, чтобы узнали у Поляковой (играющей Мурзавецкую. — Прим. авт.), не возражает ли та. Люда Полякова сказала, да ради Бога! И Руфа стала одержимо репетировать Мурзавецкую. Но, к сожалению, не было даже генеральной репетиции.*

Природа настолько щедро ее наградила, подарила удивительные лучистые глаза! Причем на сцене и на экране — красота была вдвойне. А в жизни ходила, загребая ногами. Одевалась нарочито небрежно...

При этом при всем, когда получила Мурзавецкую, — стала другой, потому что все уже было подчинено роли. Актер без роли — неживой человек.

Самые свои сладостные минуты она переживала на сцене. И с нее говорила не только со зрителями, но и со своими ближайшими друзьями. Когда тем было плохо, — не плакала вместе с ними, не утирала им слезы, а звала в театр.

Н. Г. Соловьева:

— *Она меня лечила своим искусством. В театре у нее были такие взлеты: «Каменное гнездо», «Гроза», потом «Браконьеры», «Палата»!.. Одинцова из спектакля «Отцы и дети»... Она обращалась со сцены прямо ко мне, и я обо всем забывала: уходили куда-то проблемы, не такими горькими казались обиды... После спектакля она требовала: «Посмотри мне в глаза!» И успокаивалась: «Порядок!»*

Р. П. Сулоева:

— *Иногда она мне говорила: «Я сегодня играла для тебя. Ты поняла?» Да, я всегда это чувствовала. Это на энергетическом уровне. Какой-то луч, по которому она шла ко мне. Иногда она мною играла роль...*

Н. Г. Соловьева:

— *28 ноября 1993 года Руфа умерла... А ровно через месяц должна была состояться премьера «Капитанской дочери», мюзикла в постановке Василия Федорова. Она играла Екатерину II. Впервые пела. Я тайком от нее видела две репетиции — это было что-то необыкновенное! Руководство было недовольно: у нас что, театр оперетты? Это Руфа своим авторитетом пробила постановку. После ее смерти спектакль закрыли. Это чуть не сломало жизнь Федорову: он обожал Нифонтову, как актрису и человека.*

Когда уходит артист, на киноплёнке остаются его лицо и голос, взлет удач и обидные провалы. Очень часто вместе с актером уходят и его лучшие спектакли, но память о нем продолжает жить в виде театральных легенд. В Малом, пока живы партнеры и современники Нифонтовой, будут рассказывать о том, КАК она играла Варвару в «Дачниках» (какое счастье, что Борис Бабочкин перенес его на экран!), Раневскую в «Вишневом саде», в «Птицах нашей молодости»...

Т. П. Панкова:

— *В «Холопах» по Гнедичу она прекрасно играла Глафиру — спившуюся незаконную дочь княгини. Когда Гоголева-княгиня спрашивала: «Я все тебе дам. Что ты хочешь?» —*

Она ТАК произносила это: «Умереть»!..

Она и трагедийная, и гротеск любила.

Ее душа так хотела безудержного веселья, но обстоятельства и люди снова и снова загоняли ее в рамки придуманного ими амплуа, ждали от нее щемящего душу драматизма, трагедийного надрыва. А этого не только на сцене, но и в ее собственной жизни было с избытком... Где-то рядом все время была начеку Смерть. Она регулярно напоминала ей о себе, преждевременно и страшно обрывая жизни родных и близких...

Не оптимистические трагедии

Т. П. Панкова:

— Руфину Дмитриевну жизнь не щадила...

Ее отец был наполовину греком. Отсюда и непривычная русскому уху фамилия Питаде (скорее всего, искаженное Питади). Дмитрий Иванович работал на железной дороге, дослужился до помощника начальника станции Москва Товарная. Это был красивый мужчина, с мягким, в отличие от супруги, характером. Дарья Семеновна же была женщиной твердой и властной. Она работала на ткацкой фабрике, была активисткой месткома, играла в драмкружке. И при этом успевала вести домашнее хозяйство и рожать детей — у Руфины Дмитриевны было три брата. В первые дни войны пропал без вести старший брат Александр, служивший в Латвии. В октябре 41-го призвут Бориса, а через три месяца на него придет похоронка. В 43-м в Москве во время бомбежки погибнет отец. «Железная» Дарья Семеновна будет рыть окопы, работать в госпитале, поднимать детей. Потом станет жить с дочерью и воспитывать внучку Олю. Страшная болезнь вцепится своими клешнями в ее уставшее тело. Но после операции она проживет еще 15 лет.

Т. П. Панкова:

— Когда умирала мать, Руфина Дмитриевна ходила как тень. Она была идеальной дочерью и обожала мать. Та умерла на ее руках.

Н. Г. Соловьева:

— У них с братом были удивительные отношения: смесь ерничанья, подкалывания и нежности одновременно. Слава был красивым, фактуристым мужиком. Руфа его звала «Митрич».

В самом конце декабря 1974 года он умер в гостинице в Ярославле, куда получил перевод на работу: принимал ванну, видимо, стало плохо с сердцем... А семья его еще оставалась в Ангарске. Когда через два дня встревоженные его отсутствием сослуживцы взломали дверь, то увидели страшную картину... Ему было всего 45. Это был скромный, порядочный человек. Он никому не говорил, что брат знаменитой сестры.

У них, как у двойняшек, была потрясающая биоэнергетическая связь. Она всегда чувствовала, когда он болел. А в тот день, как рассказывала Руфа, у нее в Минске был концерт. Она стояла на сцене, и вдруг ее качнуло, все поплыло перед глазами, ей физически стало плохо.

У Славы была дочь — характером в Питаде. Она страшно погибла: занялась коммерцией, ее увезли в лес, ограбили и убили... Остался маленький ребенок...

Р. П. Сулоева:

— Руфа тяжело переживала смерть брата. Вскоре после этого сказала мне: «Я тоже умру в ванной».

Ей было отпущено 63 года. Это много для тех, кто устал от жизни, достиг всего и утратил желания. И так мало, если в душе столько нерастроченных чувств, нереализованных планов, несбывшихся надежд...

В некрологах потом чаще всего будет встречаться слово «одинокчество». Нет, она не была одинока, хоть последние годы и прожила практически одна. Немногие могут похвастать такими друзьями — родными по духу, которые при жизни были готовы идти за нее в огонь и в воду, а после смерти — за ее память и правду о ней. Но, видимо, ее душу, как

ржа, изнутри подтачивала боль из-за непонимания и отчуждения с единственным родным по крови человеком — дочерью. У них были непростые отношения.

Ольга закончила ВГИК, мастерскую Згуриди, стала, как и отец, заниматься научно-популярным кино. По отзывам тех, кто видел ее работы, у нее неплохо получалось.

Р. П. Сулоева:

— *Между матерью и дочерью все время кто-то стоял: сначала бабушка, потом несколько лет в их доме жила и воспитывала Олю Руфина поклонница Ираида Ивановна. Руфа много работала, часто была в разъездах...*

Оля росла тепличным домашним ребенком. Кто ее видел, удивлялся: с длинной косой и «несовременными» взглядами, она походила на тургеневскую барышню. Родители не одобрили предмет ее пылкого первого чувства, но она пошла наперекор их воле. Муж вместе с ней работал на студии научно-популярного кино оператором. Человек, говорят, не без способностей, но...

Н. Г. Соловьева:

— *Отношения с зятем у Руфины Дмитриевны и Глеба Ивановича не складывались. Оля в конфликтных ситуациях всегда брала сторону мужа. Но родился Миша, и Руфа очень присохла сердцем к внуку, — да он и похож на нее. Ради него они с Глебом решили отдать дочери дачу на Истре. 1 октября 1991 года Глеб приехал туда что-то свое забрать. Гена в тот день, что впрочем бывало довольно часто, выпил и из-за какой-то ерунды сцепился с Глебом Ивановичем, нахамил ему. Тому, естественно, было обидно, чем платят за добро... Разгорелся страшный скандал... В расстроенных чувствах Глеб сел в машину, грохнув дверь, газанул и помчался в сторону Воронова, где у них была другая дача... Я увезла Олю с ребенком в Москву. Через некоторое время мне позвонила Руфа и каким-то странным, посторонним голосом сказала: «Завтра едем на Истру. Нифонтова из морга забирать». У меня ноги приросли к земле. Оказывается, буквально через несколько минут после того инцидента он на скорости выскочил на шоссе и попал под МАЗ. Погиб мгновенно... Машина всмятку...*

Похоронили Глеба на Ваганьковском. Руфа тяжело переживала потерю. Через несколько дней после похорон по возвращении домой с кладбища она упала, споткнувшись о лошадку-качалку внука, ударилась виском и потеряла сознание. Я вызвала «скорую», плачу, торможу ее... Ночью она пришла в себя и говорит: «Что ты так всполошилась?» Потом потребовала зеркало, посмотрела на вспухший висок и вдруг заплакала навзрыд, по-бабьи. Я впервые видела, чтобы она так плакала. И все повторяла: «Ничего, уже скоро. Скоро».

Она страдала, но никогда не жаловалась. Теперь я понимаю, что она знала, что уходит. Молча и очень мужественно.

Р. П. Сулоева:

— *Накануне того страшного дня мы с ней договорились поехать на дачу, подготовить ее к зиме. Но я не смогла. 28-го она там все же побывала. Вечером мы с ней разговаривали по телефону. Она сказала, что замерзла и устала, сейчас протрет полы на кухне и ляжет спать. На завтра мы с ней собирались поехать купить ей легкое пальто для прогулок с внуком...*

Но завтра для Руфины Дмитриевны так и не наступило.

Ольга:

— *Это был мистический день. Ничем другим объяснить это нельзя. Я к ней собиралась с Мишей. Вдруг чувствую, что заболеваю: просто трясет лихорадка. Легла, накрылась двумя пледами, приняла таблетку. Потом меня стало бросать в жар, температура за 39. Позвонила маме, сказала, что не приеду. Было часов пять вечера. Позже они с Мишей долго разговаривали. Часов в семь я опять звонила.*

А потом позвонила соседка и сказала, что жильцы с четвертого этажа просят найти кого-нибудь, потому что с потолка льется вода. Я говорю, что не могу двинуться. Когда муж приехал с работы, я его послала: поезжай срочно. Он поехал, и они с соседями открыли дверь. Это было часов восемь — половина девятого...

Т. П. Панкова:

— В раковине ванной комнаты она хотела помыть тряпку. Открыла горячую воду, — а у них шла безумно горячая вода, — ей стало плохо... Тряпочка забила сток... Когда открыли дверь, она в пару, в кипятке лежала мертвая...

Ольга:

— В свидетельстве о смерти написано «сердечный приступ».

Главное, к утру у меня от болезни следа не осталось. Это была не болезнь. Я не знаю, что это было. Во всяком случае, что-то такое происходило, что-то готовилось.

Н. Г. Соловьева:

— Как она умирала... Вообще, это тайна, покрытая мраком. Мы знали, что она на дух не переносила зятя, подозревала его в разных грехах, в том, что женился на Оле по расчету, зная, что ее отец зам. Председателя Комитета по кинематографии России и от того много чего зависит. Он жену против родителей настраивал, внуком Руфину Дмитриевну шантажировал...

Когда я мыслью возвращаюсь к этой страшной теме, то все время думаю: что она могла бы почувствовать — если она была жива — в момент, когда он входил в квартиру? Не дочь — заметьте! — а человек, которого она ненавидит! А Руфина Дмитриевна умела ненавидеть, — это я знаю точно. От этого можно было умереть от разрыва сердца...

Р. П. Сулоева:

— Проходит полгода, и Ольга отдает мне вскрытый конверт, в нем две открытки, которые я дарила Руфине в детстве. На нем рукой Руфы написано: «Дорогой, единственной! Здесь я сказала то, о чем, может быть, не договорила в жизни».

Видимо, предчувствие смерти было... Но что она мне написала, я так и не знаю...

Ольга:

— Когда я наутро вошла в дом, было такое впечатление, что она меня встретила. Такое чувство, что она обняла изнутри теплом. Ощущение нереальное, непривычное. Причем это было по отношению ко всем ее вещам, которых я касалась. Я думала, что не смогу тут находиться. Но было наоборот: я спала на ее кровати, и как будто она согревала меня своим теплом, присутствием. Не было ощущения трагизма: я чувствовала, как будто она освободилась. От своей земной оболочки. И находится там, где ей надо быть... Я старалась раздать как можно больше ее вещей. Мне говорили, зачем отдаешь до сорокового дня? А мне, наоборот, хотелось, чтобы о ней вспоминали и как можно больше говорили доброго. Мне казалось, что это тепло должно распространиться на всех. И действительно так и было.

(Теперь в просторной квартире, где живут Ольга с мужем и тремя сыновьями, ничто не напоминает о прошлом. О великой Актрисе и несчастной женщине. — Прим. авт.)

Р. П. Сулоева:

— Мы приехали в морг вместе с Руфиной подругой Л. Н. Варламовой, которая много лет ее гримировала. Вся левая сторона лица и руки Руфы были распухшими и обезображенными от кипятка... Тогда Лидия Николаевна красиво присобрала кружево, старинное, вологодское, в котором Руфа играла в каком-то спектакле, и накрыла ей лицо. Руки тоже прикрыли. Ее похоронили в театральном костюме, кажется, в нем она играла в «Дачниках».

А. М. Торопов:

— Когда Руфка ушла, это было так ужасно!.. Руфа создавала в театре АТМОСФЕРУ!

Ее гроб стоял на сцене. Пришло с ней проститься море людей, был забит весь театр.

Не только ее друзья и коллеги по театру пришли проститься с ней в тот скорбный день, — многие приехали из других городов и часами на холоде ждали своей очереди, чтобы на мгновение приблизиться к тому, что осталось от любимой актрисы, доброго друга, предмета тайной любви... Почему-то не радовались недруги... Всех объединила боль утраты. И горькое «Прости!» было не просто данью печальной традиции, но искренним раскаянием: не

помогли, не уберегли.

Н. Г. Соловьева:

— Оказывается, в тот свой последний день она привезла на дачу цепи для кладбищенской ограды. Своей... Она сначала заказала такие для Глеба, а потом, втайне от всех, и для себя. Правда, они так и не установлены. Впрочем, и памятник-то только через шесть лет поставили.

Т. П. Панкова:

— Дочь была для Руфины всем. Оля мне все время звонила, спрашивала, почему театр не возьмет на себя установку памятника. Я огорчена и возмущена: Руфа оставила им в наследство две дачи, большую квартиру в центре, машину, гараж... Неужели нельзя было хотя бы приличную доску с крестиком поставить? А сделал памятник сын Риммы. После того как написали в газете, что она столько лет лежит в ногах у Гоголевой...

Р. П. Сулоева:

— Мы, Руфины подруги, решили собрать деньги ей на памятник. Но мой сын Алексей, узнав об этом, засмеялся: «Много вы, пенсионерки, соберете. Я сам поставлю памятник тете Руфе». Он купил камень, который Оле понравился, потом несколько раз заказывал машину, кран и людей, чтобы его с места на место перевозить. Оля сказала, что сама нарисует эскиз... Несколько лет мы этого ждали.

Кто знает, успокоилась ли истерзанная душа Актрисы под камнем, на котором странный ангел с зажженной свечкой... При жизни она не верила в Бога. Верила в себя и в людей. Время все расставило по своим местам, и теперь стало ясно, в ком она ошибалась, в ком нет. Главное: ее помнят. И каждый год 15 сентября день рождения Руфины Дмитриевны вместе с ее подругами отмечает все больше и больше людей: любовь к ней, как круги по воде, распространяется все дальше и дальше.

Нифонтова Руфина Дмитриевна

Родилась 15 сентября 1931 года в Москве.

Скончалась 28 ноября 1994 года.

Окончила ВГИК (1955, мастерская Б. Бибикова и О. Пыжовой).

В 1955–1957 — актриса Театра-студии киноактера.

С 1957 — актриса Академического Малого театра.

Лауреат Всесоюзного кинофестиваля в номинации «Первые премии для актеров» за 1958 год.

Лауреат Всесоюзного кинофестиваля в номинации «Первый приз за женскую роль» за 1960 год.

Народная артистка СССР (1978).

Снялась в фильмах:

1955 — Вольница

1956 — Полюшко-поле

1957 — Сестры

1958 — Восемнадцатый год

1959 — Хмурое утро

1961 — День, когда исполняется 30 лет

1963 — Русский лес

1964 — Палата

1965 — Год как жизнь

— Первый посетитель

1966 — Дачники

— Неизвестная...

1967 — Они живут рядом

1968 — Интервенция

- 1968 — Ошибка Оноре де Бальзака
1970 — Любовь Яровая
— Расплата
— Семья Коцюбинских 1972 — Опасный поворот
1977 — Риск — благородное дело
1979 — С любимыми не расставайтесь
1980 — Вам и не снилось...
— Жиголо и Жиголетта
1981 — Контрольная оп специальности
— Товарищ Иннокентий
1982 — Год активного солнца
1984 — Время и семья Конвей
— Берег его жизни 1992 — Сумасшедшая любовь

Руфина Нифонтова (справа), Вадим Медведев
и Нина Веселовская, экранизация трилогии
«Хождение по мукам», фильм «Сестры» (1957 г.)

Руфина Нифонтова, кадр из фильма
«Время и семья Конвей» (1984 г.)

Галина Сергеева: загадка актрисы

Старенький автобус, натужно урча, подошел к остановке и выплеснул из своего душного чрева новую порцию отдыхающих пролетарской здравницы «Мисхор». Высокий светловолосый мужчина, одетый по местной курортной моде в полосатую пижаму, неспешно прогуливался по улице и со снисходительностью бывалого человека посмеивался над восторгами приезжих, впервые увидевших пальмы и цветущие магнолии. Его цепкий взгляд сразу выхватил из этой пестрой толпы стройную девушку с яркими пухлыми губами и копной темных волос. Казалась, она одна не разделяла общей радости. Возможно, потому что у ее ног стоял большой и явно тяжелый чемодан. Наконец она вздохнула и, с трудом оторвав его от земли, медленно двинулась по дороге. Повинуясь безотчетному порыву, мужчина бросился к ней и протянул руку:

— Давайте помогу!

Девушка с опаской посмотрела на незнакомца, но уступила. По пути выяснилось, что неожиданный помощник знает, где находится театральный дом отдыха, куда она направлялась, потому что отдыхает там же. Когда они пришли на место, красавица независимо спросила:

— Сколько я вам должна?

Ее спутник оскорбился:

— Я Иван Козловский!

Девушка равнодушно пожала плечами:

— А я Галина Сергеева.

В тот момент имя Иван Козловский ей ничего не говорило, потому что двадцатилетняя актриса была так занята работой в театре и кино, что на остальную жизнь у нее просто не оставалось времени. Как и ее спутнику имя новой знакомой: фильм «Пышка», в котором Сергеева только что снялась и который сразу и навсегда сделал ее звездой, был закончен, но на экраны еще не вышел.

Именно за эти съемки, проходившие в авральном режиме и сложнейших условиях,

Галина для поправки здоровья была премирована первой в своей жизни путевкой на курорт. А тридцатичетырехлетний Иван Козловский, который, кстати, показался молоденькой актрисе почти что пожилым человеком, к тому времени уже был ведущим солистом Большого театра и имел не только славу первого тенора страны, но и массу поклонниц, которые подстерегали его на каждом шагу и, визжа от восторга, обрывали на память пуговицы с пиджаков. Сегодня можно утверждать наверняка, что именно с них началось движение музыкальных фанатов.

Так произошло знакомство двух талантливых и ярких людей, которое переросло в огромную любовь всей их жизни. Любовь — подарок, любовь — наказание.

Иван Семенович Козловский при жизни стал легендой: почитаемый, до конца своих дней востребованный и всеми оплакиваемый, когда 21 декабря 1993 года, он, ровесник века, умер и был похоронен на Новодевичьем кладбище.

Его великая любовь, Галина Ермолаевна Сергеева, тихо скончалась 1 августа 2000 года на восемьдесят шестом году жизни, самым фактом смерти вызвав волну удивления и интереса к своей персоне: неужели же все эти годы она была жива?

В 1934 году после выхода на экраны «Пышки» двадцатилетняя Сергеева ярким метеором взлетела на советский кинонебосклон, навсегда заняла на нем звездное место, снялась за девять лет в семи фильмах и через несколько лет канула в безвестность. Из ее фильмов остались только два: «Пышка» — в истории кино, «Актриса» — в сердцах и памяти зрителей. Почему так получилось? Разгадку этой тайны она унесла с собой.

Женщина порыва

— Мамочка всегда была необычайно яркой, — вспоминала ее старшая дочь Анна Ивановна Козловская (1938–2007). — Ей все давалось очень легко. В силу ее красоты и рано проявившегося таланта ее принимали везде.

Жизнь Галочки начиналась как сплошное везение и предвещала большое будущее: девочка из подмосковного Клина, единственная в многодетной семье фельдшера, мечтала о сцене и в шестнадцать лет добилась своего, став актрисой. В Ленкоме, где она служила, ее случайно увидел Михаил Ромм и понял, что нашел свою Руанскую деву и, как признавался позже, свой идеал актрисы и женщины. Судьба подарила им «Пышку».

Насколько это стало счастливым стечением обстоятельств, можно судить хотя бы по тому, что начинающему кинорежиссеру позволили снимать малобюджетное немое кино, даже не включенное в темплан 1934 года, когда Великий немой уже практически сдался под натиском звука, что заранее значительно сужало круг зрителей. Перед профессиональным переводчиком французской классики Михаилом Роммом и молодым оператором Борисом Волчком стояла сложнейшая задача: все действие «разместить» всего в двух декорациях — в дилижансе и гостинице. Но немой фильм «из французской» жизни сразу стал сенсацией и классикой отечественного кинематографа, а режиссер и оператор — знаменитыми.

Известной стала и дебютантка Сергеева, что было совсем непросто, если учесть, что рядом с ней играли А. Горюнов, А. Файт, П. Репнин, М. Мухин, а также другие дебютантки в кино Фаина Раневская и Татьяна Окуневская. Красивая молоденькая артистка с пухлыми губками не затерялась на их фоне и доказала, что у нее помимо яркой внешности есть талант. Ей пришлось гораздо сложнее своих опытных коллег, потому что практически вся ее роль решена режиссером на крупных и средних планах. И малейшая фальшь оказалась бы заметной.

Сергеева безумно уставала, разрываясь между театром и съемочной площадкой, и поражала всех удивительной способностью мгновенно засыпать в перерывах между съемками. Для этого подходило любое свободное местечко, даже застеленный чем придется пол, а под голову она подкладывала книги. Ромм, все подмечавший цепким взглядом, использовал потом эту находку в фильме «Ленин в Октябре» в эпизоде, когда на конспиративной квартире Ильич укладывался спать и сортировал (по идеологическим

критериям), какие книги под голову, а какие в ноги.

Как ни странно, но «Пышка», фильм, ставший классикой отечественного кино, не получил ни одной награды на родине, а вот приза Венецианского кинофестиваля в том же 1934 году был удостоен.

— *Мамочка шутила, что «Пышка» — это зонтик, под прикрытием которого она всю жизнь прожила.*

1934 год оказался самым напряженным, счастливым, самым «звездным» в жизни Сергеевой: она снялась сразу в трех художественных фильмах: «Любовь Алены», «Пышка» и «Весенние дни», играла в Театре-студии под руководством Рубена Симонова и познакомилась с Иваном Семеновичем Козловским.

Говорят, Сергеева очень понравилась самому Сталину, который смотрел все новые отечественные фильмы. Он собственноручно подписывал наградные указы, и в 1935 году Галина Сергеева стала самой молодой заслуженной артисткой республики.

У нее был удивительный непредсказуемый характер. Она была человеком порыва и была способна оценить безрассудный поступок, вызванный сильными чувствами.

— *Когда мама встретила в Мисхоре отца, она была замужем. Да и он не был свободен. Но детей ни у кого из них не было.*

Курортные романы развиваются по своим быстротечным законам. Галина Сергеева сначала оказалась в столовой рядом с Козловским (как потом выяснилось — им подстроенное соседство), потом приняла его приглашение прогуляться по берегу моря... Они плавали, загорали, разговаривали и вместе молчали, — им было хорошо вдвоем. А когда Иван Семенович, как мальчишка, залез по водосточной трубе к ней в комнату на втором этаже, то добрался не только до ее окна, но и до ее сердца. Он поставил условие, что в Москве они должны быть вместе. Но Сергеева думала еще целых три года, прежде чем началась их совместная жизнь, их любовь-страдание.

— *У мамочки была необыкновенная черта в этой среде — ей было совершенно наплевать на карьеру. Она радовалась, когда отменялась премьера, чтобы побыть дома, с отцом. У них была безумная любовь и сумасшедшая ревность друг к другу.*

Галину Ермолаевну раздражали вечно осаждающие мужа поклонницы, а он не мог равнодушно видеть восхищенные взгляды и слышать комплименты, которыми осыпали его супругу мужчины. Она ничего не делала для того, чтобы им нравиться, в ней не было даже невинного женского кокетства: природа отвесила ей такую супердозу сексапильности, что была без осечки наповал, заставляя делать глупости умных и облеченных властью мужчин. Ей предлагал руку и сердце Михаил Ромм, ее имя дал героине «Кубанских казаков», которую, правда, сыграла Марина Ладынина, влюбленный писатель Николай Погодин, художники писали ее портреты, поэты посвящали ей стихи.

Один портрет Сергеевой висел при жизни Анны Ивановны Козловской, их дочери, на стене большой красивой квартиры на Тверской в кооперативном доме Большого театра. Там все дышало воспоминанием о двух талантах и личностях: Сергеевой и Козловском. Галина Ермолаевна всю жизнь любовно собирала антикварные вещи и мебель. Благодаря вкусу Анны Ивановны и ее несомненному таланту дизайнера квартиры, наполненная этими вещами, смотрелась изысканно и стильно.

Обласканный властью солист Большого театра с супругой всегда были желанными гостями на правительственных встречах и банкетах. И частенько красавица Сергеева сидела рядом с Отцом народов. Со свойственной ей непосредственностью она позволяла себе такие замечания, от которых сталинское окружение порой впадало в шок.

— *Как-то, увидев вошедшую Светлану, мама говорит: «Иосиф Виссарионович, вы посмотрите, какое красивое лицо, но веснушки ее портят. Надо выводить. Я могу». Все в ужасе. Наутро звонит Власик — начальник охраны Сталина и говорит: «Ты с ума сошла! А вдруг у тебя не получится?» Что произошло бы в этом случае, никто не взялся бы предсказывать. От душевной щедрости мамочка вечно хотела преобразить и облагородить мир.*

Она умела быть бесстрашной и сказала «нет» всеильному Берии, когда тот попросил ее подписать донос, что в доме Поскребышева организовывались оргии. Сергеева возмутилась: «Поскребышев? Да ведь он маленький и страшенький! Какие у него могли быть любовницы? Во всяком случае, мне об этом ничего не известно». И ничего не подписала. Что ее спасло в тот раз: бдительный Ангел-хранитель, то, что она должна была вот-вот родить, или все-таки нескрываемая симпатия, с которой к ней относился вождь? Потом она позволит себе и вовсе безрассудный поступок: письмо самому Сталину в защиту мужа, у которого возникли проблемы в театре. И в конце письма со свойственной ей непосредственностью потребует: «Иосиф Виссарионович, прекратите это изматывание человека. Пожалуйста!»

— *Мамочке все сходило с рук. У нее даже не было врагов...*

Разрыв, но не конец

Она сделала мужу, как сама выражалась, два больших подарка: родила дочерей.

Накануне первых родов Иван Семенович с супругой отправились к друзьям на дачу. Чтобы сократить дорогу, они решили воспользоваться дырой в заборе. Но «объемная» Сергеева застряла, и, чтобы ее вытащить, потребовалось несколько человек. А ночью начались схватки, и запаниковавший супруг вместе с хозяином дачи на машине помчали ее в Москву в роддом № 7 им. Грауэрмана. Там, в знаменитом роддоме, в котором появилось на свет немало наших звезд, и родилась старшая дочь Козловского Анна. А вот у второй дочери, Анастасии, при рождении будет диагностирован сильный сколиоз, что в дальнейшем могло обернуться настоящим уродством. Галина Ермолаевна чувствовала невольную вину перед ней, баловала дочь и в то же время изводила ее и себя процедурами, возила на курорты.

Но, видимо, ее собственный Ангел-хранитель как-то не вовремя отвернулся и не углядел, как сама Сергеева сразу после войны попала в страшнейшую автомобильную аварию. У нее было сильно повреждено горло, врачи сшивали аорту и обрывки голосовых связок. Ей пришлось уйти из театра им. Вахтангова, долго лечиться, а потом им с мужем разрешили выехать в Чехословакию, чтобы сделать актрисе пластическую операцию. После этого рубцов на шее не стало, голос вернулся, но никогда он больше не будет того незабываемого грудного тембра, что заставлял трепетать сердца. Когда телевидение в «тысяча первый раз» покажет незамысловатую историю «Актрисы» — опереточной примадонны Зои Стрельниковой, решившей из патриотических чувств податься в госпитальные нянечки, вслушайтесь в него — и вы тоже ощутите его магию.

Кстати, хотя вокальные партии в фильме исполняла профессиональная оперная певица, работая над этой ролью, Галина Ермолаевна серьезно занималась пением под руководством мужа, что позволило ей в фильме быть очень органичной. По выходе на экраны фильм был разруган официальной критикой. Его обвиняли в надуманности конфликта (нужно ли искусство во время войны), в отсутствии четко выстроенного драматургического сюжета (фильм напоминал сшитые на скорую руку номера варьете) и т. п. Но упреки в меньшей степени относились к актрисе Сергеевой, — она наполнила жизнью и обаянием схематизм роли, что свидетельствует о ее несомненном драматическом даровании.

— *Фильм «Актриса», который вышел в 1943 году, сделал ее мечтой поколения. Его смотрели в блиндажах. Было невероятное количество писем. Часть их так и адресовалась: «Зое Ивановне Стрельниковой». Но главным для мамочки всегда была личная жизнь. Она легко отказывалась от ролей. Если бы она вышла замуж за Ромма, конечно же, ее судьба сложилась бы иначе. Но она стала женой тенора, и все в доме было подчинено служению ему.*

Как и положено в семье, где жизнь была посвящена искусству, девочек отдали в музыкальную школу: Анна училась играть на арфе, Анастасия — на скрипке. Но особых талантов у них не наблюдалось, и родители оставили их в покое, позволив самим выбирать

дальнейшие занятия. Впоследствии старшая дочь закончила филфак МГУ, младшая — выбрала английский язык. Правда, отец приложил все силы к тому, чтобы отговорить Анну Ивановну от желания пойти в актрисы. Но это будет позже, в их взрослой жизни...

Хотя Иван Семенович безумно любил дочерей, но даже они не спасали родителей от постоянного бурного выяснения отношений с упреками и слезами.

— *Они все время что-то доказывали друг другу. Отец был фанатично предан своему голосу, у него был жесткий режим, которому было подчинено все в доме. Мы все время слышали: «Тихо! Папа занимается» или «Папа отдыхает». У отца всегда была своя квартира в Брюсовом переулке. После ссор он уходил туда. Потом все чаще.*

«Медицинский» эпизод

И тут Галина Ермолаевна совершила непредсказуемый поступок: сообщила мужу, что уходит от него и выходит замуж за известного профессора, академика Чаклина, который сделал уникальную операцию Анастасии, вернув ее к нормальной жизни.

Сделала ли она это из благодарности или просто устав от бурной жизни в вечных выяснениях отношений? Кто знает. На вопрос дочери, заданный перед телекамерой в конце ее жизни, жалеет ли она, что ушла от Козловского, Сергеева, не задумываясь, ответила: «нет!» Она, конечно же, не кривила душой, но причины этого шага так никому и не объяснила.

— *Мама была борец. У нее было обостренное чувство справедливости. Из-за этого она была упряма и лезла на рожон. Часто в этом была причина ссор с отцом, которому приходилось идти на компромиссы.*

Человек глубоко порядочный, для которого честность стала чем-то вроде религии, Галина Ермолаевна всю жизни была максималисткой и не прощала неблагоприятных Sr поступков. Ее новый брак, благодаря которому она впервые в полной мере почувствовала сладость достатка, получила роскошные вещи, оценила удобство домработницы, был недолгим. Хотя от нее ничего не требовалось, кроме как подобающим образом принимать именитых гостей нового мужа, блистать рядом с ним на официальных мероприятиях, и... иногда закрывать глаза на любовные похождения супруга на стороне. Но она поняла, что не может с этим смириться, и без сожаления рассталась с ним и теми благами, которые он ей дал.

— *Бедный отец... С одной стороны, он был благодарен Чаклину за спасение младшей дочери, а с другой — ненавидел его, потому что тот увел жену. Когда мама рассталась с Чаклиным, они не съехались, хоть отец ее очень любил, да и она его тоже. Отец не простил маму, к тому же он ценил свое одиночество, привык жить, чтоб ему никто не мешал. Он так больше и не женился, но у нас, детей, всегда спрашивал о маме. Они всегда отмечали вместе с нами большие праздники: Пасху, Рождество. Семья временно «объединялась» на даче отца, куда он всегда приглашал маму.*

После развода с академиком Сергеева оказалась с двумя детьми на руках, без работы и совершенно без средств. Пай за роскошный кооператив на Тверской был еще не выплачен.

— *Отец был на нее очень обижен до конца жизни. Мама совершила эпатирующий поступок: не каждая женщина позволит себе уйти от Ивана Семеновича Козловского. Он тогда безумно сердился на нее и не помогал материально. Он деньги давал только нам, дочкам. Я в то время училась в университете и первый раз вышла замуж. Отец содержал нас с мужем-аспирантом.*

Я помню шелест бумаг: это кипа ломбардных закладных, над которыми часто сидела мама. Она панически боялась пропустить срок выкупа, потому что тогда вещи сразу продавались. Так за бесценок ушла часть прекрасной мебели из карельской березы, картины, люстры. В те трудные времена мама проявила силу духа и стала сама зарабатывать деньги. Она сделала программу и по линии Бюро пропаганды кино много ездила с творческими встречами. Порой выступала в нечеловеческих условиях, но не жаловалась,

была счастлива, что могла заработать деньги и выкупить квартиру.

А вот ни в театр, ни в кино ее больше не звали. Во всяком случае, Анна Ивановна не помнила, чтобы ей предложили роль. А просить Галина Ермолаевна не умела. Она всю жизнь шла только вперед, не оглядываясь назад и не сожалея о прошлом. Вот и с Иваном Семеновичем не стала восстанавливать отношений, хотя прекрасно знала свою невыносимую власть над ним.

— В присутствии мамочки отец совершенно менялся. И как бы ни ревновал, как бы ни обижался, он всегда был в сфере ее притяжения. Завидев ее в толпе, умолкал на полуслове, бросал собеседника и бегом устремлялся вслед за ней. Их всю жизнь связывала тонкая нить. Иногда такая тонкая, что было непонятно, как она не рвется. Объяснить это невозможно, как нельзя объяснить саму любовь. Это была великая любовь на всю жизнь. Хотя они и разошлись, потому что невозможно двум ярким личностям и сильным характерам быть вместе.

Иван Семенович доживал свой век в окружении состарившихся вместе с ним верных поклонниц, которые помогали по хозяйству, налаживали его быт. Одна из них, Н. Ф. Слезина, на протяжении сорока пяти лет была его бессменным секретарем и ушла из жизни вслед за своим кумиром.

Анна Ивановна Козловская стала вице-президентом Фонда имени своего великого отца, который возглавила замечательная певица Бэла Руденко. Объединив почитателей таланта Козловского и всех, кто заинтересован в развитии отечественного оперного искусства, они в рамках Международного конкурса вокалистов имени Глинки отмечали молодые дарования.

Последний курортный роман

Сергеева была домоседкой. Но не потому что испытывала какие-то проблемы с внешностью, — напротив, она всю жизнь очень тщательно следила за лицом и до последнего выглядела прекрасно, значительно моложе своих лет. Не было для нее подарка ценнее, чем какой-нибудь новый хороший крем или лосьон.

— Она тут же вооружалась лупой и начинала тщательно изучать инструкцию. Давала обстоятельные до занудства советы нам, дочерям, нашим подругам, знакомым и случайным людям по уходу за внешностью. Она искренне хотела сделать всех красивее. Думаю, потеря всех сбережений в рухнувшем «Тибете» мамочку огорчила гораздо меньше, нежели неожиданно закончившийся любимый крем.

Как-то дочь с трудом уговорила Галину Ермолаевну поехать на три дня в Дом отдыха Большого театра в Серебряном Бору.

— Мамочка была еще молодая и красивая — ей было всего семьдесят шесть лет. Да-да, не смейтесь! Начиналась весна. В столовой ее посадили за один стол с Виктором Васильевичем Горбуновым, бывшим певцом Большого театра. Чего обычно не хватает людям в таком возрасте? Общенья. А тут встретились два интересных собеседника, две родственные души. Они много гуляли и разговаривали. И так начался последний, необыкновенный роман ее жизни. Через какое-то время по возвращении мамы «с курорта» вдруг звонит незнакомый мужчина и хорошо поставленным басом, очень волнуясь, просит Галину Ермолаевну. Я со смехом говорю: «О, тебе уже мужчины звонят?»

Сергеева растерялась, потому что своему новому знакомому ни телефона, ни адреса не давала, считая, что в их возрасте это просто неприлично. Но настойчивый новый поклонник разыскал ее через адресный стол и какое-то время, как мальчишка, караулил возле дома. Но поскольку Галина Ермолаевна выходила редко, то, потеряв надежду на «нечаянную» встречу, он все же решился позвонить и пригласить ее в кино.

— Мама отказывалась, но я ее уговорила. А дальше жизнь ее изменилась: они с Горбуновым подолгу разговаривали по телефону, вместе гуляли, ходили на кладбище, где покоилось так много их общих знакомых. Они были почти ровесниками (он на год старше). И вдруг он сделал маме предложение. Ну, тут я искренне возмущилась: пусть живут

вместе, если хотят, но зачем им в этом возрасте расписываться? На это она обезоруживающе ответила: «Но ведь он требует».

Виктор Васильевич был в прошлом не только певцом Большого театра, но и военным кавалеристом в отставке. И было в его натуре что-то лихое, гусарское: он не только настоял на браке, но и на том, чтобы Сергеева переехала к нему, в более чем скромную квартиру на Малой Грузинской, где не было ни антиквариата, ни мебели из карельской березы. Зато по всем стенам были развешены ее портреты, которые он рисовал с утра до вечера.

— Недолго думая, мамочка собрала немного вещичек, оставив здесь все мне, выписалась и переехала к нему. И была настоящая свадьба, на которую мы с сестрой и моей племянницей были приглашены. Горбунов ее безумно и романтично любил и писал трогательные поздравления к праздникам. Я даже завидовала их чувствам, такие они были трепетные и настоящие. Он ее просто обожал. Маме везло в жизни, в смысле, что судьба посылала ей людей, которые в тот момент были ей нужны. Я ходила к ним в гости. Меня кормили обедами. Она не любила готовить, а он готовил с удовольствием и всегда хотел ее чем-нибудь порадовать. От ее слов «спасибо, Витенька, дорогой» он расцветал.

Виктор Васильевич подарил Сергеевой девять прекрасных, наполненных трепетной заботой лет. Он сделал ее счастливой и сам был бесконечно счастлив, рыцарски ей служа. И конец его жизни стал образцом и подтверждением его великой несовременной любви: стремясь порадовать супругу, он, несмотря на недомогание, отправился на рынок именно за теми яблоками, которые она любила. На улице ему стало плохо, он упал и потерял сознание. Когда Анна Ивановна по просьбе обеспокоенной матери разыскала его в одной из больниц, он уже скончался от инсульта. Поскольку родственников у него не было, ей пришлось взять на себя все хлопоты с похоронами.

— У мамы был счастливый конец жизни. После смерти Виктора Васильевича я хотела перевезти ее обратно, но она отказалась, потому что ей там нравилось. Может быть, она просто не хотела возвращаться в прошлое? Она говорила: «Потом, милая, потом...» Мама всегда была мне верным другом. Я всегда чувствовала ее любовь и поддержку. Она считала свою жизнь состоявшейся и ни о чем не жалела. Она до конца была необычайной оптимисткой. У нее никогда не опускались руки. Она просто не верила, что есть неизлечимые болезни и, наверное, поэтому практически никогда не болела. Она ужасно боялась обременять меня, и в восемьдесят шесть лет ушла мгновенно от инсульта. Такую смерть Бог посылает избранным.

Сергеева Галина Ермолаевна

Родилась 2 февраля 1914 года.

Скончалась 1 августа 2000 года.

С 1930 г. — актриса Театра-студии под руководством Рубена Симонова.

В 1939–1944 — актриса театра им. Ленинского комсомола.

В 1944–1948 и в 1952–1956 — актриса Академического театра им. Евгения Вахтангова.

Заслуженная артистка РСФСР (1935).

Снималась в фильмах:

1934 — Любовь Алены

— Пышка

— Весенние дни («Энтузиасты»)

1935 — Мяч и сердце

1936 — Гобсек

— Будни

1943 — Актриса

Галина Сергеева, кадр из фильма
«Пышка» (1934 г.)

С мужем Иваном Козловским

Светлана Тома: нетипичная Золушка

Эта история начиналась в духе голливудских киносказок, и ее можно было бы назвать очередной вариацией любимой всеми истории о Золушке. И даже снять красивый фильм. И

начинался бы он так: «На автобусной остановке стоит стройная темноволосая девушка. Ее бесцеремонно разглядывает молодой человек, потом подходит и спрашивает: „Хотите сниматься в кино?“ Серьезная юная особа, решив, что с ней пытаются познакомиться, кстати, весьма неоригинальным способом, решительно отвечает: „Нет!“ Но мужчина настойчив. Он что-то объясняет, показывает свои документы, махнув рукой в сторону находящейся недалеко Кишиневской киностудии. И девушка, уступая его напору, сдается и идет за ним вслед. Ее приводят в комнату, на двери которой надпись „Красные поляны“, и представляют режиссеру. Так Золушка встречает своего Принца».

Первая любовь

К сожалению, жизненные сценарии мало похожи на кинематографические. Семнадцатилетняя Светлана Фомичева собиралась вслед за одной из своих бухарестских тетюшек избрать профессию юриста. Но встреча с Принцем — Эмилем Лотяну — нарушив все планы, делает ее любимицей миллионов, кинозвездой по имени Светлана Тома (фамилия ее французских предков). Тем не менее всю жизнь ей придется рассчитывать только на свои силы, противостоять ударам судьбы и расшифровывать ее мистические знаки.

Эмиль Лотяну начинал блестяще: в 1964 году закончил ВГИК и сразу получил на киностудии «Молдова-фильм» самостоятельную постановку — фильм на героико-революционную тему «Ждите нас на рассвете», которым заставил о себе говорить. Следующую работу, фильм «Красные поляны», ему доверили делать уже в цвете. Там впервые молодой режиссер заявил о своей особой поэтике, сочетающей цвет, звук и выразительную пластику актеров, которая отличает его лучшие фильмы. В Светлане он разглядел не только внешнюю красоту и тонкость черт, которая генетически шлифуется в течение многих поколений и называется «породой», но силу духа, индивидуальность и внутреннюю гармонию — то, чему нельзя научить даже на актерском факультете. Он как-то сказал:

— *Искусству просто необходимы люди чистые, рыцарственные. И я поверил в эту девочку, поверил, что она сыграет Иоанну.*

Он даже отправился к родителям Светланы и употребил все свое обаяние, чтобы добиться их согласия на участие старшей дочери в съемках. Те согласились, но втайне надеялись, что «игра в артистки» окажется в жизни той досадным эпизодом, и она, как и планировала раньше, поступит на юридический.

Светлана была типичным домашним ребенком, которого холили и лелеяли. Она абсолютно ничего не умела в плане актерской профессии, но уже через несколько дней храбро вошла в кадр. И вчерашняя школьница в алом платье органично вписалась в насыщенный яркими красками поэтический мир простых людей и их сильных чувств. По сценарию на фоне «трудовых буден» разворачивается настоящая борьба за сердце героини между чабаном Саввой и журналистом Андреем.

— *Честно говоря, я тогда ничего не поняла. Это случилось неожиданно и достаточно сумбурно. Не могу сказать, что был страх перед камерой. Были кинопробы, а через неделю я была утверждена, и мы уехали в экспедицию.*

Мне было интересно: своего рода игра в предлагаемых обстоятельствах. Действие фильма происходило в сельской местности. Фильм визуально красив, как впрочем, и все картины Лотяну. Поскольку я выросла в деревне, то на бытовом уровне мне было все знакомо и понятно: я умела доить, косить. Но, с другой стороны, когда надо было играть чувства, у меня возникли проблемы: опыта в этом плане никакого не было, потому что я еще ни с кем не встречалась. И мне приходилось полностью полагаться на режиссера. Во время съемок этого фильма я впервые влюбилась. И влюбилась в своего режиссера. Поэтому стала кое-что понимать.

Но произошло это не вдруг, а когда съемки уже шли полным ходом, хотя Лотяну ей

сразу понравился. Позже она признается, что если бы не почувствовала к нему расположения, то во второй раз бы ни за что не пришла, — несмотря на молодость и неопытность характер имела твердый. На всю жизнь она останется верна своему юношескому максимализму: если человек чем-то неприятен, то общаться с ним просто не будет. Даже ценой потери роли.

Воспитанная в суровых традициях (так и хочется сказать «домостроя»), Светлана тщательно скрывала свой интерес и свою влюбленность.

— *Он был недостижим для меня, как бы на пьедестале. «Режиссер» — загадочное, притягательное слово. Он был невероятно хорош собой. Умел ухаживать.*

Вроде бы пока все движется по привычному «киношному» сценарию: семнадцать лет — первый фильм — первая любовь. Такие служебные романы между режиссером и актрисой — не новость в кинематографической среде.

— *Он был старше меня на двенадцать лет (Лотяну было тогда двадцать девять лет. — Прим. авт.), опытным молодым человеком. Он очень нравился женщинам. Он всегда производил на них впечатление, хотя ничего специального для этого даже не делал: просто был таким. Эмиль был талантливым, ярким, красивым. В те времена, когда ничего позволить себе было нельзя, красиво одевался. К тому времени он уже развелся, и его семья жила в Бухаресте. Он периодически туда ездил и там покупал себе вещи, — все-таки Бухарест это была Европа. Это была большая любовь. Настоящая, не придуманная, которая продолжалась много лет, многому меня научила и многое мне дала. Не только в плане эмоций и чувств, но вообще в плане взаимоотношений мужчины и женщины.*

У Лотяну была своя жизнь. Ее подробности меня никогда не интересовали. Я никогда не задавала ему вопросов, не предъявляла никаких прав, ничего не просила. Он очень нежно относился ко мне, беспокоился, опекал меня: как я себя чувствую, поела — не поела... Когда я заболела, самоотверженно ухаживал. Понимаю, что с одной стороны им двигали эгоистические чувства: ему была нужна здоровая актриса, но с другой — это была искренняя человеческая забота. Наши отношения развивались органично и плавно и совершенно естественно переросли в близкие.

Последний день на «Красных полянах» для меня был катастрофой. Я его никогда не забуду. Мне казалось, что моя жизнь в восемнадцать лет уже закончилась и все самое прекрасное, что могло в ней быть, уже было. И больше никогда ничего подобного не будет. Для меня это была невероятная душевная драма: заканчивается фильм, и я понимала, что с фильмом заканчиваются наши отношения. Эти эмоции идут со мной через всю жизнь.

Последний съемочный день я помню в мельчайших подробностях: как я проснулась, как встала, что и где мы снимали... Дело было в Гаграх, потому что уже стояла осень, а надо было доснять летнюю натуру. Я шла по мокрому песку и рыдала навзрыд. Пасмурный день, холодное свинцовое море, пустынный пляж, по которому бродят одинокие чайки... Все совпадало с моим настроением. Это было крушение мечты. Я не знала, что буду делать дальше, чем заниматься, как жить...

Потом гримерша станет допытываться, что случилось и почему у нее красные опухшие глаза. Их роман с Лотяну для многих оставался тайной: каждую ночь главная героиня, определенная на постой в двухместный номер вместе с гримершей, ночевала в своей кровати. Она была наслышана, что для многих путь в кино лежал именно через постель с режиссером, и очень боялась, что и о ней могут подумать нечто подобное. Поэтому старалась ни словом, ни взглядом не выдать переполнявшие душу чувства. Только вот в последний день сдержаться не могла. Но в ответ на все расспросы упорно молчала.

А вот режиссер ее ни о чем не спросил. Понимал ли он, что творится в ее душе? Кто знает. Но они об этом не разговаривали: молодая девушка в силу неопытности была зажата, панически боясь показаться навязчивой. Они и потом, когда их отношения возобновятся, никогда не будут затрагивать эту тему. Это табу.

— *Сегодня женщины мудрее, они говорят об этом, проясняют, провоцируют мужчину на разговор. Я боялась это делать. Может быть, потому что Эмиль был старше*

меня?.. Я замыкалась в себе, могла терпеливо ждать день, неделю... Никогда не задала ни одного вопроса. Сегодня я вопросы задаю.

А вот дальше сказка развивалась по своим законам, а жизнь — по своим. И хотя фильм «Красные поляны» был тепло встречен критикой и зрителями и в 1967 году удостоен приза на Всесоюзном кинофестивале в Кишиневе, а Тома получила Приз за лучший дебют, дороги режиссера и актрисы надолго разошлись.

Галатя с Пигмалионом и без...

Лотяну первым поверил в предназначение Светланы и предложил ей поступать во ВГИК. В тот год набирал курс сам Герасимов. С главной ролью за плечами и направлением от национальной студии — это было бы наверняка. Но она не поехала в Москву. Может быть, потому что он оставался в Кишиневе?.. А Лотяну не настоял.

Она полгода вольнослушательницей посещала русскоязычный актерский курс Кишиневского института искусств им. Музыкаску, а потом успешно сдала экзамены и была принята, что несказанно огорчило ее родителей. Более того, увидев старшую сестру на экране, актрисой захотела стать и их вторая дочь, Фалина. Она была очень эмоциональной девочкой и даже сбежала из дома, чтобы поступать во ВГИК. Родители «сняли» ее с московского поезда, решив, что две актрисы в семье — это уже чересчур. В итоге сестра Светланы закончила филфак, многие годы проработала педагогом, а сейчас живет с семьей в Кельне.

— Я так устроена, что никогда не делала резких телодвижений. Мне не дано что-то пробивать, настаивать. У меня другая органика, другие взаимоотношения с жизнью. Меня как будто кто-то ведет по жизни. Судьба?.. Я со своей стороны не прилагала усилий, чтобы что-то изменить. Единственное, чего я не выносила: когда встречала на своем пути энергетически мне чуждых людей. Я молча уходила. Были разные жизненные ситуации, когда приходилось выбирать. Я понимала, что с этим мужчиной, например, будет спокойный налаженный быт, жизнь в достатке за границей, но наши отношения будут развиваться до определенного момента. И надо или принять это — а с этим и все удобства, — или выбрать настоящие отношения. Я человек сердца. Сколько раз пыталась подключить к сердцу голову, но в неравной борьбе сдавалась: сердце сильнее моей головы. Я не хочу говорить, хорошо это или плохо, но для меня невозможно.

Студенческие годы были заполнены не только учебой и съемками, иногда вдруг Лотяну опять врвался в ее жизнь, все заполняя собой. А потом опять «выпадал» из нее. И она никогда не знала, на время это или навсегда.

— Наши отношения продолжались, но я не знала, как их назвать. Я чувствовала с его стороны поток заботы, нежности. Но в то же время были и непонятные поступки: мы можем сидеть где-то, общаться, вдруг заходит какая-то женщина, вызывающая у него импульс. Его внимание переключалось на нее. Я понимала, что ему это интересно: он ее рассматривает, чему-то улыбается, может подойти, сказать комплимент... Он очень импульсивный человек. Вся его жизнь, как и творчество — импульс.

Он предпочитал не задумываться, какое впечатление это производит на Светлану. А она умела не обижаться. Возможно, потому что для женщины возраст — это одно, а мудрость — совершенно другое. Она или есть или ее нет, даже в старости.

— Мужчины по-своему устроены. Они не думают об этом, если женщина их ненавязчиво этому не учит. Женщина выстраивает отношения, когда она или от природы талантлива в этом или имеет богатый жизненный опыт. Для меня он был первым мужчиной, в котором сосредоточилось все: любимый, режиссер, Мастер, учитель, брат, мама, папа. В любви к нему все соединилось: восхищение, поклонение. Он выстраивал линию наших взаимоотношений, как ему было удобно. А я просто любила. Безумно любила. И не задавала вопросов. Может быть, это было правильно, потому что он из тех мужчин, которые не любят вопросов, очень бурно на них реагируют. Может быть, в этом была моя

мудрость, мое интуитивное понимание, поэтому и наши отношения прошли на протяжении многих-многих лет, через всю жизнь.

Это почти типичная история Пигмалиона, который «вылепил» свою Галатею. И всю жизнь имел над ней необъяснимую власть. Как, впрочем, и она над ним — невзирая на количестве женщин, что у Лотяну были до нее и будут после. Может быть, Тома и Лотяну оказались в числе тех немногих счастливиц, которым с небес ниспослано нечто большее, чем любовь. Это духовная гармония. Их объединили высшие чувства, мощная энергетическая субстанция, позволяющая испытать такой накал эмоций, что гораздо сильнее и выше плотских.

Лотяну был человеком закрытым и никогда не делился с ней жизненными и творческими планами. Правда, как-то из Дома творчества в Пицунде он прислал ей открытку: *«Пишу для тебя сценарий. Сценарий получается „во“!»*

Это было в 1968 году. Режиссер Владимир Венгеров пригласил ее сыграть роль цыганки Маши (это имя много позже получит ее единственная и горячо любимая внучка) в фильме «Живой труп». Она станет первой цыганкой в творческой биографии Тома.

— И я еду сниматься к Венгерову. Это первый и единственный раз, когда я предпочла Эмилю другого режиссера. Поэтому Лотяну начинает снимать в Керчи фильм «Это мгновение» без меня.

Почему это произошло? Неосознанный протест, бунт? Желание что-то доказать ему или себе? Она и сама не может сказать точно. Просто верит в то, что тому, Кто ее вел, было виднее. Она выбрала экранизацию Л. Н. Толстого и ни разу об этом не пожалела, несмотря на то, что Лотяну был в бешенстве.

— Я очень люблю этот фильм. Всего в моей творческой биографии будет четыре цыганки, а от скольких ей придется отказаться — полтабора наберется!

Когда Эмиль увидел «Живой труп», сказал: «Вот я тебя сниму в роли цыганки, и ты увидишь, что это такое!» Это было сказано за пять-шесть лет до «Табора».

На главную роль (которая писалась специально для Светланы) в фильме о борьбе антифашистов-интернационалистов в Испании Лотяну пригласил непрофессиональную актрису, математика по профессии Марию Сагайдак. Но, наверное, он понимал, что без Тома фильм что-то потерял, и, не держа на свою Галатею зла за «измену», написал для нее специальный эпизод и снял его во Львове.

Фильм «Это мгновение» был прохладно встречен зрителями и разруган вдрызг критикой, но стал этапным для режиссера и актрисы, поскольку связал чуть было не порвавшиеся нити их творческих и человеческих отношений.

На одном курсе с Тома учился красавец Олег Лачин. Из той породы мужчин, по которым всегда сходят с ума женщины: скандинавского типа, высокий синеглазый блондин со спортивной фигурой, сейчас сказали бы — голливудский типаж. А вот Светлана с ума не сходила. Она просто не замечала его. Много снималась, поэтому ей приходилось сначала пропускать занятия, а потом в бешеном темпе наверстывать пропущенное. О ее сердечной тайне никто из сокурсников не знал, поэтому Покоритель дамских сердец буквально заиклился на том, чтобы завоевать неприступную красавицу. Сначала, возможно, просто для того, чтобы удовлетворить собственные амбиции, но незаметно для себя Олег влюбился в нее безумно. Так же безумно ревновал, предъявляя несуществующие права. Он снялся в паре фильмов, на него обратили внимание — это был известный «кишиневский мальчик». Но, как это часто бывает, в противовес крепкой фигуре обладал некрепким характером: сначала от радости, потом от проблем стал прикладываться к бутылке, что в конце концов его и погубило.

Весь их курс получил распределение в Тираспольский русский драматический театр. Там напор Олега стал такой силы, что «выбивало предохранители». Он любым способом решил добиться Светланы. Это при том что весь город был в него влюблен! На «него» ходили в театр, специально приезжали из Кишинева, а эта Фомичева равнодушно отвергала все знаки внимания!..

Но жизнь так странно устроена, что заставляет порой совершать необъяснимые поступки: в ответ на очередное предложение Светлана вдруг дала согласие.

Свадьба была в Кишиневе. Она поставила в известность Лотяну и даже пригласила на торжество. Тот пришел. Принес какой-то подарок, сказал что-то полагающееся случаю, выпил за ее семейное счастье... И никто, в том числе и она, никогда не узнают, что он при этом чувствовал. А вот ей понадобилось все самообладание с актерским мастерством в придачу, чтобы не подать виду, что душа разрывается от боли. Звон разбитых надежд звучал у нее внутри, заглушая Свадебный марш Мендельсона. Но никто ни о чем не догадался. Она всегда была хорошей актрисой и гордым человеком. Никто не увидит ее страданий: она научилась улыбаться, когда душат слезы, и еще выше поднимать голову.

Но молодость — прекрасная анестезия душевным ранам, любимая работа тоже. Молодоженам дали хорошую квартиру, и Светлана начала обживать новый дом и привыкать к положению замужней женщины.

Они прожили вместе всего год с небольшим. У них родилась дочь Иринка. Светлана с восьмимесячной дочкой гостила у родителей в Бельцах. Там ее и застало известие о трагической гибели мужа: его моторная лодка попала под катер на воздушной подушке. Его изуродованное тело выловили из Днестра, а лицо смерть пощадила: оно осталось таким же красивым, как при жизни.

— *Ночью мне позвонила приятельница и сказала: «Олег в морге». За одну ночь я поседела, у меня пропало молоко. Кто мог это предвидеть? Это был страшный удар. Смерть — это всегда страшно, а тут отец моего ребенка... Для меня это было ужасным потрясением. Олег был всеобщим любимцем, и это был шок для всех, его оплакивал весь город. Я оставила дочь с мамой и с отцом уехала в Тирасполь. Что там было, я плохо помню, потому что меня все время кормили транквилизаторами. Когда мы через три дня вернулись, мама меня не узнала: я истаяла, как свечка. Почему так должно было случиться? Бесполезный вопрос: судьба...*

Потом она на короткое время приедет в Тирасполь, чтобы привести дела в порядок, поменять квартиру на Кишинев и уехать навсегда. Растить Ирочку ей будут помогать родители. А Светлана станет много работать, бывать дома наездами, и дочка вырастет практически без нее.

Но судьба, как бы устыдившись того, что причинила столько незаслуженной боли, приготовила ей подарок: вспыхнувшее с новой силой чувство к своему Принцу, новый «виток» их отношений. Лотяну, как Онегин на балу, был поражен, увидев перед собой не вчерашнюю наивную и несмелую деревенскую девочку, а повзрослевшую и много пережившую красавицу, с печалью и житейской мудростью в прекрасных темных, как глубокие омуты, глазах. «Все возвратилось на круги своя», — скажет потом Светлана. И хотя она много снималась у других режиссеров, свои лучшие роли сыграла все-таки у Лотяну. Спустя много лет она задаст себе вопрос, на который до сих пор так и не может найти ответа:

— *Почему с ним я достигала определенной планки, а с другими режиссерами не получалось? Ведь я оставалась такой же, как была... Эмиль всегда подходил ко мне с завышенными требованиями. Даже когда мы были вместе, на съемочной площадке он не относился ко мне, как к близкому человеку, — я была для него такая же актриса, как все. Но только требований ко мне было больше. Он жесткий человек, а я ранимый. Он мог сказать что-то обидное и оскорбительное, но я никогда на него не обижалась, потому что понимала, что он знает, что я могу больше, прыгнуть еще выше. Я готова была все стерпеть ради результата и все прощала, потому что знала, что есть экран и то, что останется в истории. А все остальное уйдет. Когда заканчивался съемочный день, он становился совершенно другим человеком — нежным и ласковым, добрым. Он умел дарить радость.*

Главная роль среди главных

Светлана сыграла у Лотяну в «Лаутарах», в фильме, который получил серебряную награду в Сан-Себастьяне. А потом в 1975 году был «Табор уходит в небо».

— Когда Эмиль дал мне сценарий «Табора», я, честно говоря, думала, что буду играть вторую роль. Самое смешное: читала сценарий и не понимала, что это для меня. Мне и в голову не могло прийти: такая роль!.. Думала, что на роль Рады он пригласит какую-нибудь московскую артистку. Тем более что в Кишиневе не утвердили этот сценарий: «Неактуально», «Не такие темы нужны советскому киноискусству»...

Но тут опять вмешался Его Величество Случай: директора киностудии «Молдова-фильм» Леонида Мурсу приглашают директором экспериментального кинообъединения «Мосфильма», где художественным руководителем был Григорий Чухрай. И он предлагает Лотяну реализовать идею с «Табором». Тома вызывают в Москву на пробы. Потом на повторные. Видимо, ее утверждение на главную роль не прошло гладко, но режиссер настоял на своем.

Этот фильм назовут лучшим в творческой биографии режиссера, а цыганка Рада станет визитной карточкой актрисы. Фильм получился ярким, праздничным, пронизанным вольной цыганской поэтикой. Но за видимой легкостью скрывался тяжелейший труд всей киногруппы, и в особенности главной героини. Чтобы выработать танцующую цыганскую походку, ей приходилось часами ходить с грузом на ногах и голове, без дублерши выполнять сложные трюки, что едва не стоило ей жизни. В этой роли мало слов, больше выразительной пластики. Позже актриса признается, что именно это больше всего ей нравится и что вообще мечтает сыграть в картине, где нет ни одного слова, но все понятно за счет мимики и жеста. Она считает, слова на девяносто процентов состоят из лжи, а вот глаза, жесты, поступки людей не лгут.

— За «Табор», где я пела, танцевала и чуть не погибла во время съемок, получила девятьсот рублей. Человеческая жизнь у нас тогда вообще ничего не стоила.

Да и проблем со сдачей картины было немало: Лотяну наотрез отказался вырезать сцену, где Рада предстает с обнаженной грудью — по тем временам чуть ли не порнография! Но скрепя сердце начальство уступило, и фильм вышел на экраны. И занял первое место в прокате. Светлану Тома зрители назвали Лучшей актрисой 1976 года. А потом на фильм, как из рога изобилия, посыпались призы и награды — всего около тридцати. Возможно, и не рекорд, но число говорит само за себя.

Конечно, эта роль стала для Светланы подарком судьбы. И проклятием. Потому что мало кто понимал, как тяжело ей было жить с этим грузом, бременем славы одной роли. Она чуть не оказалась придавленной им.

— В этой жизни все так многомерно и непросто, и всегда есть две стороны медали. Если положить на одну чашу весов Раду, а на другую — все остальное, что я сделала в кино, то первое перевесит. Но это и счастье и беда, если рассматривать этот успех с той точки зрения, что можно было и после «Табора» сделать что-то равноценное...

Получилось так, что вся дальнейшая творческая судьба Светланы Тома и зрителями, и режиссерами втискивалась в прокрустово ложе этой роли.

— Мне было очень трудно вырываться из этого круга. Зрителя я понять могу: ему это очень понравилось, и он ждал продолжения. Доходило до смешного: когда я по линии Бюро пропаганды советского киноискусства приезжала на очередную творческую встречу и выходила на сцену в своем обычном виде: в очках, с хвостиком на голове, в нарядном платье или костюме, — зритель разочаровывался. Они хотели видеть меня в цыганской юбке и пестром платке. Я протестовала, стремясь доказать им, что я актриса и могу что-то еще кроме Рады. Но они свистели, кричали, требовали своего. Сколько сил уходило, чтобы завоевать зал!

Но зрительская любовь, как и любая другая, бывает очень жестока. Причины ее возникновения и собственные законы развития никак не могут быть постигнуты с точки зрения холодной логики. В какое-то время в каком-то месте вдруг все складывается именно

так, и неуправляемый энергетический поток взрывается гейзером в небо — и рождается любовь. Диктующая свои правила и эгоистично требующая взамен полной отдачи. Так все пересеклось в Раде: вот она — женщина-мечта, роскошно прекрасная в дешевых пестрых тряпках, босая, порой голодная, но независимая и царственно гордая. Мужчины видели в ней недостижимый идеал, а каждая женщина в глубине души верила, что способна на такую же сумасшедшую стихию чувств.

— *Я не имею права проклинать Раду, я ее люблю. Мне самой эта женщина нравится, но я, Светлана Тома, не такая. Мне потом много раз предлагали играть цыганок, но это были «бытовые» роли, а я не умею играть «приземленных» женщин. Не то чтобы я этого не умею, но не люблю.*

Пересечения случайные и закономерные

Звездный творческий тандем Лотяну — Тома благодаря фильму «Табор уходит в небо» навсегда останется в истории отечественного кино и памяти зрителей, а вот личный — рухнет. На следующий год режиссер приступит к работе над новым фильмом «Мой ласковый и нежный зверь», в котором главную роль отдаст шестнадцатилетней учащейся Воронежского хореографического училища Галине Беляевой. Она займет главное место и в его сердце. Светлана Тома снова сыграет в этом фильме роль цыганки, роль, от которой в конечном счете останется пунктир: почти все эпизоды с Тиной безжалостными режиссерскими ножницами будут отправлены в корзину.

Тина была другая, «нетипичная» цыганка. Именно она скорее Светлана Тома, а не наоборот: в ее молчании не безразличие и покорность судьбе, а понимание и всепрощение истинной любви. Поэтому сцена, где Камышев (Олег Янковский) как в бреду идет к ней по воде, повторяя, как заклинание, ее имя и протягивая руки, как к спасительному (уместнее, чем спасательному) кругу, одна из самых запоминающихся в фильме. И в сумрачном полумраке в свете мерцающих свечей эта женщина с грустными глазами в белом — женщина-мечта, воплощение идеального чувства вне времени и пространства. Может быть, так рассказал нам закрытый человек Эмиль Лотяну о своем отношении к актрисе Светлане Тома? О своем незыблемом высоком чувстве к ней, которое выше страсти и увлечений? Конечно, это всего лишь гипотеза, но раз Флобер мог парадоксально заявить, что Эмма Бовари — это он, то и каждый режиссер, если это настоящий художник, снимает фильм... о себе. О своем миропонимании и мироощущении в первую очередь.

— *Несмотря ни на что верю, что какой-то баланс в этом мире существует: если в чем-то жизнь обделила, то обязательно даст в другом. Вот в те годы, когда у меня были проблемы в личной жизни, и я была одна, судьба послала мне путешествия: за три года я объездила с «Табором» сорок с лишним стран. Это были международные кинофестивали, Недели советского кино, поездки от Совэкспортфильма. В 1977 году я получила приз за Лучшую женскую роль на кинофестивале в Праге, в 1978 году в Панаме — приз Лучшей актрисе фестиваля. Что-то еще было ...*

То, что меня легко выпускали за границу, в те времена было необычно, но, видно, я пользовалась каким-то расположением тех, кто это решал, и в моем досье не было «пятен». Хотя я никогда не была членом партии, несмотря на то, что это утверждает Кинословарь.

Особенно запомнилась поездка на кинофестиваль в Сан-Себастьян. Эмиля не выпустили из страны. А для меня Испания — первая поездка в капстрану. Я наслаждалась тем, что гуляла, смотрела на красоту вокруг. Для меня было совершенно неожиданно, что Гран-при дали нашему фильму. И в день закрытия фестиваля я вышла получать приз — Большую золотую раковину. Я помню, как стояла на сцене в блицах фотоаппаратов и мечтала, чтобы сейчас меня мог увидеть Эмиль. Когда наши отношения только начинались, он показал мне портрет очень красивой женщины. Я подумала, что, наверное, это его возлюбленная. А он спросил: «Ты знаешь, кто это? Это французская актриса

Мишель Морган». Она была его идеалом актрисы и женщины. И вот на той сцене в Сан-Себастьяне я подумала, что хоть на сантиметр приблизилась к ней. Потому что тоже останусь в истории, как лицо советского кинематографа.

Свою боль Тома будет тщательно прятать от всех. Но киношный мир тесен и жесток. Одни с любопытством, другие со злорадством будут наблюдать, как в жизни и на съемочной площадке пересекаются пути режиссера и его бывшей и новой возлюбленных. Фильм «Мой ласковый и нежный зверь», весь наполненный любовью, красотой актеров и пейзажей и пронизанный волшебной музыкой Доги, станет последним ярким явлением лотяновской поэтики.

— *Наша история с Эмилем настолько нестандартна, нетипична... Я по сути нормальная женщина, с независимым характером, с амбициями, в принципе способна на невероятные вещи, могу быть просто бешеной. Но эта ситуация, наверное, должна была возникнуть... На эту тему я могу лишь теоретизировать. Вдруг — Чехов. Другая тема, другие актеры... Когда появилась Галя, я не почувствовала в ней соперницу... Странно... И когда он женился на ней, когда Галя родила, — это поразительно! — я не чувствовала к ней неприязни, я всегда к ней тепло относилась. Она мне всегда была очень симпатична. У нас были замечательные отношения. Сейчас мы не общаемся. У нее своя жизнь, и, слава Богу, в ней все хорошо: у нее сейчас чудесный муж, четверо детей. Она сделала Лотяну большой подарок — сына Эмиля.*

* * *

Забегая по времени вперед скажу, что судьба вновь сведет Светлану и Галину вместе, в апреле 2003 года у гроба Эмиля Лотяну. И вновь к ним будут прикованы сотни взглядов и объективы телекамер, стремящихся высветить самое сокровенное, что в душе. Но эта женщина в скромной черной косыночке будет искренне горько рыдать, не думая, как выглядит со стороны, и ничего не замечать вокруг: это Галатея-Тома будет оплакивать своего создателя и самого главного мужчину в жизни...

* * *

Следующий фильм «Анна Павлова», поставленный Лотяну специально на Беляеву, получился громоздким, помпезным, из него ушли простота и искренность, отличающие почерк Мастера. Он станет памятником амбициям несостоявшейся балерины и состоявшейся законной супруги режиссера. В этом фильме Светлана Тома сыграет небольшую роль... матери героини. В финале она вообще появится в образе старухи. С точки зрения обычной женщины подобное предложение вызвало бы одну из нормальных реакций: пощечина, скандал с битьем посуды и хлопаньем дверью, обида, гордое «нет» и тайные слезы. Но как расценить поступок Светланы? Не мазохизм ли это?

Но эта «нетипичная» женщина, несмотря на красоту, талант и всемирную известность, считает иначе:

— *Я его очень любила... Но поняла для себя, что когда человека по-настоящему любишь, то перестаешь быть эгоистом. Увлеченность — да, эгоизм, но настоящая любовь — это когда ты хочешь, чтобы твоему любимому человеку было хорошо. Со мной можно не соглашаться, но для меня любовь именно это: отдавать. Я спрашиваю себя: хочешь, чтобы человек, который с тобой рядом, был счастлив? Так дай ему счастье. Думаю, что любовь в большом, космическом понимании не эгоистична, а наоборот эгоизм уходит.*

А что касается профессии, то, конечно, обида была. Но для режиссера Лотяну у меня не было слова «нет»: старуха — значит старуха, если бы предложил сняться в образе крокодила, я бы согласилась. Может быть, все это от того, что Лотяну меня сформировал: он получил материал, меня, и создал из меня определенный тип женщины, который существовал в его воображении. Мне важно было с ним работать. Его

мироощущение настолько близко моему, что, наверное, это самое главное. Вообще природу искусства пересказать сложно: это мистика, нечто сродни чувствам. А когда этого нет и остается чистая техника, ремесло, тогда магия разрушается...

Непостижимая тайна бытия: ни брак, ни развод, ни прочие события не испортят отношений между Лотяну и Тома. Они навсегда останутся духовно очень близкими людьми. В 1987 году режиссер снова позовет свою актрису в новую картину «Лучафэрул». На главную женскую роль. Но фильм окажется изначально обреченным: у Лотяну будут большие проблемы с руководством студии «Молдова-фильм», навалятся непреодолимые обстоятельства перестройки. А на руках Светланы в это время будет угасать больная мать: сильная женщина, уставшая от болезни и боли, сознательно откажется от лечения и от еды. На этих съемках их последний раз объединит горечь и боль.

Нет, все-таки не последний! Через несколько лет Республика Молдова пригласит их на пышный праздник, чтобы назвать Лотяну — «Лучшим молдавским режиссером столетия», а Тома — «Лучшей актрисой столетия» (Заслуженной артисткой Молдавской ССР она станет еще в 1979). Им вручат статуэтки, названные «Молдавским Оскаром» (Лотяну даже две). И на открытой в Кишиневе Аллее звезд две звезды с их именами будут рядом. Навечно. А в повседневной жизни у каждого была своя судьба.

— Наши отношения с Лотяну никогда не разлаживались в привычном понимании. Они сохранились до конца. Мы через многое вместе прошли. У него была своя жизнь, у меня своя, но для меня он был и остается очень близким человеком. Я думаю, что и он чувствовал то же. Возьму даже на себя смелость утверждать, что так, как я, его никто не понимал.

Ну а я потом полюбила мужчину, с которым несколько лет мы были вместе. В жизни я любила трех очень достойных людей и на собственном опыте знаю: в период увлечения и влюбленности ты эгоистична, а если это перерастает в настоящее чувство, то становишься щедрой.

Как-то на Московском кинофестивале ее познакомили со сценаристом Андреем Вишневым. Симпатичный молодой человек, приятный собеседник. Они пообщались несколько часов, оживленно проговорили, и на другой день Светлана уехала. По приезде домой дочь ей сказала, что несколько раз звонил какой-то Андрей. Ну, звонил и звонил. Он опять позвонил, они встретились. Потом еще. Стали жить то вместе, то порознь. То в его квартире, то у нее.

Андрей не раз заводил разговор о браке. Но Светлана отшучивалась и недоумевала: зачем? Тем более что небольшой комплекс по поводу того, что она старше Андрея, у нее был. И тут опять вмешалась Судьба. Как-то ей позвонили из одного туристического агентства и предложили сняться в рекламном ролике. Правда, не совсем обычном: речь шла не просто о поездке в экзотическую страну, но и местном свадебном обряде. И вдруг Андрей горячо поддержал эту идею: а что, свадьба по-малазийски? Он согласен хотя бы на такую!

— С самого начала это путешествие складывалось на редкость удачно, как будто по «зеленому коридору»: ни одного осложнения, нигде ни одной задержки, начиная с Шереметьева.

В Москве был слякотный сентябрь, а через несколько часов полета они оказались на другом конце света. Катером их доставили на маленький сказочный остров. На него даже местных пускают после тщательной проверки и отбора. Получается, что людям с сомнительной репутацией, даже имеющим большие деньги, сюда путь закрыт.

— Если рай существует, он должен быть похож на Пангор Лаут. Солнце не обжигает, а ласкает кожу. Ноги с удовольствием погружаются в мягкий песок. Изумрудный океан нежно покачивает на волнах... Обслуживание не просто на невиданной высоте, но и в прямом смысле на невидимой! Не успеешь выйти из воды, а обслуживающая уже заменила мокрые банные халаты на сухие. И они аккуратно лежат на персональных пляжных диванчиках. На столике уже полные бокалы с охлажденными напитками... Мы жили в небольшом шале в горах (на острове, который можно обойти часа за четыре, есть горы, водопады, леса!). Поют странные невиданные птицы, воздух

наполнен ароматом цветов. Все так необычно, диковинно... Сказка!

И вот их раздели в национальные одежды, на головы водрузили уборы из цветов и перьев, посадили в паланкины, увитые цветочными гирляндами, и принесли в храм. И там был свадебный обряд. Необычный и красивый. Все это сопровождалось мелодичным пением и танцами. Светлана все время чувствовала какое-то раздвоение: то ей казалось, что она играет в кино, то возникало ощущение, что это всерьез. Так они в прямом смысле «сыграли» свою свадьбу. После этого у них не осталось уже ничего другого, кроме как по возвращении зарегистрировать свои отношения.

Но у этой «сказки» не будет счастливого конца: Андрей все будет искать себя, ездить по свету, и их брак тихо и мирно «сойдет на нет».

Даже в любви и браке Светлана привыкла рассчитывать только на себя. Она всегда много работала. Когда отечественное кино билось в конвульсиях безденежья, выступала с концертной программой, в которой прекрасно пела романсы. Ее везде хотели видеть и слышать. Потом стали приглашать в сериалы.

Сегодня на счету актрисы Светланы Тома почти полсотни работ в кино и на телевидении. Требовательная к себе порой до мазохизма, она мало какой из них довольна, но за некоторые «не стыдно».

В сериале «Леди бомж» Тома снялась со своей дочерью Ириной Лачиной, которая сыграла в нем главную роль. А впервые они вместе появились на экране в фильме «Подозрительный» киностудии «Молдова-фильм», где шестилетняя Ирочка сыграла сразу две роли. А еще периодически мама с дочкой будут «встречаться» на сцене — в антрепризных спектаклях «Французская мелодия» и «Любовь-кровь». Они всегда радуются совместной работе.

А вот по поводу совпадений, которые прослеживаются в судьбах Светланы и Ирины, — мистика такая, что просто оторопь берет! Внешне они удивительно похожи (правда, Эмиль Лотяну назвал Ирину «гибридом Одри Хепберн с Ингрид Бергман») — обе красавицы с прекрасными фигурами, и Светлана выглядит скорее старшей сестрой своей дочери, нежели матерью. Да и отношения у них, как у душевных подруг. А еще у обеих прекрасные голоса, и они иногда поют дуэтом в концертах. И в творческом плане как будто кто-то специально подгадал: обе сначала сыграли главные роли в кино (Светлана, как вы помните, в «Красных полянах», а Ирина — в 1989 году у Всеволода Шиловского в «Блуждающих звездах»), а потом закончили актерские факультеты. Правда, разных институтов (Ира закончила Щукинское театральное училище. — *Прим. авт.*). Обе в двадцать восемь лет получили призы за Лучшую женскую роль (Светлана — за «Табор», Ира — за польский фильм «У Бога за пазухой»). Мужа Ирины тоже зовут Олегом, как и отца. И он тоже по образованию актер.

Любимая внучка Маша, которую Тома с самого появления той на свет активно помогала растить, называет ее любовно-панибратски Светой, тоже с детства снимается в кино, но сейчас учится на режиссера. Так что в семье Тома — Лачиной — Будриных налицо третье актерское поколение. Будут ли в Машинной судьбе дальнейшие мистические совпадения? Время покажет.

Тома (Фомичева) Светлана Андреевна

Родилась в Кишиневе 24 мая 1947 года.

Окончила Кишиневский институт искусства им. Г. Музыческу (1969).

С 1969 года — актриса русского театра им. А. П. Чехова в Кишиневе.

С 1976 года — актриса Театра-студии киноактера киностудии «Молдова-филм».

Заслуженная артистка Молдавской ССР (1979).

Заслуженная артистка России (2001).

Снималась в фильмах:

1966 — Красные поляны

1968 — Живой труп
1969 — Это мгновение
1972 — Лаутары
1973 — Дом для Серафима
1974 — Семейные дела Г аюровых
1976 — Табор уходит в небо
1976 — Братушка
1977 — Корень жизни
1978 — Мой ласковый и нежный зверь
— Подозрительный
— Ждите связного
1979 — Я хочу петь
— Прерванная серенада
— Раттили
1980 — Благочестивая Марта
— Люди в океане
1981 — Тайна записной книжки
1982 — Кто стучится в дверь ко мне...
— Падение Кондора 1983—1986
— Анна Павлова
1984 — Капитан Фракас (телефильм)
1986 — Дикий ветер
— Мои цыгане
— Семь криков в океане
1988 — Западня
— Лучафэрул
1989 — Сувенир для прокурора
1990 — Дина
1991 — Игра в смерть, или Посторонний
1994 — Поезд до Бруклина / Поезд в Brooklyn
1995 — Будем жить 1999 — Поклонник
— У Чертова логова
2001 — Воровка (ТВ-сериал)
— Леди бомж (ТВ-сериал)
2002 — Воровка 2 (ТВ-сериал)
2003 — С Новым годом, с новым счастьем!
— Бедная Настя (ТВ-сериал)
— Прощальное эхо
— Родные и близкие
2009 — Фонограмма страсти
— Девичник

Светлана Тома, кадр из фильма
«Табор уходит в небо» (1975 г.)

С Эмилем Лотяну

Элеонора Шашкова жена Штирлица

В далеком 1973 году двенадцать вечеров подряд замирала жизнь на улицах, кривая

преступности на час с небольшим пикировала вниз: хулиганы и сотрудники милиции, профессура и школьники — словом, все население огромного Советского Союза, где принимали первую телевизионную программу, устремлялось к голубым экранам, чтобы с волнением следить за «мгновениями весны» в жизни советского разведчика полковника Исаева, в высших эшелонах абвера известного под именем штандартенфюрер Штирлиц.

71/2 минут

Режиссер Татьяна Лиознова, ранее известная как создатель бытовых лирических лент, таких как «Евдокия» и «Три тополя на Плющихе», поставила непривычный фильм о войне, где основные «боевые» действия разворачивались не на полях сражений, а в тиши кабинетов, в жарких схватках интеллектов, интригах в ставке Гитлера, умело использованных талантливым русским агентом.

Фильм «Семнадцать мгновений весны» стал главным событием года, со временем не устарел и оказался обречен на бессмертие. И не только потому, что в основу сценария лег бестселлер Юлиана Семенова, а тема о бойце невидимого фронта была благодатной, — Татьяна Михайловна собрала уникальную творческую команду, каждый член которой вложил в работу не только свой талант, но и частицу души, чтобы получилось грандиозное, во многом новаторское киноповествование, ставшее культовым фильмом. В нем одинаково важны щемящая музыка Микаэла Таривердиева, вокал Иосифа Кобзона, закадровый голос Ефима Копеляна, блестящие актерские работы таких звезд, как Ростислав Плятт, Евгений Евстигнеев, Олег Табаков, Юрий Визбор... и, конечно же, — Вячеслав Тихонов.

Этот фильм открыл зрителям новые имена, которые с той поры срослись в народной памяти с их экранными героями. Так, Леонид Броневой навсегда остался Борманом, хотя сыграл немало ролей в кино и театре. В этой картине достаточно было сыграть в эпизоде, чтобы тебя запомнили и полюбили. Великолепная Нина Ульянова на целых десять лет вплоть до «Покровских ворот» помнилась как «подвыпившая дама с чернобуркой», которая «в любви Эйнштейн»...

Элеонора Шашкова появляется в этом фильме на экране всего в одном эпизоде продолжительностью всего семь с половиной минут. Именно столько времени длится встреча Штирлица с женой в кафе «Элефант». И хотя никто из них не произносит ни единого слова, эта сцена по степени драматизма стала одной из самых сильных в фильме. Оказывается, можно и молча передать огромную гамму чувств. Одними глазами. Сквозь черно-белую пленку глаза «жены Штирлица» лучились, окрашивая в радужные тона все вокруг. В них любовь, нежность, боль многолетней разлуки, радость мгновения встречи и обреченность от сознания, что эта встреча может оказаться последней...

Шашкова вспоминает:

— Меня пригласил второй режиссер фильма Зиновий Гензор, с которым мы встречались на картине «Две жизни», где главную роль тоже играл Тихонов.

Мне тогда было двадцать лет, и мы, студенты, часто снимались в массовке, чтобы немного подработать. Тогда я впервые «живьем» увидела Тихонова. Я вообще не люблю красивых мужчин: люблюсь ими, как произведениями искусства, но как женщину они меня не вдохновляют ни на что. А тут я увидела Вячеслава Тихонова в длинной серой шинели, — ему безумно идет офицерская форма! Его потрясающие серые глаза, пепельные волосы... И хотя я уже знала его по главной роли в фильме «Дело было в Пенькове» — не смогла удержаться восторженный возглас.

О том, что Татьяна Лиознова снимает фильм о нашем разведчике, знали все. Так вот, Гензор позвонил и сказал, что хочет познакомить меня с Лиозновой, и сейчас за мной придет машина со студии. Спрашиваю: «Почему ты меня выбрал?» — «Потому что она описала твою внешность».

Я приехала. Татьяна Михайловна посмотрела на меня своими огромными карими

мигающими глазами и спросила: «Не против постричься?» А у меня в то время были длинные волосы. Я говорю: «Если того стоит...» Она распорядилась: «Так, сейчас на грим и фотосъемка. Завтра снимаем». Я растерялась: «А сценарий? Когда я успею выучить слова?» Она отвечает: «А слов нет. Завтра приедешь, и будем работать. Если у тебя есть хороший строгий костюм, надень его».

Наутро я приехала к восьми, в любимом клетчатом костюмчике «пепита». Надо сказать, что дисциплина в группе Лиозновой была потрясающей: когда Татьяна Михайловна приходила, все было готово к съемкам. Снимал фильм прекрасный оператор Петр Катаев. Она ему говорит: «Петя, тебе двести метров: все, что она будет делать, — снимай». Потом поговорила со мной, стараясь ввести в нужное состояние, стала расспрашивать о моей жизни. А у меня тогда был очень трудный момент: умерла мама, и я очень переживала. Проговорили мы где-то час. Она рассказала предысторию встречи героев. Меня загримировали, «подстарили» лет на десять. Она командует: «Мотор!», и мы снимаем сцену с прекрасным артистом Женей Лазаревым. Все получилось. Потом Татьяна Михайловна говорит: «А теперь смотри вправо, там будет сидеть Тихонов».

В тот день у Вячеслава Васильевича был выходной. Он очень устал от напряженных съемок, и было решено его не беспокоить. Но сцена у Шашковой не получалась: театральная актриса привыкла играть на партнера.

— Режиссер нервничает: «Ну что ты капризничаешь? Давай на Гензора или на меня играй». А я чуть не плачу: «Не могу! Мне нужны глаза „мужа“!»

И тут, прямо как в кино, открывается дверь кафе «Элефант» и входит Тихонов. Все, кто был в тот момент на съемочной площадке, вздрогнули от совпадения. Шашкова решила, что «это его Бог послал!», и сразу успокоилась. Оказывается, Тихонов от волнения и любопытства не смог усидеть дома: хотел увидеть глаза актрисы, с которой у него на экране будет молчаливый диалог.

— Он сел под камеру. И я мгновенно влюбилась в него! Так и должно было быть: я ведь актриса, и верю в предлагаемые обстоятельства. Не знаю, что получилось бы, если бы герой мне не понравился... Тихонов так мне помогал: он со-не-ре-жи-вал! Когда я готова была улыбнуться или у меня наворачивались слезы, он слегка качал головой, призывая к сдержанности. Эти несколько минут я любила его безумно! Пережила целую жизнь.

Сцену отсняли, режиссер сказала привычное «Всем спасибо!», и Шашкову отправили домой. Все. Ее работа была закончена. Но на следующий день, когда снимали этот же эпизод с Тихоновым, он сказал: «Я не буду сниматься без Эллы».

— И я снова приехала. Сидела под камерой и вновь переживала то, что вчера.

Потом Татьяна Михайловна пригласила меня на просмотр черного материала. Мы смотрели его с ней в маленьком зале на студии Горького. Музыка тогда еще не было. Смотрю на себя и совершенно себе не нравлюсь! Вышла расстроенная, говорю: «Какой ужас!» Я имела в виду себя, а Лиознова подумала, что я это об эпизоде, и обиделась. Так мы не поняли друг друга, и она не разговаривала со мной несколько лет.

Потом Микаэл Таривердиев, глядя на эту сцену, сядет к роялю и напишет музыку, которая идеально ляжет на действие, усиливая его драматизм.

В программе Леонида Парфенова, посвященной 25-летию создания любимого народного фильма, Татьяна Лиознова сказала, что «есть в нем две гениальные роли, достойные главных наград, сыгранные без единого слова: жена Штирлица и парень, который приводит ее на свидание к мужу. Их блестяще сыграли актеры Элеонора Шашкова и Евгений Лазарев». Парфенов подытожил: «Выйдя из кафе „Элефант“, они вошли в историю кино».

Потом многие упрекали создателей картины в некотором отступлении от правды жизни: эта «бессловесная сцена» была настолько наэлектризована эмоциями, что если бы за Штирлицем в тот момент следили, он бы, безусловно, был раскрыт. Но это детали, заметные только профессионалам. Зритель же полюбил этот фильм сразу и навсегда. И сколько бы раз ни показывали его по телевидению, прилипает к экранам, хотя прекрасно помнит все коллизии сюжета и наизусть знает реплики героев. Поэтому и «раскрашенную» версию

картины приняли далеко не все: зачем «приукрашивать» то, что и так прекрасно?!

Когда в Киноцентре отмечали 70-летие Татьяны Лиозновой и 25-летие главного фильма ее жизни, то пригласили всех актеров, снявшихся в сериале, на сцену.

— *Я тоже взбираюсь на сцену, а мне распорядитель говорит: «Нет-нет, вы посидите за кулисами». Все выступают, говорят Татьяне Михайловне прочувствованные слова... На заднике в этот момент дают стоп-кадры из фильма. А я все за кулисами... Мне кажется, что прошла целая вечность и вечер уже заканчивается. Тут мне стало совсем плоховато: зачем, думаю, меня позвали? Пошла в буфет, выпила пятьдесят граммов коньяка, опять вернулась за кулисы. А на мне шикарный костюм, и я речь заготовила... Наконец, режиссер вечера говорит: «Дайте пленку». И на экране идет эпизод с моим участием. Целиком. Тут объявляют: «Заслуженная артистка России, Заслуженный работник искусств Польши Элеонора Шашкова». Я выхожу, и зал аплодирует и встает... У меня в горле ком, вся речь вылетела из головы. Стою, на глазах слезы, слова не могу вымолвить... Тут подбегает Вячеслав Васильевич с огромным букетом, который ему вручили раньше, и говорит в микрофон: «Это моя самая любимая жена!» — и дарит мне цветы. Зал хлопает, я чуть не расплакалась. Все поняли, что это уж точно не по сценарию.*

И хотя «Семнадцать мгновений весны» сразу стал всенародно любимым, «дивидендов» с этого Элеонора Петровна никаких не получила. Даже в родном театре им. Вахтангова ее практически никто с успехом не поздравил. Как печально замечает актриса по этому поводу: «Как-то не принято у нас радоваться удачам коллег...»

— *Если честно, я тогда думала, что это всего лишь проходной эпизод. Тем более что первые десять лет меня никто не узнавал. Потом, когда я по возрасту стала подходить к тому образу, меня стали узнавать. И что интересно, не по большим работам в телесериале «Тени исчезают в полдень» или по «Ошибке резидента», а именно по этой.*

У меня не получилось посмотреть премьерный показ фильма. Я увидела его через несколько лет, и смотрела абсолютно абстрагировано: «чужое лицо», какая-то посторонняя женщина. Только на третий-четвертый раз я стала сопоставлять «ее» с собой, а на пятый — сама прослезилась.

Ее потом стали приглашать на роли «с молчанием». Но она отказывалась, понимая, «что лучше уже не сделаю».

Но далеко не все также оценивали ее работу в этом фильме. Когда она решила вступить в Союз кинематографистов, то для приемной комиссии выбрала эпизод из «Семнадцати мгновений весны».

— *Одна из народных артисток, возглавлявшая комиссию, сказала: «Мы не можем принять эту актрису в члены Союза: она не говорит с экрана ни слова». И меня не приняли.*

Об этом можно было бы вспомнить, как о курьезе, если бы речь не шла о реальной человеческой жизни.

О творческой жизни. Об Актрисе, у которой душа больше физического тела, а, значит, и удар дубиной и булавоочный укол попадают именно в нее, душу, резонируя в каждой клеточке тела острой болью...

И ей — красивой, талантливой, искренней и сострадательной — не раз приходилось пить из горькой чаши зависти, недоброжелательности, равнодушия.

— *Тем не менее, я обожаю этот фильм. Хоть за него я не получила ни наград, ни званий. Он сыграл знаковую роль в моей судьбе. И мой муж его очень любил: периодически затирался и смотрел все серии.*

Встреча на земной орбите

Валентин Иванович Селиванов, будущий муж Элеоноры Петровны, по настоянию второго режиссера Анатолия Кезина пригласил ее в 1976 году в фильм «Дневник Карлоса Эспинолы», рассказывающий о чилийском мальчишке, оказавшемся после переворота Пиночета в советском интернате. Сам Селиванов не видел фильмов с участием Шашковой,

полностью положившись на мнение помощника.

— *Когда мы познакомились, он решил сделать из эпизода роль. Так из воспитательницы я стала учительницей.*

Они могли бы встретиться гораздо раньше. В 1973 году Валентин Селиванов, имевший два кинематографических образования: сценарист и режиссер, задумал детский фантастический фильм по повести Сергея Михалкова «Большое космическое путешествие». Его ассистенты на киностудии им. Горького проводили кастинг детей. Привела на него свою дочь Тошу и Элеонора Шашкова. И, пока проходили пробы, Элеонора Петровна от нечего делать стала читать сценарий и увлеклась. Ей так понравилась роль сотрудницы космического центра, что она не удержалась и попросила знакомую ассистентку замолвить режиссеру за нее словечко. Потом решила и захотела познакомиться с ним. На нее замахали руками: «Нельзя! Он занят». И хотя Селиванов в это время находился в соседней комнате, их жизненные параллельные миры тогда так и не пересеклись. Несмотря на то, что дочка Шашковой была крупной для своих девяти лет, ее не взяли. А понравившуюся ее маме роль сыграла Нинель Мышкова.

Их встреча с Селивановым состоялась только спустя три года. Правда, опять не сразу, — как будто кто-то палки в колеса вставлял.

— *Один раз пришла на пробы — его нет. В другой раз назначили, — опять опаздывает. А я ждать не могла: у ворот стояла машина, чтобы отвезти меня в театр.*

И она ушла. В сердцах думая, что навсегда. У турникета проходной столкнулась с мужчиной. Это и был Валентин Селиванов. Но она его в лицо не знала, а он, хоть и узнал ее по «Семнадцати мгновениям весны», не остановил. Но на следующий день за ней опять пришла машина со студии.

— *Когда мы знакомились, я почувствовала, что электрический разряд пробежал черезжатие рук. Он мне сразу сказал: «Я влюбился». Это было так трогательно и искренне, что не оценить было невозможно. Но мы очень сложно пришли друг к другу. У него была семья, ребенок...*

Элеоноре оказалось достаточным увидеться с ним несколько раз, чтобы понять, что она не может больше оставаться с мужем.

— *И я ушла от мужа...*

С которым они вместе работали в театре. Эрнст Зорин был талантливым характерным актером, симпатичным мужчиной и интересным человеком. В год ее прихода в театр на гастролях вахтанговцев в Целинограде они сблизилась. По возвращении поженились. Жили весело и дружно, радовались рождению дочери Антонины. Но к моменту встречи Шашковой с Селивановым отношения с мужем стали настолько прохладными, что она чувствовала себя совершенно свободной женщиной.

Вскоре после их разрыва Зорин уехал за границу и стал работать на радио «Свобода», как корреспондент и диктор. Женился, у него родилась дочь.

А Элеонора с Селивановым вскоре поженились и прожили вместе двадцать два года. Несмотря на сложный характер Валентина Ивановича — он был вспыльчивый, но добрый и быстро отходчивый, — эти годы Элеонора считает самыми счастливыми в жизни. До сих пор, когда она говорит об этом, у нее дрожит голос. И все стены в маленькой квартирке на первом этаже украшены фотографиями мужа и любительскими снимками, сделанными во время их многочисленных путешествий.

На друзей ей всегда везло: хорошие люди, нарушая законы физики, притягивают себе подобных. Часто бывает в актерской среде, что сложится на съемочной площадке дружная спаянная компания, а фильм закончится — и разлетятся все по своим орбитам, чтобы иногда при встрече бросать дежурные фразы «как дела?», «как здоровье?» и, не дожидаясь ответа, мчаться дальше. У Шашковой иначе: то ли она прирастает к людям, то ли они к ней, но продолжают поддерживать дружеские отношения, несмотря на бешеную суету жизни встречаться. К ней любят приходить в гости, зная, что желанны.

Вот и с Георгием Жженовым (к сожалению, ныне покойном. — *Прим. авт.*) и его

супругой Лидой их долго связывала теплая дружба. Она началась в 1967 году, когда Элеонору пригласили на пробы фильма «Ошибка резидента», где Жженов играл главную роль.

— Я пробовалась на роль диспетчера таксопарка. И что-то у меня не получалось, по театральной привычке я форсировала голос. Режиссер Вениамин Дорман кривился и делал замечания. Тут Жженов попросил: «Сделайте перерыв, а мы пойдем кофе поьем». Сели мы за столик, он как-то легко разговорил меня, все расспросил обо мне. А потом и говорит: «Ну что ты орешь в кадре? Вот так и разговаривай, как сейчас». Отсняли два дубля, он поворачивается к режиссеру: «Так, Дорман, если она не будет сниматься, я уйду из картины». С тех пор я называю Георгия Степановича своим «крестным отцом».

Если семейная жизнь в ту пору складывалась у Шашковой и Селиванова удачно, то в творческой у супруга Элеоноры были большие проблемы. Селиванову долго не давали постановку. Он страдал, потому что были интересные идеи, удачные сценарии. А во время перестройки он создал свою кинокорпорацию «СПАС».

— Мы встали на ноги. У нас была шикарная квартира на Сухоревке. Мы путешествовали по миру, ездили к дочке в Америку. Потом Валентин одолжил большие деньги одному режиссеру, Горбаню, а тот обманул его, долг не вернул. И мы опять стали нищими. Муж не смог пережить предательства и разорения... Сердце не выдержало. 1 апреля 1998 года, через пять дней после выхода из больницы, он ушел гулять, категорически отказавшись взять меня с собой. Наверное, знал, что уходит умирать, не хотел, чтобы это было дома, у меня на глазах... Сходил в магазин через дорогу, подарил продавщицам конфеты, поздравил с Днем смеха... Вышел и на улице потерял сознание. Как мне потом рассказывали, «скорая» приехала поздно... У меня в тот день не было никаких предчувствий. Я проснулась в два часа ночи и увидела, что его нет. Побежала искать, думала, засиделся с приятелями. Потом стала звонить по больницам, в бюро несчастных случаев. У него не было при себе документов, и когда я описала приметы, мне сказали: «Он в первом морге». Я удивилась: «А что он там делает?» На это мне так спокойно ответили вопросом на вопрос: «А что еще делают в морге?» Я закричала...

Потом был самый ужасный год в моей жизни...

Всегда буду молодой!

Ее спасала, отвлекала от горя работа: друзья пригласили в антрепризный спектакль «Ночные встречи». Окружали теплом и заботой подруги, рядом была дочь Антонина. Она получила профессию режиссера массовых постановок, не очень была этим довольна, и отец помог ей выбраться в Америку. Там она прожила семь лет, закончила институт бизнеса, но навсегда остаться не захотела и вернулась обратно. На киностудии Горького работала организатором кинопроизводства. Вышла замуж, родила ребенка. Сейчас занимается собственным проектом. Элеонора Петровна обожает внука Давида. Он, как все современные дети, вундеркинд и учит бабушку «жить». Это дает ей силы, и, выполняя когда-то данное ректору Щуки обещание, она совершенно не собирается стареть.

Об одном она сожалеет: что многое случилось у нее позже, чем могло бы. И любовь к самому главному человеку. И смысл ее жизни — театр.

— Так получилось, что я поздно пришла в мир театра. Мой отец был человек военный, пограничник. Жили мы в Симферополе. Отец был суровым человеком, а мама — добрая, мягкая, молчаливая. Всю себя она посвятила семье. Я с детства любила кино, и каждый поход в кинотеатр был для меня праздником. Как и театр. Рядом с нами был Театр оперетты. У мамы там была знакомая костюмерша, и мы по контрамаркам ходили на все спектакли. Это мама привила мне с раннего детства любовь к искусству. Совсем ребенком она повела меня в Одесский оперный театр на оперу «Евгений Онегин». Я испытала настоящее потрясение. Стала запоем читать Пушкина, сначала его произведения, потом книги о нем, его дневники. Полюбила классику. В старших классах зачитывалась Чеховым. В

школе играла в драмкружке. И мечтала учиться на артистку. Но когда пришла пора ехать в Москву, отец спрятал туфли и порвал билет. Назло всем поступила в сельскохозяйственный, — мне было в принципе все равно. Но занималась плохо, потому что все время проводила в клубе, в драмкружке.

Гарнизонный клуб был в аварийном состоянии, и однажды Элеоноре на голову свалился с потолка приличный по весу кусок штукатурки. Но, несмотря на сотрясение мозга и месяц, проведенный в больнице, это не остудило Элину любовь к театру, зато появился повод взять в институте академический отпуск. В это время отца перевели на Курилы. Он поехал с женой и младшей дочерью Мариной. Узнав о происшествии с Элей, послал старшей грозную телеграмму: «Приезжай немедленно». Она поплакала, собрала вещички и отправилась на край света в поселок Горячий Пляж на острове Кунашир.

Там ее, восемнадцатилетнюю девчонку, отец устроил в штаб в отдел разведки. Ей было интересно: она печатала допросы японских шпионов, а однажды даже участвовала в настоящей операции по задержанию самого удачливого шпиона Тайни Акира. Кроме непосредственно работы, успела перечитать все книги клубной библиотеки, пела в самодеятельности, организовала драмкружок и ставила спектакли про пограничников. Она тогда не могла себе представить, что позже, в «другой» жизни, будет играть в фильмах про разведчиков и шпионов, и даже сыграет жену начальника пограничной заставы в фильме «Я службу на границе».

Тем не менее, как ни пыталась она заполнить кипучей деятельностью дни, проведенные в «медвежьем углу», душа рвалась в Москву, в город, где ее мечта могла обрести реальность. Подговорила маму и младшую сестренку, взяла билеты, и они втроем улетели «на материк». Отец был в бешенстве: впервые старшая дочь не только затеяла мятеж, но и победила в схватке с его авторитарностью. Откуда взяла силы обычно покорная девушка? Как ни странно, из кино.

— *На меня огромное впечатление произвел фильм «Сорока-воровка» с Зинаидой Кириенко. Он был про меня: я чувствовала себя крепостной актрисой. После сеанса я так рыдала, что отец испугался: «Кто тебя обидел?» Я ответила сквозь слезы: «Ты все равно не поймешь!»*

Приехав в Москву, она растерялась, узнав, что там существуют несколько театральных училищ, да еще два института. Куда идти? Что выбрать? Все решил случай: пошла в ближайшее от места, где остановилась. Это оказалось Щукинское училище. Параллельно решила показаться в оперную студию.

— *Спела примерно как Катя Савинова в фильме «Приходите завтра». Да и репертуар был этот же — «Вдоль по Питерской». Мне сказали, что у меня голос неплохой, но есть явные драматические способности. Поэтому лучше бы мне в театральное стоны направить. Да и семи классов музыкальной школы для поступления туда было недостаточно.*

Хорошо, что на консультациях в Щукинском училище на нее обратил внимание брат Юлии Борисовой, замечательный актер, Заслуженный артист России и талантливый педагог Анатолий Иванович Борисов. Шашкова считает его своим «первым крестным отцом» в искусстве и благодарна ему всю жизнь.

— *Я была девушка крупная. Мама купила мне синее габардиновое платье под мои голубые глаза. Я читала про Данко — так драматично, с таким надрывом!.. А Борисов порекомендовал поменять программу. Подсказал почитать монолог Марины Поярковой из «Поднятой целины».*

К ее фактуре тот монолог подошел как нельзя лучше. Элла очень переживала за подругу, с которой поступала, набралась смелости и подбежала к Яковлеву, выходявшему из кабинета, где заседала приемная комиссия: «Юрий Васильевич, Калашникова принята?» А тот сказал, что из их десятки «взяли какую-то украинку Шашко». Ее сердце дрогнуло: уж она-то знала, что никакой «Шашко» среди них не было. А потом на собеседовании ей задавали вопросы, в том числе проверяя «идеологическую подковку». А ректор училища

Захава заметил: «Вот придете вы в театр в двадцать три года. А это поздновато». На это она ему дерзко возразила: «Знаете, Борис Евгеньевич, я всегда буду молодой!» Он засмеялся и сказал: «Тогда берем!»

Училась она самозабвенно. В дипломном спектакле «Вишневый сад», поставленном Евгением Рубеновичем Симоновым, играла Раневскую. За эту работу была принята в труппу театра им. Вахтангова.

Можно сказать, что пришла желанным ребенком в театральную семью.

Сыграла Фею в «Золушке», казачку Настю в «Конармии». Заменяла заболевшую Людмилу Максакову в роли цыганки Маши в «Живом труп». Пела она романсы прекрасно, а вот с полнотой пришлось бороться до голодных обмороков. За три дня вошла в спектакль «вслепую» — без единой репетиции с партнерами. Успех был, были поздравления, большей частью «серых халатов» — работников разных цехов и служб, которые трепетно и самозабвенно любят свой театр и всегда имеют свое мнение, часто расходящееся с мнением дирекции и Худсовета. Но самое верное и для актера ценное — зрительское. А зрители встретили Элеонору на «ура»! Была и лестная надпись, сделанная Рубеном Симоновым на программке: «Желаю вам таких же успехов».

Ее назначили на эту роль в пару с Максаковой. Все лето, проведенное с семимесячной дочкой на даче, Элеонора изнуряла себя диетами и сбросила пятнадцать килограммов. На сбор труппы в новом сезоне пришла похудевшая, похорошевшая, в прекрасной форме. Но играть Машу ей больше не дали. Без объяснений. На память осталась лишь единственная фотография успеха.

Это был первый сильный удар, от которого она долго не могла оправиться. Потом их будет немало, и она перестанет их считать.

После смерти Рубена Симонова главрежем театра стал его сын Евгений. Он знал Элеонору еще по училищу и давал ей много работать. С Максаковой в очередь она играла Мамаеву в спектакле «На всякого мудреца довольно простоты».

— *Мне очень помогал замечательный актер Николай Сергеевич Плотников. Где-то на десятом спектакле он меня спросил: «Что ты делала перед спектаклем?» Я отвечаю: «Стирала и очень устала». Он говорит: «Вот теперь перед каждым спектаклем стирай! Ты сейчас сыграла так, как надо. Теперь надо расти».*

Ее почти всегда назначали во второй состав. И хотя порой приходилось играть по двадцать спектаклей в месяц, пока Актеры № 1 снимались в кино, разъезжали по фестивалям и творческим встречам, о таких как она не писали газеты, не рассказывало телевидение: премьеры играли другие и вся слава доставалась им.

Правда, ее как партнершу ценили. К примеру, Юрий Яковлев предпочитал именно ее брать на встречи со зрителями и концерты, где они играли сцены из спектаклей «На всякого мудреца...» и «Памяти сердца».

В 1972 году в образе России-матушки Элеонора участвовала в концерте, посвященном Дням культуры Польши в Москве. Увидев ее рядом с польской актрисой Полой Раксой (знакомой и любимой советскими зрителями по фильму «Зося» и сериалу «Четыре танкиста и собака», где она сыграла русскую радистку Марусю-Огонек), тогдашний министр культуры Е. А. Фурцева удовлетворенно заметила: «Это правильно, что „Россия“ такая большая, а „Польша“ — маленькая».

Вероятнее всего, поляки этого не слышали, а то бы обязательно обиделись. Но им понравилась красивая русская актриса, и в 1974 году они пригласили Шашкову вести фестиваль советской песни в Зеленой Гуре. Она должна была делать это в паре с популярным актером Станиславом Микульским. От его Ганса Клосса в сериале «Ставка больше, чем жизнь» сходили с ума — без преувеличения! — все женщины бывшего соцлагеря, где польский сериал демонстрировался с большим успехом. Но Микульскому что-то помешало, и Элеонора вышла на сцену летнего театра, где проходил фестиваль, в паре с диктором польского телевидения и вместе с ним вела концертные программы на польском языке.

Полякам «пани Элеонора» настолько полюбилась, что через пару лет ее официально пригласили вести гала-представление в Варшаве, посвященное Дням советской культуры. На этот раз она была на сцене с Микульским. Тот галантно ухаживал за голубоглазой красавицей, и местные острословы пустили шутку, что «капитан Клосс отбил жену у Штирлица». А если серьезно, то Шашкова не только стала говорить по-польски, но и обрела там множество друзей, которых потом с удовольствием принимала у себя в Москве. И поляки оценили русскую актрису, присвоив ей в 1976 году звание Заслуженного работника искусств Польши.

А вот с признанием на родине было сложнее. Еще в начале 80-х худрук театра Рубен Симонов оформил представление Шашковой к званию Заслуженной артистки России, но потребовалось целых долгих десять лет, пока она его получила. Это случилось лишь в 1991 году. Много ли радости это принесло ей? Наступила тяжелая полоса в ее жизни: ни в кино, ни в родном театре работы у Элеоноры Петровны практически не было...

— *Когда стал худруком Михаил Ульянов, что-то сломалось... Мне кажется, что он просто никогда не видел меня в работе. Он с Худсоветом всегда смотрел первый состав. Меня же он «не видит». Я в театре была десять лет без ролей. Настолько вырос багаж, есть силы, все время поддерживаю форму... Но сейчас играю только первый выход и эпизод в единственном спектакле «За двумя зайцами».*

Да, уж тут гордиться нечем: спектакль неровный, не выстроен, всюду видны «белые нитки» слабой режиссуры. Его украшает и безраздельно царит в нем блистательная Мария Аронова. Убери ее — и он рухнет, как карточный домик от дуновения ветерка.

«Наше поколение — это потерянное поколение вахтанговцев», — страшное признание актрисы, отдавшей театру свою любовь, свой талант, свои силы, свою жизнь. Он перестал быть ее родным домом, и чувствует она себя в нем, как сирота в приюте.

В буквальном смысле Элеонору Петровну свалило с ног, когда она узнала, что ее не позвали на телевизионную программу «Театр + ТВ», посвященную юбилею Вахтанговского театра, где была почти вся труппа. От нестерпимой обиды зашкалила температура, боль рвала тело на части.

Но тут, как спасательный круг, пришло приглашение из Питера на 75-летие Петра Вельяминова (пусть ему ТАМ будет хорошо от наших теплых слов, от нашей любви!.. — *Прим. авт.*) Впервые они снялись вместе в сериале «Тени исчезают в полдень». И хотя там коварная Стешка предала большую любовь Захара Большакова, в жизни они навсегда остались добрыми друзьями. И потом еще дважды встречались в работе.

— *У нас никогда не было романа, но мы безумно любили друг друга — как друзья, как люди одной группы крови, часто встречались семьями.*

Тогда, на юбилее любимого артиста, не раз игравшего морских офицеров, был чуть ли не весь адмиралтейский корпус, подводники из Кронштадта. После болезни и недавно испытанного «юбилейного унижения» Шашкова чувствовала себя там слегка не в своей тарелке. Вдруг к ней подошел весь в орденах статный адмирал с красивой седовласой женщиной и обратился к своей спутнице: «Ты знаешь, кто это? Это жена Штирлица! Ты помнишь, как они молчали в фильме, а мы с тобой плакали?» И он при всех опустил перед актрисой на одно колено и поцеловал ей руку.

Элеонора Шашкова сыграла в общей сложности в четырех десятках фильмов. Есть среди них главные роли, есть эпизодические, но она навсегда останется для всех Женой Штирлица.

Шашкова Элеонора Петровна

Родилась в Симферополе 24 декабря 1938 года. Закончила Театральное училище им. Щукина (1963 г. мастерская Л. Шихманова, В. Львовой).

С 1963 года — актриса Театра им. Е. Вахтангова. Заслуженная артистка России (1991).

Заслуженный работник искусств Польши (1976).

Снималась в фильмах:

- 1963 — Когда казаки плачут
- Тишина
- 1964 — Возвращение Вероники
- 1968 — Ошибка резидента
- 1970 — Драма на охоте
- О любви
- Судьба резидента
- 1971 — Тени исчезают в полдень (ТВ-фильм)
- 1972 — Цирк зажигает огни
- 1973 — Открытая книга
- Я служу на границе
- Семнадцать мгновений весны (ТВ-фильм)
- 1975 — Конармия (телеспектакль)
- 1976 — Дневник Карлоса Эспинолы
- 1977 — Все дело в брате
- 1978 — Однокашники
- 1981 — Тропинины
- 1982 — Возвращение резидента
- Слезы капали
- Еще до войны
- 1983 — Талисман
- 1984 — Продлись, продлись мгновенье
- 1985 — Свадьба старшего брата
- Дорога к морю
- Неудобный человек
- 1991 — Телохранитель
- 1999 — Семейные тайны
- 2004 — За двумя зайцами (телеспектакль)
- 2006 — Знаки любви
- Утёсов. Песня длиною в жизнь
- 2007 — Взрослая жизнь девчонки Полины Субботиной
- 2007–2008
- Мачеха
- 2008 — Взрослые игры
- Грехи наши
- Я лечу (*сериал*)
- 2009 — Высший пилотаж
- 2010 — Гламур (*сериал*)
- 2010 — Гламур-2 (*сериал*)

Элеонора Шашкова на съемках фильма
«О любви» (1970 г.)

Элеонора Шашкова,
кадр из фильма
«17 мгновений весны» (1973 г.)

© Соколова Л. А., 2011

© Оформление, издательство «БХВ-Петербург», 2011